

В 2(49)

ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
Л.К. ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 2 (49)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
С.С. КОЗЛОВ
В.Е. КОПЫЛОВ
А.Н. СКОРБЕНКО
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
М.А. ФЕДОСЕЕНКОВ
А.П. ЯРКОВ

Тюмень
2017

Содержание

ПРОЗА

Станислав МАЛЬЦЕВ	Вика-Викуля.....	7
Александр СТЕШЕНКО	Четверговая баня.....	77

ПОЭЗИЯ

Михаил ФЕДОСЕЕНКОВ (4), Александр НОВОПАШИН (73),
Ольга ГУЛЬТЯЕВА (87), Маргарита ЧЕКУНОВА (91),
Егор КОСИН (95),

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Иван ИСТОМИН	Рассказы.....	99
Якуб ЗАНКИЕВ	Любовь, объятая пламенем. Глава из романа..	117

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Ксения ЯКИМОВА	Девочка с красными руками. Рассказ.....	124
Юлия ЕЛИНА (120), Александр КАРПОВ (130)		

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Зуля СТАДНИК	Сказки.....	134
--------------	-------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Станислав ЛОМАКИН	Диалог с самим собой	138
-------------------	----------------------------	-----

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА	Признание в любви.....	141
Анатолий ОМЕЛЬЧУК	Леонардо, ты куда?.....	143

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ЯРКОВ, Анатолий ЗВЕЗДИН
А был ли 117-летний Павел Толстогузов «участником Бородинского сражения»?.....

149

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ «БЕРЕГА» (г. Калининград)

Лидия ДАВЫДЕНКО	Праздник мудрецов. Повесть.....	157
Войслав КАРАДЖИЧ (154), Элина ТРИДЕВЯТОВА (171), Виталий САВРОВ (174), Алина ЛЫСИКОВА (177), Алина СЕРЕГИНА (185), Дарья ФАО (190)		
Евгений ЖУРАВЛИ	Короткие рассказы.....	179

Литературная хроника	193
Коротко об авторах	196

ПОЭЗИЯ

Михаил ФЕДОСЕЕНКОВ

* * *

На небесном шарнире
Полярной рвезды
Проскрипят эти шири –
И выглянешь ты
В этот мир обновлённый,
Серебряный дым;
И очертятся клёны
Лучом золотым,
И тальник у забора
Заплещет листвою,
С ладом птичьего хора
Перекликнется твой...

* * *

Восхищённые ресницы,
Восхищаюсь вами я!
Через это прояснится
Зга любая бытия.

Все откроются криницы,
Все тревоги отпадут;
Если что-то коренится –
Коренится тут.

* * *

На крыльце, на приступке стоял он.	Только взор, только слух
Вдаль глядел.	и остались,
Слушал высь.	Только радостный хмель бытия,
Слушал лес.	И судачит пернатая шалость,
И в ромашковом духе стоялом	То ли пращур то был,
Вместе с дымкой рассветной исчез.	то ли я...

* * *

По-над облачным заплотом
Запалился луч-малыш.
Голубь крыльями захлопал
И поверх возжётся крыш.
Ветерок почти не слышен,
Дрёму клёнов вороша;
Снова – золото нам свыше,
Снова – крылья и душа...

* * *

Горчаще-приторный паслѣн
Развѣян в воздухе над полем.
Цветѣт картофель рядным морем,
Слегка просѣлком запылѣн.

В его ботве родов крестец,
В его соцветиях все краски
И даже бабушкины сказки
В его кореньях с самых детств.

А над простором кряж плывѣт
Из бело-розового пара,
И от бродяги-крутояра
Находит тень на околот.

Всѣ так и было. Так и есть.
Бесшумна тень, а птень щебечет.
И то ли коршун, то ли кречет
Шлифует высь, распластан весь.

И задыхается июнь
От благодати и свободы.
И от любви...
Не важно, кто ты, –
Он любит всех, куда ни плюнь!

* * *

По стеклу стучит стучиха,	Ветерок, вихор-вихорыч,
Льда дробятся валуны;	Разгони ты эту гмырь,
На одной струне бренчиха	Чтобы огненный кудѣрыш
Нагоняет заунывь...	Расходился во всю ширь!

* * *

Полѣгшие плетни,
Трухлявые повети.
И гомон ребятни
Места покинул эти.

Иссохший журавель,
Заброшенный колодец;
Бесхозный прѣт щавель
Без грядок и околиц.

Убито озерцо
Осокою и ряской.
И резвость сорванцов
Лишь снится
тине вязкой.

Луговая быль

На тонкой ножке горицвета
Сидел кузнечик раскладной,
Сгибая стебель травяной
И вдруг сгая как ракета –

Ура! Лечу я через клевер,
Пырей, лапчатку и жуков;
Вот, посмотрите, я каков,
Взяв направление на север...

Ему в ответ жуки и травы –
Не будь, курилка, дураком,
Там лёд тает под мхом,
Побереги свои суставы!

* * *

Расходилась твердь, сходилась...	Утвердились тишь да радость.
Набесилась буря всласть.	Упразднились гром и жуть.
Вновь лучей струится милость,	Всю сибирость и уралость
Синь по лужам разлилась.	Ажно хочется вдохнуть!

* * *

Нет, не романсы то, мой друг.
Но малость чокнутые стансы
Каких-то забубённых станций
Из закольцованных дистанций...
Арлюк. Баландино. Арлюк.

Нет, не бирюльки то, мой друг.
Но очень значимые вещи.
А может, даже и похлеще...
В баклаге мутной брага плещет.
Арлюк. Баландино. Арлюк.

Нет, не в нирване мы, мой друг.
Но мы в болтанке электрички –
Мелькают сосны, дачи, дички,
Авоськи, лица, косметички...
Арлюк. Баландино. Арлюк.

Нет, не расстанемся, мой друг.
Хоть и зовут из мрака выпи,
Из этой качки нам не выйти
И этот хмель до дна не выпить...
Арлюк. Баландино. Арлюк.

* * *

Осенняя оторопь сердца.
Сквозь сонный прощания чин.
Пожухлый вираж отщепенца.
Сторонность ветвистых руин...
Уходит, уходит, уходит
Со всей безвозвратностью в муть
Забвения то, что лишь годик
Назад не давало заснуть!

* * *

Крупное белое терево
Валит на город с утра.
Стало кленовое дерево
Облаком в центре двора.
Радостно пёс невесомые
Пастью хватает ломти;
Лёгкая санки несёт мои,
Чтоб в небеса унести...

* * *

На мосту с нещадной силой
Ледяное толокно
Занаждачило темно,
Словно бес над речкой стылой
Затолок своё зерно...

Поздним часом с вечеринки
Под родимый кров иду –
Знаю путь я без запинки,
Но все спутались тропинки
На прямёшеньком мосту...

Пусть ошкуривает, бреет,
Обдирает суету,
Может, набело созрею
Я на чёрном на мосту!

* * *

У околицы берёзы да осины.
Ну а дальше – неизведанность земель,
Над которыми зависла стрекозино
Миробездны серебристая кудель.

Часто я ходил в лесок за тишиною.
Близко-близко видел манкую тропу.
И сменялись поколения предо мною
Уходящих испытать свою судьбу...

ПРОЗА

Станислав МАЛЬЦЕВ

ВИКА-ВИКУЛЯ, ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Анна Петровна сидела-дремала в мягком кресле в гостиной, ведь ночь уже. Спать не пошла, надо сперва выпустить девку, с ней Эдька явился позднеенько, сама им открывала. Только начала видеть сон, как он выглянул из своей комнаты, осторожно осмотрелся и вышел, её любимый внучек Эдичка, светловолосый и высокий.

Короткая стрижка, взгляд серых глаз насмешливый, затёртые до белизны джинсы, носил их, не снимая, круглый год. Раньше-то ходил в коротких штанишках, глядел доверчиво и робко.

А за ним показалась длинноногая нечёсаная девка, выжженные белые волосы лежали на плечах.

– Тихо вы, окаянные, – Анна Петровна махнула рукой.

– Баб Ань, не суетись, – Эдька обернулся, сказал негромко: – Шевели копытами, типа живее!

– Исчо чаво, – девка нахальными глазами уставилась на Анну Петровну, и только сейчас она разглядела её. Короткая кофточка с глубоким вырезом, видны почти целиком груди – неспелые мелкие яблоки, голый живот, а в пупке... Господи! Кольцо! Зачем? Дёргают за него, чё ли?

А главное – коротенькие шорты, бывшие джинсы, спущены совсем низко, по самое не могу, едва держатся.

– Штаны-то как носишь? Срамота! Спадут ведь, задница заблестит! – не выдержала Анна Петровна и ткнула в них пальцем.

И те точно – сразу свалились до колен! Вскрылись тощие бёдра, низ живота, редкие светлые волосёнки...

– Господи! Да она без трусов!

– Га-га-га! – засмеялся-обрадовался Эдька. – А зачем?

Девка подтянула штаны, смирила Анну Петровну бесстыжим взглядом.

– Обалдеть в натуре! – и медленно пошла в прихожую.

Тут он размахнулся и шлёпнул её по заду, но звук получился тихим – нечему было звенеть, ягодицы тощие. Та даже не оглянулась, исчезла за дверью.

Анна Петровна проводила её взглядом и повернулась к внуку.

– Ну, Эдька! Доиграешься! Всё отцу скажу!

В ответ он заулыбался.

– Баб Ань! Не говори, я тебя типа люблю! Конкретно!

Она только вздохнула, конечно, не скажет. Любила его тоже до невозможности, ведь вынянчила с пелёнок.

Тут за её спиной из эдькиной комнаты вышла ещё одна ночная гостья и с кроссовками в руке быстро направилась в прихожую. В отличие от первой толстоватая и коротконогая, чёрные трикотажные спортивные штаны, обрезанные до колена, туго обтягивали ягодицы-арбузы. Кофточка тоже с глубоким вырезом, груди-дыньки при каждом шаге вздрагивали и норовили вывалиться, лови, кто хочет.

Но незамеченной ей пройти не удалось, Анна Петровна услышала шаги, оглянулась и даже испугалась...

– Ой! Ещё одна! Откуда?

От этого крика девка выронила кроссовку, показала длинный язык и побежала ещё быстрее. Эдька не растерялся, хлопнул и её по ягодице.

– Бамс! – совсем другое дело, словно лопнул туго надутый резиновый воздушный шарик.

Он изловчился и дотянулся, шлёпнул и по второй.

– Бамс! – еще один такой же шарик лопнул.

Девка только ойкнула и, не оглядываясь, мигом скрылась за дверью.

– Га-га-га! – веселился внучек. – О чем ты, баб Ань? Тут типа никого нету!

– Как нету? Вторая девка прошла! Кого ты тогда по заднице бил?

Эдька сделал серьезное лицо.

– Тебе показалось, как бы сотрясение воздуха.

Анна Петровна рассердилась, подняла кроссовку.

– Не ври! А это чё?

Эдька отобрал кроссовку, открыл дверь и выкинул в прихожую. Там только тихо пискнули.

– Видимость, баб Ань, все типа видимость.

– Ничё себе видимость, две кобылы с голыми титьками... Откуда они? Как хоть зовут-то? – Анна Петровна вздохнула, что ты с ним сделаешь.

Эдька задумался.

– Вроде одна Клепка, вторая как бы Фек...

– Клички какие-то собачьи... А по-настоящему как?

– Откуда я знаю? Только вчера на тусовке встретились.

Анна Петровна так и ахнула.

– Только вчера! И сразу в дом приволок!

Эти слова почему-то развеселили Эдьку, засмеялся все так же громко!

– Га-га-га! Ты че? Телки как тёлки, конкретные... Все на месте и спеди, и сзади!

Он насмешливо глядел на глупую старуху – ниче не догоняет. Ведь всё путем. Он давно уже ни в грош её не ставил, знал, все простит, все стерпит, выгородит перед отцом. И во всю пользовался этим.

Не раз и не два поздно – с дискотеки или из ночного клуба – являлся не один, старуха всегда ждала и пускала без звука. А пустые бутылки из его комнаты тайно выбрасывала в мусоропровод. Вот и этой ночью привел Клепку, а потом, когда старуха ушла, запустил Фек и Анта.

Анна Петровна не унималась, ей все надо знать про любимого внука.

– Ну ты и дурак!

– Баб Ань, не парься! – он поднял руку, словно собираясь закрыть ладошкой ей рот.

– Что же ты, стервец, двоих чё ли... – она остановилась, подбирая слово. – Чё ли клепал?

– Га-га-га! – опять засмеялся Эдька. Ну, прикалывается старуха. – Там ещё Ант!

– Ещё одна? – у Анны Петровны руки-ноги задрожали.

– Ты чё? Ант – Антон из нашего класса, ты его знаешь, был у нас.

– Ант, – повторила она уже потише. – Пусть выйдет сей момент!

Эдькин дружок подслушивал за дверью и сразу выскочил, такой же светловолосый и высокий, тоже в белёсых джинсах.

– Здравсьте, баб Аня!

Анна Петровна показала ему кулак.

– Еще один внучек вылупился! Подь отсель!

И тот мигом исчез в прихожей, а Эдька весело сказал:

– Баб Ань! Не гони волну – фигня все это!

Но Анна Петровна не успокоилась и продолжала так же сердито:

– Кашей тебя кормила, жопу подтирала, никогда не думала, что таким кобелём вырастешь, прости Господи... – она даже мелко перекрестилась, хотя в Бога не верила и в церковь не ходила.

Эдька её совсем не слушал, улыбался своим мыслям, вспоминал, как славно было с этими новыми.

Он очнулся, увидел сердито глядевшую на него старуху, громко и весело произнёс загадочные слова:

– Кина не будет! Всё атлична! Бабры поехали в Бабруйск! – и пошёл в свою комнату.

Анна Петровна открыла от удивления рот, смотрела ему вслед.

– Окстись! Какие ещё бобры?

Внучек оглянулся, ответил серьёзно:

– Те самые.

И исчез в комнате, плотно закрыв за собой дверь.

2

Летние ночи короткие, солнце уже пробивалось сквозь плотные шторы, в комнате стало совсем светло. Павел Павлович Пупышов проснулся, захотелось пить. Вчера вечером после работы с прорабами «раздавили» две бутылки беленькой, да почти без закуси, вот голова и болела, во рту пересохло.

Не спеша встал, подошёл к столу, налил стакан боржоми, выпил залпом и повторил. Любил эту водичку, хоть и стала дороговатой, ну а что делать, жить-то надо, да и доктор настойчиво советовал употреблять её регулярно.

Скинул майку, было жарковато, в трусах вовсе не спал. Стоял голый, высокий, плотный, широкоплечий, но не толстый, хотя, конечно, лишний вес немного был.

Потянулся, почесал грудь, подмышками, в паху... Поглядел на молодую жену, первая не так давно умерла, остался сын, Эдька. Не одному же жить, и он почти сразу снова женился, взял совсем молоденькую, тоненькую девчонку – ни спереди, ни сзади ничего. Сидела в их медпункте медсестрой, копеечные бабки. Сейчас смотри, совсем другое кино. Отъелась, задница как задница, грудяшки налились, баба стала в полном порядке. Как говорится, есть за что подержаться, есть на чем глазу отдохнуть. Пока не родила ему никого, да и не надо, одного Эдички хватает выше крыши.

Глядел, а она перевернулась с боку на бок, простынка соскользнула, голубенькая, прозрачная короткая рубашонка-ночнушка сбилась на грудь.

Молча овладел, потом набросил простынку жене на живот и ушёл, плюхнулся на свою кровать. Мигом уснул, захрапел-засвистел.

Виктория Семеновна лежала тихо, так и не открыв глаз, слава богу, храпит не очень сильно. Чувствовала себя распятой, все косточки болели, наверное, будут и синяки. Поимел ее муж как дешёвую шлюху...

Встала, брезгливо подцепила грязную простынку двумя пальцами. В ванной комнате кинула в угол, сегодня же выбросит в мусоропровод. Включила душ и долго стояла под тёплой водой... Потом легла и думала – почему? Почему стала его женой? Почему допускает, что в этой жизни все ею только пользуются ради утоления своей похоти? А как хочется ласки, нежности, чтобы её боготворили, чтобы от одного её вида теряли голову. Об этом только помечтать и осталось.

С мужем всё понятно: старому кобелю захотелось молодого мяса. А она-то? Поддалась минутному увлечению? А может, просто надоело жить по чужим углам и экономить каждую копейку? Только не просчитала все возможные последствия. А надо было – надо было хорошенько подумать. А теперь что? Куда денешься? Некуда...

Глаза были мокрыми, голова тяжелая, теперь не уснуть, а ведь еще можно поспать пару часов. Но неожиданно заснула быстро и спала спокойно!

3

Вся моя печальная, и даже трагическая, история началась в веселый весенний день, по иронии судьбы в день моего рождения. Я его давно не отмечаю, почти забыл, и никто о нём не знает.

Я шёл по небольшому скверу возле дома и радовался. Весна! Весна! Первая зелёная травка на газонах, почки на кустах набухли – скоро проклюнутся листочки. Земля на клумбах черная, но вот-вот её вскопают и высадят уже готовые цветы из теплицы. Посидеть бы на лавочке хоть немного, но некогда – спешу на работу, я ведь теперь сантехник в жилищной конторе.

Вошёл в маленькую комнатку диспетчеров, тетя Маша, ехидно улыбаясь, подала мне заявку. И сказала тихим, тоненьким, каким-то змеиным голосом:

– Вот, Петр Сергеич, она легонькая, как раз для тебя.

Я глянул – ремонт бачка унитаза, Заозёрная, 16, квартира 5, Пупышов. Ничего себе легонькая! Хуже не придумаешь, это же так далеко.

Но отказаться не мог – новичок, взял бумажку и, как ни в чем не бывало, тоже негромко и ласково ответил:

– Спасибо большое, Мария Федоровна, за заботу, – назвать ее, как все, тетей Машей, ещё не решался.

Заозёрная улица – на окраине города, рядом с берёзовой рощей. Там стоят большие, как теперь говорят, элитные дома. Живут в них богатые новые русские да высокооплачиваемые чиновники разных расплодившихся, как грибы после дождя, контор.

Наши сантехники избегали ходить туда, отталкивались от таких заявок всеми силами, как могли, вплоть до угрозы уволиться. Гонору у тех жильцов было предостаточно – ни здравствуй, ни прощай. Стоят над душой, следят за каждым шагом, требуют, чтобы все было вылизано. И копейки никто не даст.

Все это узнал из разговоров в курилке, сам ещё в таких домах не работал, хотя в конторе уже почти месяц.

Но я немного отвлекся. Так вот, сунул заявку в карман и поплелся на автобус. Ехать туда полчаса, да еще пешком идти. Сидел у окошка и думал, как же так вышло, что после окончания университета стал сантехником?

Да-да, из учителей в сантехники. И в этом нет ничего удивительного для тех, кто знает, сколько платят молодому учителю без стажа и разных надбавок. Хорошо, что еще до учёбы научился краны чинить и трубы продувать не только в своей квартире, но и у соседей.

С такими невеселыми мыслями ехал на эту Заозерную, на душе было грустно и пусто. И предположить не мог, что меня там ждет. А случилось тогда то, что перевернуло всю мою жизнь...

4

Павел Павлович Пупышов в богатом темно-красном вельветовом халате сидел в широком мягком кресле. Рядом, возле журнального столика, стояло ещё одно.

Любил работать тут, в гостиной, хотя рядом был большой кабинет с компьютерами, принтерами и факсами. Раньше ничего такого не было, но жили неплохо, теперь же без них ни шагу.

Пупышов находился в самом расцвете сил и карьеры, владелец самой крупной и успешной в городе строительной фирмы «Супер-строй», миллионер. Конкуренты называли её по-другому – «Лапоть-строй», а его банкир «Пуп». Он был председателем совета директоров одного из банков, не самого большого, но и не маленького.

Сейчас довольно думал о своей весьма выгодной сделке: удалось купить за бесценок бывшую фабрику модельной обуви. Само здание – древняя развалюха – даром не нужно. Но земля, земля под ним золотая. Конечно, пришлось кой-кому «подарить» толстый конвертик, вспомнил о нём и вздохнул...

Построит на этом месте элитный жилой комплекс, на нижних двух этажах торгово-развлекательный центр. Уже получил в своём банке кредит – почти без процентов! – а потом продаст, на каждый вложенный рубль три рубля прибыли.

Продаст и уедет на хрен отсюда. Во Францию, на Лазурный берег, купит там виллу, станет жить и загорать, а может, и построит отель – класс «люкс», пять звёзд...

Сидел, глядел в окно. Там, на пасмурном небе, теснились серые облака, северный ветер гнал их вдаль, а был уже не здесь: ласковое море, золотой песок, голые девки вокруг – выбирай любую, хоть пять штук, коли «бабки» имеются. Рядом – белоснежный красавец: его отель-дворец, два бассейна, три ресторана, все номера всегда нарасхват...

Тут вдруг раздались громкие дикие звуки, и в комнату вошёл Эдька с балалайкой, дёргал струны и бил по ней пальцами.

– Чтоб тебя! С ума сошёл как? Полностью или частично? – Пупышов так и подскочил в кресле.

– Ты чё, па? – удивился Эдька. – В школе играл, все обалдели, девки типа уписались от смеха, ко мне целоваться полезли, в очереди стояли. А ты – с ума сошёл...

Ну что ты с ним будешь делать, дурак дураком. Пупышов встал, сказал резко:

– Забыл, чей ты сын? Тебе нельзя на этой бандуре брякать – не солидно. Я тебе саксофон куплю, другое дело. На нём штатовский президент играл.

– На фига! Ты ещё скажи – скрипку. Тут просто, стук-бряк и все дела, конкретно. Смешно и порядок, недовольных нету. Или как бы купи мне барабан, буду стучать! – Эдька шлёпнул себя по надутому животу. – Бум! Бум! Бум!

Павел Павлович с всё нарастающим раздражением смотрел на долговязого оболтуса. Не заметил, как за вечной суетнёй-колготнёй вырос сын. Вроде бы только вчера водил его за ручку в детсад, потом возил на машине в школу...

Вырвал из эдькиных рук балалайку, взмахнул, собираясь грохнуть об пол, тут он завопил:

– Не надо! Я больше не буду!

От крика Пупышов немного опомнился, швырнул её в угол и грузно опустил в своё кресло.

– Ещё раз увижу, разобью на хрен в щепки!

– Сейчас выброшу в мусоропровод, на фига она мне! – Эдька уже давно увидел коньяк и косил глазами на столик. Вкрадчиво спросил негромко:

– Па, можно типа коньячку нюхнуть?

– Мал ещё такой коньяк нюхать, – Павел Павлович ухмыльнулся, уже успокоился, настроение менялось очень быстро. – Ладно, так и быть, я сегодня добрый, нюхни.

Эдька быстро, пока отец не передумал, схватил рюмку, опрокинул в рот и, с видом знатока, произнес громко и весело:

– Ниче! Пить можно!

Павел Павлович рассмеялся – ну, сопляк, даёт!

– Чё бы ты понимал. Рюмку выпил, считай три сотни заглотнул, а то и больше, – и спросил: – Мать встала?

Эдька ответил, хоть и не грубо, но не так, как прежде:

– Мать? Какая мать? У меня мамы нету. Про твою Вику типа ничё не знаю и знать не хочу. Она мне как бы параллельно, – и добавил: – Я и забыл, чё пришел, конкретно. Там как бы сюка звонит.

Отец удивлённо глянул на него.

– Ни хрена тебя не понял. Так звонит или нет? И какой ещё сюка?

Эдька тоже удивился.

– Чё непонятно? Охранник снизу по домофону...

– Секьюрити, что ли?

– Ну! Я и толкую тебе – сюка.

– Говори нормально: чё ему надо?

– Сантехник какой-то там нарисовался к нам, пускать или нет? Вызывал как бы его?

Пупышов довольно кивнул.

– Глянь на монитор, кто такой. И скажи, чтобы пустил.

Эдька схватил балалайку и исчез. Павел Павлович снова плеснул коньяк в рюмку, выпил и начал жевать конфетку. И тут вбежал сын и завопил:

– Это Пташка! Это Пташка пришёл!

От неожиданности Пупышов конфетку даже проглотил целиком, чуть не подавился, закричал на придурка:

– Ты точно меня кончишь! Какой ещё на хрен Пташка?

– Наш препод...

– С ума с тобой сойдёшь! Обратного ничего не понял, кто пришёл? Учитель или сантехник?

– Был преподам, потом куда-то делся, а теперь как сантехник. А Пташка – так у него фамилия такая, Воробьёв. Добрый был препод, типа никому двоек не лепил.

Пупышов коротко хохотнул:

– Добрый! Ха-ха! Вы ему на голову сели, вот и сбежал. Запомни, нынче добрым быть нельзя. Опасно, сожрут вместе с костями.

5

Я сидел в подъезде, ждал. Что-то долго, но не уходить же, хотя, конечно, самым правильным было бы плюнуть и исчезнуть. Наконец динамик на столе у охранника «хрюкнул»:

– Пусть заходит.

– Третий этаж, – молодой парень, пахать бы на нём, махнул рукой в сторону лифта.

Дверь открыл долговязый подросток, его сразу узнал: Эдуард, мой бывший ученик. Не думал его тут встретить.

– Здравьете, – буркнул и исчез, а я вошёл в комнату.

За журнальным столиком в кресле сидел немолодой солидный мужчина в халате, стояла бутылка, рюмки, коробка конфет. Неужели пил вместе с сыном? Я вынул бумажку.

– Добрый день, заявочка от вас, квартира Пупышева...

Он меня резко и даже зло перебил:

– Не Пупышева, а Пупышова! Запомни навсегда!

От такого крика я сразу стушевался и проямлил еле слышно:

– Извините, так диспетчер написал.

Мужчина в кресле пристально глядел на меня. Ни здравствуй, ни прощай, обычный хам, каких много. Поскорее бы сделать всё и уйти. Вдруг он спросил:

– Был учителем, стал сантехником, давно работаешь?

Мог и промолчать, какое его дело. Но послушно ответил:

– Второй месяц... – и начался непонятный и неприятный для меня разговор.

– Чего сбёг?

– Позвольте, почему «сбёг»? Перешёл на другую работу.

– Так и перешёл! Ха!

– А вы знаете, сколько молодому учителю платят?

– Ты теперь, понятно, больше гребёшь. Но из тебя сантехник, как из дерьма гвоздь.

– Я курсы окончил, свидетельство имею.

– Чудик ты! Думаешь, я тебе свою итальянскую красоту доверю? Мой любимый сортир?

Ну и отлично, скорее протянул ему заявку.

– Напишите отказ и вызывайте другого, а я пошёл.

Этот самый Пупышев-Пупышов, не глядя, кинул её на стол, не спеша налил себе рюмку, судя по цвету и запаху это был коньяк, и продолжал всё так же громко:

– Погодь, есть разговор. Тебе не предлагаю, дорогой, французский. Вот могу водки плеснуть...

Еще не хватало! Нужна мне его водка, да и коньяк тоже.

– Спасибо, ничего не надо.

– Ну и дурак, нынче как живём: дают – бери, бьют – беги. Понял или нет?

Чего тут не понять, хитрость небольшая. Только дают мало, всё бегать приходится... Этот тип мне уже порядком надоел, сантехника за человека не считает, надо его проучить. Решил так и сел во второе кресло, спросил очень вежливо и негромко:

– Простите, как ваше имя-отчество?

Взглянул на меня удивлённо, ответил спокойно:

– Зачем тебе? Допустим, Павел Павлович.

– А я Пётр Сергеевич. Очень прошу впредь обращаться ко мне только так. И на «вы», пожалуйста. Как говорится, коров с вами вместе не пасли.

Он даже глаза немного выпучил, как у варёного карася, никак не ожидал такого от смерда. Угадал его мысли – выгнать нахала вон, но промолчал, был какой-то интерес ко мне. Если закричит или даже просто повысит голос, встану и уйду. Видел я его в гробу в белых тапочках вместе с французским коньяком.

Но кричать не стал, даже улыбнулся.

– Каких ещё на хрен коров? Чего городишь? Говори мне тоже «ты», Пал Палыч, и всё о'кей, понял? Теперь давай ближе к делу. Вот ты, Пётр Сергеич, оболтуса, сына моего, сейчас видел, скажи, как он по географии?

Всё равно тыкает, ну и я попробую.

– Должен тебя, Пал Палыч, огорчить – никак. Полный ноль. Ничего не знает и знать не хочет.

Он даже не моргнул, проглотил моё «ты», молодец! А я решил уходить,

зачем мне всё это. Только собрался встать, как вдруг кольнуло сердце. Кольнуло и защемило. Сказался наверняка наш пустой разговор, ненужное волнение.

Видно, я побледнел, так как он спросил:

– Ты чего?

– Сердце давит, – не хотел, но ответил.

– Лечиться надо, – заметил он с умным видом.

– Лечусь... Поставили в очередь на операцию, год ждать. А за деньги – хоть завтра.

Вот ведь как интересно получилось, не скажи я об этом, с дуру конечно, всё могло бы выйти совсем по-другому. Точнее говоря, вообще бы ничего не было. Посидел бы ещё немного, встал и ушёл, до свиданья, будьте здоровы. Но нет, чёрт дёрнул меня за язык.

И он сразу стал меня учить:

– Так и должно быть. Рынок есть рынок, халява кончилась, господа! За всё надо платить. Гоните денюжки за каждый чих! «Бабок» у тебя нету? Знаю, так они под ногами валяются, бери не хочу. Пошевели задницей, живо оформляй кредит в банке и все дела. Квартира есть в залог?

Сердце колоть перестало, я ответил тихо:

– Однокомнатная, целых двенадцать метров.

Он явно обрадовался:

– Годится! Доход у тебя теперь приличный, не учительские гроши, дадут без звука.

Тут я подумал, может, несправедлив к нему? Вдруг проявил такое участие...

– Слушай сюда! – продолжал громко и напористо. – Кредит быстро вернёшь, если не дурак. Так и быть, научу, я сегодня добрый. Ушки шире развесь: придёшь вот так, по заявке, сразу ничего не делай, не хрен торопиться. Поломка, мол, сложная, нужен специальный инструмент, завтра буду. Клиенту дай номер своего мобильного, пусть звонит не диспетчеру, а прямо тебе...

– У меня телефона нету, – вставил я.

Как он удивился!

– Да ты что, ё-моё! Из какой пещеры вылез? Купи мобилу сей момент, без неё ты не человек, понял? Дела всего там на пять минут, а ты дня два-три потяни, потом ковыряйся час, да ещё воду на пол пусти, хоть немного. Так клиент тебе любые «бабки» вынесет, да ещё спасибо скажет. Вот, держи адрес хорошего банка, – и подал карточку-«визитку». – И не хрен ждать, нынче всё надо делать быстро, а то опоздаешь, поезд уйдёт. Сразу приходи, оформляй кредит. Без очереди, сошлись на меня, я там скажу.

Карточку я, конечно, взял – надо будет подумать, и окончательно решил убраться отсюда. Тут он, слава богу, сам об этом сказал:

– А теперь двигай до дома, сантехника я другого найду, – открыл дверь и крикнул-позвал:

– Анна Петровна!

В комнату вошла пожилая симпатичная женщина, по виду родственница или домработница, чуть улыбнулась.

– Здравствуйтесь, мы гостям всегда рады.

Он громко засмеялся:

– Гости, ха-ха! Это сантехник! Проводи его!

– Добрый день, – я встал слишком быстро, и сердце опять кольнуло, пришлось снова сесть.

Анна Петровна испугалась.

– Вам плохо? Может, «скорую» вызвать?

– Не надо, – сказал через силу, хотя голова кружилась.

– Тогда вас домой доставим, – продолжала она. – Как раз Виктория Семёновна ехать собралась, вот и увезёт.

Пупышов живо подхватил:

– Вот и прекрасно! Ты, Пётр Сергеич, дома полежи, капелек попей. Меня тоже иной раз прижмёт так, корвалольчику пузырек тяпнешь, и порядок... Можно дальше бегать.

И вот тут-то случилось чудо – словно блеснул луч солнца.

В комнату вошла Она! Я замер, дыхание остановилось. Вся была светлая: белое лёгкое платье, такие же туфли на высоком тонком каблукке. Лицо круглое, носик прямой, чуть курносенький, волосы немного курдювые, золотые. И не соломенные, а темноватые, как старинная медь. Была необычная, милая, просто нет слов, чтобы описать её.

– Как себя чувствуете? – спросила негромко. И, не дожидаясь ответа, взяла мою руку, стала считать пульс. Строго сказала:

– Надо срочно расширить сосуды. Павел, налей коньяку, – Пупышов даже скривился, нехотя накапал неполную рюмку. Она молча взяла бутылку, долила её доверху. Тут у Пал Палыча хамство прорвалось.

– Ё-моё! Новое дело, коньячок-то, между прочим, французский.

«Подавился ты им», – подумал я и рюмку брать не стал.

Виктория Семёновна, это, конечно, и была жена его, скомандовала:

– Ну-ка, пить без разговоров!

Взял рюмку и выпил, сердце уже не кололо то ли от коньяка, то ли от одного её присутствия. Потихоньку встал с кресла.

– Спасибо большое, я пойду.

Пупышов явно обрадовался, что избавится от меня.

– Отпустило и ладненько. Гуляй тогда потихоньку до дома, там полежишь, всё будет о'кей.

– Нет, – возразила она. – Пешком нельзя, только на машине.

Как только этот чудик закрыл за собой дверь, Пупышов налил рюмку, выпил залпом, сказал громко и весело:

– Так-то лучше, только «скорой» тут не хватало. Придёт этот лох в мой банк, куда на хрен денется, а там ребята «обуют» его по полной программе, – налил ещё рюмку, выпил. – Ну, за всё хорошее, за мой жилой комплекс здесь и за отель во Франции. Ладно, пошёл овсянку есть, заржу скоро как лошадь, чтоб она пропала, но здоровье беречь надо.

Встал и от полноты чувств и от коньяка громко закричал:

– И-го-го!

Ах, рано, рано радовался банкир Пуп, напрасно веселился. С этого самого дня его линия жизни тесно переплелась с жизнью чудика сантехника учителя Пташки. От этой вроде бы случайной встречи всё и началось-по-неслось... По судьбе Пал Палыча пошла глубокая трещина...

6

Доехали мы быстро. За всю дорогу Виктория Семёновна не сказала ни слова, я тоже молчал. Вышли из машины, взяла меня за руку, повела к железной входной двери. На площадке перед спуском в подвал сидел Борис Борисович, наш общий кот, серо-полосатый с рыжими пятнами.

– Привет, получай обед! – сказал ему и вынул из кармана специально купленный пирожок с мясом. Развернул бумагу и положил на пол, котюга его хапнул и мигом умчался.

Виктория Семёновна слушала наш разговор с улыбкой.
– Имя и отчество у него есть, а фамилия какая?
– Фамилия? – переспросил. – Надо срочно придумать. Пусть будет Пушкин. Борис Борисович Пушкин, звучит неплохо.

Она удивилась:

– Почему вдруг Пушкин?

– Потому, что пушистый.

– Нет, не годится, лучше просто Пушок.

Я, конечно сразу согласился,

– Борис Борисович Пушок, очень хорошо, даже замечательно.

Наша лестница – не дай бог! Пыль, грязь, бумажки какие-то валяются. И главное, подвал, там всегда стоит вода, пахнет болотом и ещё кое-чем похуже. Но она молодец, ноль внимания на всё это, хотя не привыкла к такому. В её доме наверняка лестницу моют каждый день, а подвала совсем нету.

И тут я вспомнил: ёлки-палки, ё-моё! – как говорит Пал Палыч Пупышов, а моя-то комната! Стыд и позор! Но было уже поздно, пришли. Глаза опустил, сказал тихо:

– Прошу вас, только не пугайтесь, не ждал гостей...

Мы вошли, и я увидел свою берлогу её глазами. Старый, продавленный диван, постель на нём кое-как: накрыта тоже старым клетчатым одеялом. Маленький письменный столик и один стул рядом. И самодельный книжный стеллаж из некрашенных досок. Книги стояли на двух полках, остальные захватило какое-то барахло: газеты, журналы, даже тарелки.

Конечно, заметила сразу всё убожество, но слова не сказала, сразу спросила:

– Как себя чувствуете, вам надо лежать. Дверь закрыли? Вдруг соседи набегут, потревожат...

Я усмехнулся, это не грозит. Ни я к ним, ни они ко мне не ходят, иногда на лестнице встречаемся, и всё.

Она села на стул, осмотрелась...

– У вас совсем неплохо. А где же телевизор? Разве нету?

– Ненавижу этот «ящик», – сказал весело. – Все эти сериалы с убийствами, словно живём в тюрьме и кругом одни уголовники. Был, отдал соседям, сначала хотел просто выбросить.

– А вечерами? – удивилась. – Что вы делаете длинными тёмными вечерами зимой?

Я встал с дивана, подошёл к стене. Там, на гвоздях, висели одна на другой большие карты разных стран и крупные рисунки всяких львов, тигров и крокодилов.

– Вот! Каждый вечер путешествую в какую-то страну, сам себе рассказываю о ней, словно в классе ребятам.

И тут она просто приказала, громко и решительно:

– Тоже хочу послушать, быстро говорите, как-будто сейчас вечер. Куда вы сегодня?

– В Австралию, очень интересная страна, просто замечательная.

Её карта уже висела первой, а вот зверюга не подходил – мохнатый медведь, такие там не водятся. Перебрал рисунки, нашёл кенгуру с могучими лапами, повесил и начал:

– Здесь удивительные животные, которые больше нигде не встречаются на планете. Вот, например, кенгуру, вы его, конечно, знаете.

Обрадовалась совсем по-детски:

– Знаю, знаю, видела не раз в кино, мультики очень смешные. Здорово бегают-прыгают. На животе сумка, а в ней детёныш, это удобно. Ой, простите, я перебила...

Замолчал, сразу встала, подошла к рисункам, начала их разглядывать. Сказала тихо и грустно:

– Как интересно вы живете, а я... Тоска...

Вытащила портрет гиены.

– А это кто? Такая противная!

– По-своему полезное животное, санитар леса гиена... – и тут я, наконец, решился: – Виктория Семёновна... Вика... Можно вас так буду звать?

Открою секрет, так её и звал, мысленно, конечно, с самой первой минуты, как увидел.

– Можно, даже нужно. Виктория Семёновна – очень скучно.

Я совсем осмелел:

– А если Викуля? Вика-Викуля...

Она чуть вздрогнула: когда-то, сто лет назад и вообще в другой жизни, её так называл молодой врач, с которым работала в больнице. Началась у них любовь, короткие встречи во время ночных дежурств. Она была, как сделанный неумело укол, – трудная и болезненная. Началась и кончилась, осталась только память о его горячих, жадных губах, да ещё боль от аборта... Но ответила почти спокойно:

– Ладно, давайте.

– Мне очень нравится, звучит прекрасно: Викуля... – я улыбнулся. – Знаете, Вика-Викуля, вы такая красивая...

Тоже улыбнулась, только грустно.

– Будет вам... – взяла мою руку, сосчитала пульс и подвела к дивану.

– Надо бы давление померять, но у вас, конечно, тонометра нету. Разделайтесь и ложитесь по-настоящему.

Быстро, я и слова сказать не успел, сняла с меня пиджак, расстегнула рубашку.

– Слушайте меня, я ведь медсестра, хоть и бывшая.

Сел, стащил рубашку, а она продолжала:

– И брюки! Брюки тоже!

Отвернулась, не скрою, мне была приятна такая забота, был просто счастлив. Сдёрнул штаны, забрался под одеяло и отрапортовал:

– Готов как юный пионер!

Посмотрела, лукаво улыбнулась.

– Молодец! Сейчас лекарство дам, – и вытащила из своей сумки плоскую фляжку, отвинтила крышку-пробку, я почувствовал запах коньяка.

Поднесла фляжку к моему рту.

– Расширим сосуды, пейте без разговоров.

Я глотнул с удовольствием, из её ручек хоть керосин.

Забрала и тоже отпила один, второй глоток, спросила негромко:

– Скажите, Пётр Сергеевич, почему вы не женились?

Удивился, задумался, сам не знаю...

Вика продолжала уже громко:

– Не надо спешить, не надо! Я вот замуж выскочила, заторопилась, дура! Дура круглая! Сейчас не живу, а маюсь. Старуха, змея подколюдная, следит за мной, всё Павлу докладывает. Вот кто на гиену похож!

Сел на диван, попробовал возразить.

– А мне показалось, что симпатичная женщина.

Толкнула меня в плечо, пришлось снова лечь, и сказала так же зло:

– И Эдку этого ненавижу. Вином от него пахнет, наркотики глотает в ночном клубе. Девки какие-то возле вьются, противно даже говорить... На улице за спиной слышу: её муж банкир Пуп... Пуп! Думаете приятно?

Попытался было успокоить, даже улыбнулся. Улыбочка, правда, получилась кривоватая.

– Не волнуйтесь, а то у вас давление поднимется.

Вика не слушала.

– Пуп! С ума сойти! А я кто выходит – Пупша? Упасть и не встать! Если бы я была твоей женой, тогда кто? Воробьяха! Просто конец света, смехота кругом... Давай ещё по глоточку...

Взяла фляжку и подала мне.

– Пей, а я позвоню, отмечусь.

Фляжку взял, но пробку отвинчивать не стал, а она вынула из сумки мобильник, набрала номер.

– Павел, это я. Икру купила, едва нашла в стекле. Сёмга плохая и салями тоже, ладно, пойду... – сказала и кинула телефон на стол.

– Вот и весь наш разговор, велел не мешать, отключился на полуслове.

7

Села со мной рядом, оглянулась.

– У тебя никакой музыки нету?

– Есть, – вскочил и, как был только в майке и трусах, подошел к окну. Там стоял старенький, деревянный ещё, проигрыватель, включил его, а где же пластинки?

– Ну-ка вылезайте, – с этими словами разобрал кучу газет, нашел под ними свою любимую пластинку – «Токаты» Баха, поставил, и в комнате торжественно и мощно зазвучал орган.

Вика слушала минуту, не больше, потом засмеялась.

– Выключай! Музыка хорошая, но сейчас малость не подходит.

Я снял звукосниматель, орган умолк. Она из сумки вытащила не то магнитофон, не то плеер, – в этом не разбираюсь, – и посмотрела мне прямо в глаза пристальным, даже словно гипнотизирующим, взглядом.

– Ты только слушайся меня, и всё будет хорошо. О'кей, как говорит мой горячо любимый муж. Сейчас другую музыку для настроения послушаем.

Включила свой аппарат, и громко загремела, забила ритмичная мелодия. С удивлением и даже испугом увидел, что Вика начала медленно танцевать, высоко поднимая руки, качая головой и вращая нижней частью тела. Смотрел, ничего не понимал, и вдруг она расстегнула пуговицы и быстро сбросила кофточку.

Я молчал, Вика-Викуня продолжала танцевать, вот уже и юбка упала на пол. Белые стройные ноги, белые руки над головой... Взглянула с усмешкой на меня.

– Мы с тобой уже не дети, всё знаем.

Смотрел и смотрел на неё, не мог отвести взгляд, так она была прелестна и очаровательна.

Вот и лифчик слетел к ногам, выскочили на свободу белоснежные диковинные плоды с алыми ягодками-вишенками, как в волшебной арабской сказке, она продолжала танцевать, теперь остались только голубенькие кружевные трусики. Мгновение – и нет их, как ветерок сдунул. Сразу нестерпимо яркий свет ударил мне в глаза, ударил и ослепил.

Вскочил, словно хотел бежать куда-то, и замер: Вика-Викуля стояла передо мной – нагая и прекрасная...

– Возьми меня... – еле слышный шепот заглушил музыку и прозвучал в ушах, как удары колокола...

Мои руки сами обняли её, и мы упали на диван. Груды у Вики были мягкие, вся она оказалась сладкая, как мёд, и горячая, словно только что вынутый из печи пирог. Целовал без конца, небывалые радость и счастье наполнили меня целиком, продолжал целовать и целовать её, не мог остановиться...

...Потом мы молча лежали рядом....

Я хотел, чтобы Вика оставалась подольше, даже не уходила бы совсем, но она сбросила простынь.

– погоди, не торопись, – жалобно попросил.

– Пора, там старуха меня караулит, – села, сладко потянулась, потом сразу встала, начала быстро одеваться.

– Завтра приду в это же время, – весело сказала, поцеловала меня и исчезла.

А я лежал на диване и думал: было всё это на самом деле или только приснилось, пригрезилось. Было! Было! Вот смятые простыни, вот подушка пахнет её духами. За что мне, неудачнику, это счастье – любовь такая...

8

Виктория Семёновна заехала в первый попавшийся магазинчик, купила там что попало, в кухне выложила на стол.

Анна Петровна придирчиво осмотрела банки с икрой, понюхала салями, разрешила лимон, недовольно сказала:

– Где тебя лешак носил полдня? Лимоны взяла плохие, толстокожие, – и всё аккуратно сложила-убрала в холодильник.

– В ЦУМе была на показе мод, – Виктория Семеновна поскорее ушла из кухни. Ворчание старухи не повлияло на настроение, привыкла уже. Его, как всегда, испортил Эдька. Вначале она не раз пыталась найти с пасынком хоть какой-то общий язык, потом бросила – бесполезно. Эдька её не признавал и ни в грош не ставил.

Вот и сейчас из его комнаты доносились какие-то кошмарные звуки, что-то громко стучало и звенело. Открыла дверь: он сидел на стуле, положив ноги на другой, держал на животе балалайку и нещадно рвал-дергал струны, ожесточённо бил, как по барабану.

Эдька глянул на неё волком, махнул рукой. Поскорее ушла в ванную комнату, пустила воду по сильнее, задвинула защёлку, чтобы старуха вдруг не явилась. Звук бегущей воды немного успокоил, но всё равно от прежней радости уже не осталось и следа. Медленно разделась, взяла трусики и прижала к лицу. Тогда, дома у Воробьёва, вытерлась ими, и они сохранили запах их любви.

Сделала воду очень теплой, почти горячей, – это всегда помогало, легла и закрыла глаза. Кровь сразу отлила от головы, та перестала болеть. Лежала и вспоминала неуклюжего, но такого милого чудачка-учителя. Как смешно он сразу влюбился, какие у него оказались сильные руки.

Лежала в постепенно остывающей воде, нежилась, хорошее настроение быстро вернулось. Совсем не думала, не гадала, а что же дальше? Будь что будет, всё само собой как-то образуется, как говорится, всё к лучшему в этом лучшем из миров...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Пупышов сидел возле журнального столика и просматривал документы. В дверь негромко стукнули, поморщился: ведь запретил всем ему мешать, когда занят.

– Заходи, кто там?

Вошла жена, лицо красное. Чем-то взволнована, известно чем – опять Эдичка.. И угадал, заговорила, голос дрожал:

– Я так больше не могу! Нет и еще раз – нет! Что же это? Он мне хамит постоянно!

Павел Павлович только вздохнул, опять какая-нибудь чушня-хрень... Как ему все это надоело!

– Что снова случилось? Говори быстро, некогда мне!

Виктория Семеновна открыла было рот, но тут зазвонил телефон на столике. Пупышов схватил трубку, махнул рукой, чтобы замолчала.

– Слушаю вас, да я. Что?! – и даже привстал с кресла, но сразу шлёпнулся обратно. – Не может быть! Так, так, понял, спасибо...

Зло кинул мобильник на стол, не обращая внимания на жену, выругался по-черному матом, она чуть не убежала.

– Ну и сволочь этот Сергеев, не добил я его в свое время, а ведь мог! Гад ползучий! Задавил бы своими руками!

Виктория Семеновна поняла, случилось что-то серьезное, стало не до Эдьки. Пришлось спросить, проявить интерес, хотя никогда в дела мужа не вникала.

– Чего ты так? Вроде бы друг-приятель...

– Сволочь последняя, мать его... – кричал Пупышов, отводя душу. – Только что узнал от верного человека, хочет землю и фабрику у меня оттяпать!

– Ты же говорил, что недавно купил ее.

– Купил и деньги уплатил. А он заход сделал к мэру, пообещал там автостоянку построить, дескать, городу нужнее, чем ещё один торговый центр.

Тут она поступила очень опрометчиво, сказала совсем не то:

– Конечно, нужнее, пройти нельзя, все тротуары машинами заставлены. А торговля... Так у нас уже на каждого жителя по магазину.

Пупышов вскочил, заорал на неё ещё злее:

– Хрень несёшь! Болтаешь, ни черта не знаешь! – подошёл к серванту, открыл бар, налил и махом выпил рюмку водки. Продолжал кричать, даже лицо покраснело.

– Меня голыми руками не возьмёшь, мэру скажу, что построю рядом с жилым комплексом большую автостоянку, домину в десять этажей!

Прокричался, вроде немного успокоился, но всё равно лучше было бы уйти, отложить разговор. Но Виктория Семёновна рискнула.

– Послушай же, дело серьезное. Деньги у меня из сумочки пропали.

– Он взял? Ты видела?

– Кто же ещё?

– Кто-кто... Хрен в пальто! Не видала и молчи!

– Могут быть большие проблемы, – попыталась вставить.

И напрасно, опять муж закричал:

– Не будут. Вытащу его из любого дерьма. У меня везде свои люди! Запомни, больше повторять не стану: ты не наседка, он не цыплёнок. Пусть растёт настоящим мужиком, настоящим мачо. И хреновину мне больше не гори!

Поняла, что разговаривать бесполезно, одно хамство, того и гляди ее матом покроет. Повернулась и пошла молча. Тут он крикнул вслед:

– Ладно, гони засранца ко мне!

Жена вышла, Пупышов схватил телефон, набрал номер главного инженера. Не здороваясь, сразу начал приказывать:

– Слушай меня внимательно, надо сегодня же, кровь из носа, прямо сейчас, начать сносить эту долбаную фабрику! Понял, нет? Сегодня же освободить участок! Я всем мозги буду пудрить, уже снесли, и вдруг какой-нибудь придурок придет проверить. К вечеру чтобы пустая площадка была! Выгоняй туда все бульдозеры, работягам пообещай премии, пусть ищачат!

Бросил трубку на стол и только тогда заметил, что Эдька уже пришел. Стоит, глаза закрыты, в ушах наушники, на шее плеер. И не просто стоит – пританцовывает. Смотреть на него – зло разбирает, но в то же время смешно. Подошёл к сыну, постучал по голове.

– Можно? Что с тобой?

Эдька открыл глаза, выключил музыку

– Ничё, так, слушаю... Типа звал?

– Опять матери грубишь? – пустой вопрос, сколько раз задавал, заранее знал, что ответит. Так и получилось.

– Ты чё? У меня мамы нету. А эта твоя как бы Вика пусть не пристаёт. Обалдеть – обнюхивать начала, в карман полезла. Ну, я её и послал... Га-га-га! Быстро побегла, как типа скипидаром жопу смазали.

Пупышов даже растерялся, что ему сказать?

– Больно ты весёлый... Через год в институт поступать, об этом помни.

– А на фига? На всё как бы время есть, потом и начну напрягаться.

– Пофигист ты, мать твою... – не выдержал Пал Палыч.

Эдьке всё как с гуся вода.

– Твой институт мне вообще на хрен. И без него большое «бабло» типа рубят.

Отец рассердился, этого долдона ничем не пронять.

– Хрень городишь! А отсрочка от армии? Там тебя «деды» заставят зубной щёткой сортир чистить. Я так шибко умных учил, – Пупышов вспомнил и улыбнулся. Да уж, было дело.

– Возьму автомат и всех кончу! Конкретно! – придурок всё свое нёс.

– Дурак ты, кто тебе его даст? Можно болезнь придумать.

– Какую ещё на фиг болезнь? – удивился Эдька.

– Энурез, от службы освободят запросто.

– Это чё? Как бы не понял.

– Ночное недержание мочи.

Он подпрыгнул на месте, завопил:

– В кровать типа ссать? Никогда! Кодла обожжёт, девки станут пальцами показывать! Лучше как бы застрелюсь на хрен!

И тут Пупышову пришла в голову гениальная мысль: «Сейчас тебя заставлю учиться. Словами не пробить, включим материальный фактор».

– Хочешь машину? Заработай! Договоримся так: «пятёрку» получишь, ключи от «тачки» в зубы.

– Типа шутишь? – Эдька недоверчиво глядел на отца.

– Точняк, не сомневайся.

– А какую? «Ауди» хочу.

Отец засмеялся. Ишь, сопляк, чего придумал!

– «Лады» для начала хватит, всё равно на хрен разобьёшь. Станешь своих девок катать да щупать.

– Га-га-га! – обрадовался Эдька. – На то они и девки. Ладно, типа договорились, гляди, без обмана.

Тут мобильник на столике зазвонил, Пупышов нехотя его взял.

– Слушаю. Кто? Какой Воробьёв? Вы ошиблись... А, сантехник, вспомнил. Чё надо, я занят. Пришёл уже? Ну, лады, поднимайся по-быстрому, – кинул трубку. – Откуда он мой номер узнал?

– Это я сказал, – Эдька направился к двери, остановился.

– Пташка снова у нас препод, пойду, не хочу его видеть, – сказал и исчез.

Пупышов удивленно почесал затылок.

– Что за хрень. Новое дело, поп с гармошкой! Чего ему в сантехниках не сиделось, – подошел к серванту, вытащил из бара бутылку коньяка, рюмки. Поставил все на столик, сел, как всегда, нога на ногу. Подумал: «Вовремя явился, сейчас тебя запрягу...»

2

Я вошёл, та же комната, всё по-старому. А что могло измениться, ведь был тут всего месяц назад. Банкир Пуп сидел в кресле как на троне и снова на столике стояли бутылка и рюмки.

– Добрый день, – сказал сразу, ведь здороваётся первым тот, кто умнее.

– Привет. Садись, раз пришёл, – Пупышов кивнул на кресло. – Давай выпьем за встречу.

Он налил коньяк – в обе рюмки, я это сразу заметил. Сел, сказал негромко:

– Ну что же... Попробуем. Коньяк французский?

Пупышов самодовольно усмехнулся.

– А как же, другого не держим.

– Прошлый раз его мне не предлагал...

– Тогда сантехник был, сейчас учитель, совсем другое кино, – он поднял рюмку, чокнулись, выпили, я даже пошутил:

– Чтобы твой унитаз никогда не ломался!

– Молодец, хороший тост! Запомню, где-нибудь скажу, – Пал Палыч снова наполнил рюмки, продолжал тихо, чуть ли не ласково:

– Деньги, знаю, получил, когда операция?

– Скоро, – ответил и начал о главном: – Я вот что пришёл. Как бы отсрочку от выплаты по кредиту получить, а то вся зарплата уходит. Помогите, пожалуйста.

Он глядел на меня насмешливо, как на дурачка.

– Чудик же ты, ей богу. Договор ведь подписал, теперь заднего хода нету. Ты хоть читал его?

Вздыхнул уныло.

– Не всё, там было много текста очень мелкого.

– Ну и дурак! Самое главное всегда мелко печатают.

– Нарочно, значит?

Пупышов снова заулыбался.

– А ты как думал? Это же бизнес, не обманешь – не продашь.

Молчал, не знал, что и сказать, а он продолжал:

– Ладно, не вешай нос. Отсрочку тебе организую, но и ты мне помоги.

Конечно, я сразу насторожился: началось. Ничего просто так, всё за деньги или ответную услугу. Ладно, поглядим, чего хочет.

– А именно?

– Будь репетитором у моего балбеса, заставь заниматься и замануху ему устрой – побыстрее «пятерку» поставь.

Всего ждал, только не такого. Ну он и придумал!

– Что ты говоришь! Ему – «пятерку»? Да и двойки много!

Пупышов глядел на меня спокойно, даже улыбался.

– Знаю не хуже тебя, потому и прошу.

Я молчал, не знал, как ответить, хорошо на столике зазвонил телефон, он взял трубку.

– Начали? Ломайте всё на хрен быстрее! Подгоняй работяг, скажи, светит премия, я скоро подъеду.

Почему всё время кричит, глухой что ли? Или думает, что так и надо разговаривать с подчиненными.

Сунул мобильник в карман, быстро встал.

– Значит, договорились, сейчас этого оболтуса пришлю, – сказал и живо в дверь, хотя ни о чём мы не договорились, но что делать... Сел в кресло и сразу вошёл Эдька. Поздороваться «забыл», скорее схватил рюмки, одну за другой, выпил залпом. Нагло взглянул на меня.

– А вот и я! Чё надо?

Он стал какой-то другой, грубее что ли? Или, точнее, хамовитее. Вспомнил, Викуля тогда сказала: пьёт, наркотики, может, и колется уже. Да и папаше своему подражает во всём, отсюда и хамское поведение. Решил на его тон не обращать пока внимания, сказал спокойно, как на обычном уроке в классе.

– Ученик Эдуард Пупышов! Расскажи хоть что-нибудь по предмету. Какая страна интересует? Куда хотел бы поехать? Или нет такой?

Он вдруг обрадовался, даже улыбнулся.

– Есть. Таиланд!

– Таиланд? – удивился я. – Странно... Ну что же! Интересная страна, древняя культура, замечательные храмы.

– Это мне все по фигуре! – перебил меня. – Ребята трепались, там такой массаж типа зашибись! Тайский! Голая девка на тебе как бы сидит пониже пупка и конкретно мнет-разминает. Га-га-га. А ты, тоже голый, типа лежишь и балдеешь! Она меня мнет, а я ее!

Как он отвратительно смеётся... Я сдержался, заметил все так же спокойно:

– Очень интересно. Вижу, глубокие у тебя познания в области географии, самое главное подметил. Теперь скажи, где этот Таиланд расположен?

Он не задумался ни на секунду.

– Где-то типа далеко!

– Опять верно, где-то далеко... Правильно, зачем знать географию, когда есть извозчики.

Иронию мою не понял, неудивительно, – книжки бросил читать, наоборот, в третьем классе или даже раньше.

– Какие извозчики? Такси, че ли? Туда на «тачке» не доедешь, лететь надо.

– Что ты говоришь? А я и не знал...

Тут вошёл его папочка, глянул довольно, всё по его хотению-велению занятия идут.

– Вижу, договорились. Молодца! О'кей!

Эдька вскочил, закричал, чуть слюной не брызгает:

– С ним хрен договоришься! Где этот долбаный Таиланд, сам не знает! Извозчиков каких-то потерял! – и выскочил из комнаты.

Я тоже встал, старался быть спокойным.

– Не совсем мы договорились. Уж очень у вашего сынка знания по географии специфические. Как он сам говорит – зашибись!

Пупышов далеко не дурак, понял все сразу.

– Та-ак! Значит извозчики тебе не понравились... Какие на хрен извозчики! Весело шутки шутишь, чирикаешь! А тебе не чирикать, кукарекать пора!

– Как кукарекать?

– Вот так! – вдруг замахал руками, как крыльями, закричал громко:

– Ку-ка-ре-ку!

Была очень смешно, – толстый, солидный дядя прыгает и поет петухом, но я не смеялся. Весь этот спектакль значил что-то нехорошее для меня. А он продолжал:

– Жареный петух тебя уже в жопу клюнул!

Какой петух? Молчал, ничего не понимал.

– Всё проще пареной репы, слушай сюда. Банк тебе кредит дал как сантехнику, так?

– Так, – согласился.

– Но под большой заработок. А ты денежки сгрёб и ходу! Обратно на маленькую зарплату... Под такую мы кредит не даём.

– Ну и что? – я начинал догадываться.

– А то, выносите мебель! Ты теперь мошенник! На тебя статья в кодексе есть. Судить будут, квартиру отберут, кредит не возвращаешь, проценты не платишь. В тюрягу можешь загреметь!

Он был прав, прав! Но я попытался возразить:

– Позвольте, Пал Палыч... Как же так... Вы посоветовали, я вам поверил...

– А ты не верь! Заруби на носу, нынче никому верить нельзя. Пойми, кругом одно жулье. Сегодня друг, завтра в карман залез.

Вот с этим никак не мог согласиться.

– Полагаю, вы ошибаетесь. В каждом человеке жулика заранее видеть не могу и не стану.

– Ё-мое! – удивился он. – Какой ты умный, просто Пушкин!

– Да и не по-людски это, – продолжал я. – Не по-доброму. Любого надо честным сначала считать, а уж потом...

Пупышов перебил меня громко и зло:

– Опять ты хрень городишь! Пока чесаться будешь, он с тебя штаны снимет! И станешь ходить с голым задом, как обезьян-павиан, видел их в зоопарке?

– Но так несправедливо, не все же жулики.

– Нынче у нас на дворе что? Капитализм, понял? Какая может быть справедливость? Теперь у каждого в глазах копейка, он за неё тебе горло порвёт. У кого «бабок» много, тот и царь. Без них ты никто, ноль. «Бабки» – это всё!

Сказал и сунул мне под нос свой кулак, достаточно большой.

И продолжал громче, криком:

– Чтоб Эдьке «пятёрка» была, иначе хату освобождай и переселяйся на вокзал! – и ушёл, хлопнув дверью.

Я сел в кресло, задумался. Что же делать? Загнал он меня в капкан...

В комнату ворвался Эдька, подражая отцу, крикнул: «Че сидим, кого ждем? Стул типа давим? Пахен-папахен уже смотался!»

– Ну хорошо, – я встал. – Ученик Пупышов, если хочешь «пятерку» получить, изволь заниматься, учи географию как следует. И не только, где Таиланд находится.

И вышел, слышал, как он крикнул мне вслед:

– На хрен ты мне нужен! Зашибись со своей типа долбаной географией!

Эх, снять бы с него штаны да всыпать как следует ремнём по заднице. Но теперь, пожалуй, уже поздновато. Распустил Пал Палыч своего сыночка. Неужели всё-таки придется ему «пятерку» сделать?

3

Бывает же в жизни счастье! Совершенно неожиданно, не думал, не гадал – вот оно, само пришло. Просто подарок судьбы!

Но всё по-порядку. Я медленно шёл по улице, люди навстречу двигались разные: кто тоже мрачно, как я, глядел по сторонам, а кто-то весело улыбался.

Мне было не до улыбок. После разговоров с Пупышовым и Эдькой опять давило сердце, и, как всегда, забыл взять нитроглицерин. Придётся покупать, благо нынче аптеки натыканы на каждом шагу.

И точно – вот она, вывеска над высоким крыльцом. Справа аптека, слева антикварный магазин. Высоковато, конечно, но забрался по лестнице, держась за перила, купил лекарство. Вышел, напротив дверь в магазин. Из любопытства зашел. Зашел и замер, даже покачнулся, а сердце понеслось куда-то.

Увидел глобус! Большой! Старинный! На подставке темной меди, как Викины волосы. Ему было сто лет, не меньше. Вокруг два тоже медных обруча с подсвечниками, один большой, второй поменьше, правда, свечек в них не было.

Сразу догадался: глобус заводной, вращается, как Земля, полный оборот за сутки. Большая свечка – солнце, маленькая – луна. Наглядно видна смена дня и ночи. Облизал пересохшие губы, спросил:

– Сколько он стоит?

Продавец без интереса смотрел на меня, на покупателя антиквариата я не походил. Но всё-же ответил лениво, назвал цену, оказалось почти столько же, сколько я взял в банке на операцию. Тут он добавил, видно было скучно сидеть в пустом магазине:

– Вещь редкая, восемнадцатый, а может, и семнадцатый век. Заводной, пружинку только сменить и будет вертеться. А пока можно руками, – и крутанул глобус.

Передо мной поплыли чёрно-коричневые от времени континенты и темно-синие океаны.

– Беру! – сказал громко. – Никому не продавайте: я за деньгами, скоро вернусь.

Выскочил из магазина быстрее в банк, пока кто-нибудь не перехватил.

И все свершилось. Вот он – уникум у меня в руках. Сажу дома за столом, вращаю потихоньку, смотрю и не налюбуюсь.

Как же мне повезло, всё-таки есть, есть в жизни счастье!

Отнесу в школу, учитель физики вместо свечек лампочки маленькие поставит, за солнце три, за луну одну. И батарейку внизу прикрепим, а пружину потом заменим, найду такую мастерскую.

Будет не глобус – картинка! Мечта любого учителя. Ребята увидят, как день сменяет ночь, и совсем по-другому к географии относиться станут, может, даже лучше учиться начнут... А Викуля, Викуля-то как обрадуется!

4

Эдька сидел в кресле, как отец – нога на ногу, улыбался во весь рот: здорово он, в натуре, отхоячил этого долбаного препода. Много тот вообразить о себе стал, пусть сначала штаны новые купит. Налил рюмку коньяка, выпил залпом, крикнул громко!

– Все атлична! Бабры приехали в Бабруйск! А где же мои телки? – вытащил из кармана мобильник, набрал номер. – Але! Ант, это ты? Хрен с морковкой? Это я! Девки наши где? – слушал, потом засмеялся.

– Га-га-га! Хватит тебе их трахать! Конкретно! Бери типа за хобот и ко мне, пива от пуза. Папахен? Банкир Пуп отбыл на свои сраные стройки, баба его подалась на шопинг-жопинг. Баб Аня? Старуха нам не помешает, я её выдрессировал как бы. Жду в натуре!

Спрятал телефон в карман, вскочил, распахнул широко дверь.

– Баб Ань, подь сюда! Где ты там? Зову-зову, типа горло сорвал!

Анна Петровна вошла сразу, стояла за дверью, подслушивала.

– Тут я, тут, не слыхала...

– Ребята сей момент нарисуются, быстро выставь на стол все, че надо, да живее шевелись!

Эдька выскочил из комнаты, она прикрыла за ним дверь, сказала негромко, чтобы, не дай бог, внучек не услышал:

– Какой-то Эдичка нервный стал, кричит все время. Это та злыдня своими разговорами довела, – быстро налила рюмку коньяка, оглянулась на дверь, выпила. Мелко перекрестила рот. – Прости, Господи, – и убрала бутылку и рюмки в сервант.

Потом осторожно достала оттуда высокие пивные стаканы, красивые, с замысловатыми рисунками на тонком стекле, вазочки с сухим печеньем и солёными орешками, все расставила на столике, тяжело вздохнула. Броде ничё не забыла, а то сердиться станет...

Тут и Эдичка явился, тащил-надрывался коробку пива, бросил ее на пол, бутылки только зазвенели, и волком глянул на свою бывшую няньку.

– Ну че встала? Иди, не отсвечивай типа тут. Сюда ни ногой, а то тебе кирдык.

Анна Петровна даже вздрогнула – таким голосом не шутят. Скорее посетила к двери. Оглянулась и сказала, хотя, конечно, не надо было говорить:

– Вы не шибко балуйте, а то все отцу доложу...

– Я тебе доложу, конкретно! Иди отсюда! – Эдька вытолкнул её за дверь. Вытащил из коробки бутылки, поставил на столик. Взял балалайку, плюхнулся в кресло и начал встречать гостей: бил по дереву, рвал-дергал струны и довольно улыбался, наслаждался такой «музыкой».

Скоро гости пожаловали. Первой вбежала Клепка, необычно возбужденная, закричала с порога:

– Эдичка! Зашибись в натуре – вот и я!

Подпрыгнула на месте, бегом понеслась к нему, обняла, поцеловала в губы. Он ухватил ее за грудь, сильно сжал.

И Фек подросла, тоже подскочила, тоже поцеловала.

– Музыка! Такую я люблю! Давай еще гони! – и начала прыгать-танцевать, высоко, вскидывала ноги и широко махала руками. Клепка присоединилась.

– Слышь, че это они, типа зафестивалили? – спросил Эдька у подошедшего Анта. – Как скипидаром задницы смазали.

– Одна уколота, другой лишь бы пиво сосать, – Ант посмотрел на их «танец», закричал:

– Эй, вы! Хватит титьками трясти, как бы чего не выпало! Фек, не сачкуй, займись делом! Давай свой крестик!

– Сейчас! – Фек перестала прыгать. Побежала к столику, на ходу снимая с шеи тонкую веревочку. Сняла. Конечно, никакой крестик на ней не висел, а болталась железная открывалка.

Она быстро, сноровисто срывала с бутылок крышки, а Клепка без «музыки» продолжала свой «танец» с закрытыми глазами. Махала руками, раскачивалась из стороны в сторону, так, наверное, пляшут у костра негры-людоеды в Африке.

Фек залпом выпила бутылку, подала пиво Эдьке и Анту, схватила себе вторую и зашептала:

– Пивко, пивко, как я тебя люблю... Обалдеть сколько, Эдичка молодец, – мигом осушила и её, кинула на пол.

– И мне! Мне тоже, – Клепка подскочила, цапнула открытую бутылку, тоже выпила, не отрываясь.

Эдька рассердился, закричал:

– Эй, вы! Кончайте свою хрень! Слушайте сюда, мне банкир Пуп «тачку» хочет выдать!

– «Тачку»! – завизжала Клепка и снова кинулась его целовать.

– Кататься поедом! И за пивком! – Фек подлетела к Эдьке с другой стороны. Он оттолкнул их.

– Чё слюни распустили? Рано запрыгали, это если Пташка у меня репетитором будет и потом «пятерку» вывалит.

Тут Ант засмеялся, руку поднял и пальцем у виска покрутил.

– Ха-ха! Зашибись, в натуре! Тебе «пятерку»? Ни в жисть! Банкир Пуп денежку сэкономит...

Эдька схватил его за рубашку на груди.

– Молчи, гад! Чё ты вякнул? Запомни, папахена только я могу так называть! Больше типа никто!

Ант ударил его по руке, ещё минута – и они сцепились бы в драке, как собаки. Но Клепка схватила Эдьку, Фек – Анта, кое-как оттащили друг от друга, зацеловали, сунули по бутылке пива и те успокоились, хотя бы внешне.

Клепка взяла балалайку, забренчала как попало, громко запела тоненьким голоском:

Трали-вали! Трали-вали!

Тили-тили! Тили-тили!

Это нам не задавали,

Это мы не проходили!

– Заткнись, дура! – Эдька толкнул ее в кресло. – Я с Пташкой как бы оттопырился...

– Это типа напрасно, – осторожно заметил Ант, спорить с Эдькой он боялся, психопат есть психопат.

– Чё ты гонишь? – удивился тот. – Ну его на хрен, много как бы воображает, Таиланд ему не понравился.

– С преподам ссориться, зашибись, как против ветра ссать, – продолжал Ант. – Помирись как-нибудь, извинись, чё ли.

– Ну его на хрен, – повторил зло Эдька. – Ведь все просто: «бабки» возьми, «пятерку» мне отдай. Чё у тебя убудет?

Клепка, не вставая с кресла, визгливо крикнула:

– Ржу не магу! Че он за такой красафчек? Вы не жарьтесь, все это хрень! Да мы с Фек без всяких «бабок» с вашим долбаным Пташкой договоримся. Вывалит он «пятерку»!

Фек с другого кресла подала голос:

– Я чё-то не усекла, когда за пивком поедом?

– Помолчи! Накрылась типа машинка! – оборвал ее Ант.

Клепка вскочила с кресла.

– Ничё не накрылась! Пошли к нему! Прямо сейчас! И сделаем! Где он живет?

Эдька насмешливо смотрел на неё – ну, шлюшка, раздухарилась.

– Повелись мы на твою фигню, – сказал Ант. – Тут, недалеко, карты ему раз носил.

– Пошли живо, покажешь и как бы вали! – Клепка одной рукой схватила его, другой выдернула Фек из кресла. Все исчезли за дверью.

– Га-га-га! – засмеялся Эдька. – Ну дает девка! Держись, Пташка, они тебя отхочмячат! Конкретно!

Достал из серванта коньяк, налил полстакана, добавил пиво, выпил залпом. Устроился поудобнее в кресле, взял балалайку, начал дёргать струны. Вдруг бросил ее на пол, закричал во весь голос, громко и зло:

– Оттопырились, гады! Ненавижу!

5

Вика вошла, мы обнялись-поцеловались, и я сразу нетерпеливо сказал:

– Садись, а то вдруг упадёшь от удивления. И закрой, пожалуйста, глазки, у меня для тебя сюрприз!

– Обожаю сюрпризы! – заулыбалась и села, прикрыла ладошками лицо. Но я-то видел, подглядывает сквозь пальцы, ну и пусть. Осторожно достал из-под стола глобус, крутанул изо всех сил и поставил на пол перед ней.

– Можно смотреть!

Она убрала от лица руки, удивленно вскрикнула:

– Ой! Что это? Глобус! Какой большой! Это и есть сюрприз?

– Не просто глобус, а чудо! Антикварная редкость. Понимаешь, случайно, совершенно случайно зашёл в магазин, увидел и чуть не упал. Это же восемнадцатый век! Как повезло, что успел его купить, а ведь мог и пройти мимо.

Однако я заметил: Вика, конечно, заинтересовалась, но восторгов моих, похоже, не разделяла, сказала спокойно:

– Красивый... и вертится. А это что за обручи на нем?

Я ещё раз крутанул глобус.

– Не просто вертится, тут смена дня и ночи. Вот пружинку сменю, станет сам вращаться, как Земля в сутки один оборот. А обручи – самое главное. Гляди, на большом подсвечнике была большая свечка – солнце, на маленьком – маленькая, луна. Видно, как ночь сменяет день. Красота! – я еще раз покрутил его. – Смотри и любуйся!

– Свечи – это неудобно, – заметила она. – Пахнут, и вообще...

– Верно! Вместо них маленькие лампочки приспособим. На луну одну, на солнце три, и батарейку внизу. В школу унесу, ребята ахнут. Сразу уроки делать станут.

– Вряд ли, их ничем не проймешь. Погоди, а где ты деньги взял? Сколько он стоит? Неужели те, что на операцию?

Я поморщился!

– Это всё неважно. Совершенно не имеет значения! Главное – вот! Просто подарок судьбы, что он мне попался.

Вика, видимо поняла, что мало хвалила покупку, вскочила, расцеловала меня.

– Глобус твой прекрасный! Я очень рада. Купил – и правильно сделал. Но все равно ты чудик! За это и люблю! Надо его обмыть!

Открытая бутылка сладкого красного вина уже стояла на столе. Разлила его по стаканам, граненым, стыд и позор, всё собираюсь купить красивые бокалы. Мы чокнулись, выпили, съели по кусочку яблока, и она вдруг сказала:

– Интересно, кем я была в своей прошлой жизни. Часто вижу сон: скачу в белом платье на чёрной лошади. Кругом зелёные поля и тёмный лес вдаль... И так мне хорошо, скачу и пою...

Ни в какие прошлые жизни, понятно, не верил, но надо было поддерживать разговор, а то обидится.

– Это замечательно, а я вот никогда снов таких не вижу, наверное, не было у меня никакой прошлой жизни.

– А ты поверь в нее! И сразу увидишь, и всё о себе узнаешь! Может, был какой-нибудь король или ученый знаменитый.

6

И тут вдруг раздался звонок в дверь. Вика испуганно вскрикнула!

– Это Павел! Старуха меня выследила!

– Не говори глупости, кто-то ко мне пришел. Но кто? Ведь даже почтальон не бывает, не то что соседи. Сейчас гляну в глазок.

Я вышел в прихожую, посмотрел. Перед дверью стояли Антон из моего класса и две незнакомые девицы. Интересно, зачем явились. Открывать не стал, вернулся в комнату.

– Это Антон, одноклассник Эдьки, и еще две девушки какие-то.

Вика удивилась.

– Чего им надо?

– Не спрашивал.

– Я тогда в кухню, туда никого не пускай ни в коем случае.

Она быстро ушла. А я открыл дверь и вернулся в комнату с незваными гостями, точнее только с двумя девицами, Антона уже не было. И тут что началось! Одна, которая повыше, визгливо закричала:

– Привет! Вот и мы! Я Клепка, а это типа Фек! – и кинулась ко мне с явным намерением поцеловать. Я её не очень вежливо оттолкнул.

– Ты что? С ума сошла?

Вторая девица, пониже и потолще, какая-то Фек, схватила бутылку вина, зачем-то встряхнула.

– Кислятина! А пивка нету?

Откуда они взялись? Что за чудеса! Антон почему-то не вошёл.

– Бутылочку поставь на место, никакого пива нет. Чего вам надо?

Первая – Клепка – весело ответила:

– У нас к тебе секретный разговор!

Тут эта Фек снова спросила:

– А может, пивко найдется?

Клепка зло закричала на неё:

– Сядь и типа не возникай!

– Обалдеть! – Фек шлепнулась на стул. – Давай, отхомячивайся!

И что бы вы думали? Клепка снова кинулась ко мне, схватила за рубашку, завопила во все горло:

– Покажи, какого цвета у тебя трусики!

Я испугался – явно ненормальные обе, толкнул ее так, что чуть не упала.

– Уходите немедленно!

Фек сразу вскочила со стула.

– Пошли, раз пивка не дают...

Первая девица на нее внимания не обратила, пристально глядела на меня:

– Давай заключим договор...

– Какой еще договор? Убирайтесь!

– Договор очень простой, – Клепка и не думала уходить. – Ты Эдичке нашему «пятерку» вываливаешь, сразу можешь меня типа трахнуть!

Фек закричала со стула:

– Тогда ему банкир Пуп машинку купит. За пивком поедем!

Тут я наконец понял, зачем они пришли. Вымогают «пятерку» своему дружку. Решил пошутить, приколоться, как молодежь говорит.

– А если наоборот? Трахну тебя сейчас, а «пятёрку» потом – шутка моя удалась, даже чересчур. Эта соплюха быстро расстегнула кофточку, лифчик не носила. Её худосочное «богатство» выскочило на свет божий.

– Застегнись, дура! – крикнул зло и громко, – и пошли обе отсюда вон! Но ее словами не проймешь.

– Давай, соглашайся, и ту тоже можешь впридачу! Она девочка нецелованная. Почти! – и засмеялась противным тоненьким смешком.

Вторая дура – Фек – подала голос:

– Только если пивко будет...

Надо было кончать балаган. Я схватил табуретку.

– Вон! Вон, поганки!

– Ой, боюсь! – Фек соскочила со стула и мигом исчезла в прихожей.

– Дурак ты, выгоды своей не понимаешь, какой-то дерьмовой «пятерки» жалко, – Клепка пошла за ней и вдруг обернулась.

– Ты, вижу, молоток! Давай трахнемся просто так!

Я кинул в нее стульчик, конечно, не попал, но поганку как ветром сдуло.

7

Закрыв за ними дверь, вернулся в комнату.

– Вика! Выходи, выгнал кое-как.

Она появилась сразу, очень сердитая, сказала зло, даже с удивлением:

– Терпеливый ты, оказывается, человек. Я всё слышала, едва сдержалась, чтобы не выскочить. Ну и шлюхи!

– Странные какие-то, может, больные?

– Больные, как же! Одна наркоманка, другая пивная алкоголичка за бутылку спит с любимым. Сколько я таких видела, когда медсестрой была. Давить их надо!

Даже немного испугался её злости, произнес примирительно:

– Как ты... Давить.... Это же дети наши, мы их упустили.

Вика налила стакан вина, выпила залпом.

– Всё мне настроение испортили. Это поколение пофигистов, ничем не интересуются, после букваря книжки в руках не держали. Только пиво, наркотики, секс...

Я, конечно, возразил:

– Нет, они не такие. В моих классах много прекрасных ребят, умных, думающих.

Повернулась ко мне, сказала насмешливо:

– У тебя все хорошие... Ладно, чёрт с ними, давай выпьем за нас, за нашу любовь.

Разлила вино по стаканам, молча и не чокаясь, выпили. Потом она быстро разделась, бросила платье и бельё на диван, села рядом. Солнце как раз заглянуло в окошко, его лучи падали прямо на неё, и моя Вика-Викуля вся светилась, была словно прозрачно-розовая, как большое и очень спелое яблоко. Сидела, закрыв глаза, всем телом впитывала солнечный свет.

Она наслаждалась своей наготой, давно заметил – ей нравится быть раздетой, постоянно ходила по комнате совсем голая, даже не думала стесняться меня. Если бы у нас в городе был пляж nudистов, пропадала бы там целыми днями.

– Ты чего ждёшь? – Вика приоткрыла глаза. – Лови солнце, пока есть, снимай всё, тело должно дышать.

Я тоже разделся, сидел на стуле, глядел на неё и любовался. Солнышко светило-грело наши тела, и это было прекрасно, так же прекрасно, как и

нагая Викуля. Жаль, что я не художник, рисовал бы её с утра до вечера в стиле «ню». Уверен, картины имели бы огромный успех.

Вдруг подумал: мы как Адам и Ева в каком-то райском саду. Вот и яблоко лежит на тарелке, уже разрезанное и съеденное наполовину. Только змея не хватает, точнее, он есть, его зовут Пал Палыч, не дай бог выползет откуда-нибудь.

Солнце на небе сдвинулось, его лучи сначала уползли на стену, потом вообще исчезли из комнаты. Как этого было мало, райского сада. Вика-Викуля встала, потянулась, словно кошка, руками-лапками помахала. Погладила себя по грудям, приподняла их, словно предлагая мне поцеловать, и тоже животик погладила, сказала весело:

– Позагорали малость, теперь приступим к водным процедурам, – и побежала в душ, я скорее пошёл за ней. Предвкушал то прекрасное, что сейчас произойдёт: Адам снова познает Еву.

Стояли под душем, под упругими струями воды, обнимались-целовались. Викуля вдруг сделала её погорячее, крикнула мне в ухо:

– Шевелись веселее! Не спи!

Вдруг я с ужасом увидел у неё на груди тёмные пятна-синяки, на другой тоже. Откуда взялись, гадать было не надо – следы от поганых пальчиков Пал Палыча.

– Что-то душно стало... – прохрипел и скорее вышел. Сидел на диване как мешком стукнутый, представил: вот Пупышов навалился на неё толстым животом, грубо сильно жмёт-давит груди... Думать об этом было совершенно невозможно, задушил бы его голыми руками. Выпил стакан вина, зачем-то собрал и сунул постель в тумбочку.

Вика-Викуля плескалась весело под душем, как утка, даже что-то негромко пела. Понимал, говорить ей ничего нельзя, но надо немедленно решать – как быть?

Появилась в голубом махровом халате, красивая до невозможности, полы его разошлись, блеснули белые ножки, усмехнулась.

– Что же сбегал? И постель убрал, не поторопился ли?

Конечно, я не смог сдержаться-промолчать, как собирался, почти закричал:

– Слушай очень внимательно! Переезжаешь ко мне сегодня же! Немедленно! С Пупышовым разводишься и выходишь за меня. Совсем и навсегда!

Она молча опустила на стул, явно была удивлена, а я-то мечтал, что обрадуется. Налила полстакана вина, тихо спросила:

– Ты это серьезно? Или такая шутка?

Я ответил так же громко:

– Какая шутка? Едем прямо сейчас, документы возьмешь, и всё! Старуха-ведьма, придурок Эдька и подлец Пал Палыч останутся в прошлой жизни.

Вскочила со стула, обняла меня и поцеловала.

– Чудик ты мой! Зачем?

– Зачем? Затем, что не хочу, чтобы твои груди были в синяках!

Сразу как-то погасла, села и опустила голову, произнесла чуть слышно:

– Надеюсь, что промолчишь...

Я опять закричал:

– Как подумаю, что ты с ним...

Она встала, подошла к окну, долго глядела на улицу, повернулась и спросила:

– Разве нам так плохо? Я же тебе не отказываю...

Смотрел на неё удивлённо, никак не ожидал таких слов.

– Мне плохо, мне! Не хочу знать, что Пупышов в любой момент может уложить мою Викулю в кровать... – тут не сдержался и сказал грубо, нехорошо.

Думал обидится, заплачет даже, но Вика словно и не слышала или внимания даже не обратила, продолжала так же тихо:

– Я с ним и не сплю совсем, у него там, в фирме, целый гарем девок, а я ему не нужна... Лучше скажи, как тогда жить станем? На что? Или прикажешь мне опять в медсёстры идти? Чужие горшки выносить? За вшивые копейки?

Просто похолодел – что такое говорит? И снова крикнул:

– Запомни навсегда: делить тебя ни с кем не стану! Никогда! Или переезжаешь ко мне немедленно, или прощай!

Наверное, я допустил ошибку, сказал слишком резко, даже опять грубо, но не мог иначе. Она смотрела на меня удивлённо, словно видела первый раз. Сбросила халат, стояла нагая и прекрасная, ждала, что я сделаю. Молчал, даже не пошевелился, выдержал характер. Через минуту схватила с дивана своё бельё и платье, быстро оделась и ушла, хлопнула громко дверь, даже слова не сказала.

Такого никак не ожидал, был уверен: Вика-Викуля с радостью согласится – не имеет права отказаться! – стать моей женой, и опять ошибся. Сел на стул, что же теперь делать?

Взял глобус, последнюю мою радость, медленно покрутил. Свет из окна падал то на одну его половину, то на другую, день сменялся ночью. Задёрнул шторы, и сразу в мире везде наступила темнота...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Анна Петровна уже давно подозревала Викторию Семёновну – дело нечистое, чёй-то она хвостом крутит. Ездит по магазинам каждый день по несколько часов, а чё привозит? Ничё! Ерунду: платочек копеечный, колготки, коробку конфет... И всё!

Мужу говорить не решалась, надо сперва проследить, а как? Сядет в свою машину, маленькую глазастую зелёную «лягушку» – круглые большие фары впереди, – и усвистает неизвестно куда, ищи ветра в поле! Но всё равно надо пытаться.

Дождалась, когда та заявила: поехала по магазинам в «Пассаж» и «ЦУМ», быстро вытащила из кладовки старое пальтишко, на голову шляпку с полями, сто лет не носила. На нос – черные очки, получилось совсем как в сериалах про бандитов и милицию. Сама себя в зеркале не узнала. И пошла, почти побежала, как гончая собака по заячьему следу.

Что же заставило так поступать эту, в общем-то, незлую и уже немолодую женщину? Ревность к новой жене бывшего зятя? Обида! Как смела эта Вика – ни кожи ни рожи! – так быстро заменить ее любимую покойную дочь?

Да, конечно. И это можно понять. Но не только. Анной Петровной двигал прежде всего холодный расчёт. В голову крепко засели слова Пупышова о большом доме на берегу теплого моря. Как-то рассказывал ей, что собирается такой купить.

Верила ему, ведь все, что говорил и обещал, сбывалось. Всего умел добиваться. Будет там дом, а кто же в нём станет хозяйкой? Эта шлюшка

Вика? Очень может быть. Тогда ей, Анне Петровне, снова придется остаться прислугой, как сейчас.

Если вообще попадет туда.

А значит... Значит надо сделать так, чтобы Пупышов жену не взял, оставил тут, а еще лучше совсем развёлся. Надо, а как? Да очень просто – узнать, куда она шастает, и разоблачить!

Пошла сперва в «Пассаж», на стоянке машин полно, но зелёной не видать. Всё же поднялась на второй этаж, где женская одежда-обувка. Крадучись, прячась за спины, обошла-проверила все отделы, не нашла.

На третий этаж подыматься не стала, там разные телевизоры-холодильники да пылесосы. Вдруг вспомнила, остановилась, даже сказала вслух:

– Чё же я, дура старая! Ведь на первом этаже косметика, – и скорее вниз.

Народу там полно, уже не скрываясь, обежала всё – нету. Не солоно хлебавши, вышла на улицу и скорее в универмаг, благо рядом. На стоянке машин разных как крупинок в каше, но сразу увидела, вот она, зелёная. Стоит среди других, затаилась. Нет, шалишь, от меня не спрячешься.

Встала за угол, ждать пришлось недолго. Выскочила шлюшка и, пока вырুলивала со стоянки, Анна Петровна сговорила с хозяином стареньких «Жигулей», поехала за ней. «Лягушка» завернула во двор большого дома. Теперь никуда не денется, вошла туда же. Сразу увидела, вот она, ее добыча, стоит среди других, чуть ли не на газоне. Оглянулась, рядом на скамейке сидят две бабушки-старушки, смотрят на неё – чего тут чужой тетке надо?

Подошла к ним, поздоровалась сладко-ласково:

– Добрый вам день, мои хорошие, помогите, ради бога. Вижу, вы тут живёте...

Бабушки молчали, ждали продолжения.

– Вот какое дело. В нашем доме собрались управляющую компанию выбирать, никто не знает, какая из них лучше. Решили мы по соседним домам пройти, поспрашивать, узнать, где что...

Обе старушки сразу оживились, Анна Петровна затронула болезную тему, и заговорили охотно, перебивая друг друга.

– У нас компания плохая, «Уют-сервис» называется, её ни в коем разе не выбирайте. Ничё не делает, только объявления на дверях вешает, когда воды не будет...

– Подвал наш всё время заливает, и крыша течёт, никто не чешется...

Анна Петровна слушала внимательно, кивала головой, запоминала. Её собеседницы тоже были довольны, отвели душу. Когда они немного успокоились, замолчали, начала о главном:

– Вообще-то у нас хороший сантехник, на нем, почитай, всё держится. Делает быстро и деньги берёт по-божески... Фамилию только забыла, Коля и всё...

Первая старушка перебила:

– Наш сантехник ещё лучше, Воробьёв его фамилия. Денег вообще не берет, только он и не сантехник вовсе, а учитель...

– Как это, учитель? – удивилась Анна Петровна, и вторая старушка охотно объяснила:

– Так и учитель, подался было от маленькой зарплаты в сантехники, да не выдержал, снова в школу прибёг. Всё равно, если что у кого случится, первым делом к нему. Слова не скажет, сделает быстро и хорошо.

Они сидели, мирно беседовали про дырявую крышу, про мокрый подвал. Анна Петровна всё глазами шарила по трём подъездам дома, ждала.

И дождалась! Наконец-то увидела, из первого выскочила. Пришлось сумку уронить и нагнуться, чтобы ненароком не заметила, не узнала.

Но какое там! Шлюха бежала, опустив голову, не глядела по сторонам, чует кошка, чёё мясо съела. Заскочила в машину и уехала. Тогда Анна Петровна отряхнула сумку от пыли, встала.

– Ну, бабоньки, спасибо вам, какой у вас дом хороший, такие красивые девушки живут.

– Это не наша, – сообщила первая старушка.

– Она к этому сантехнику-учителю шастает почти кажинный божий день, чё-то там потеряла, – добавила вторая.

– Ну и пуцай, тебе чё? Жалко? – первая сразу вступилась за «своего» сантехника. – Может, у неё мужа нету али больной. А бабе хочется, чтобы её до визга... – старушка тут сказала такое, Анна Петровна только головой покачала.

– Спасибо вам, бабоньки, будем знать. Компанию вашу выбирать не станем.

Неслась домой как на крыльях, радостно улыбалась – разоблачила предательницу. Эта шлюха теперича у неё в руках, всё расскажет Павлу в подходящий момент. И тот точно не возьмёт жену на какое-то тёплое море. А она будет там жить одна в своё удовольствие...

2

Эдька и Ант сидели в пустом классе, разложили на парте учебники. Если кто зайдёт, остались позаниматься – вот какие молодцы. Уроки давно кончились, все поскорее слиняли, кто домой, кто куда. Да и они – если бы не дело – сейчас балдели бы в скверике на тусовке, щупали девок да пили пиво.

– Зашибись в натуре, хватит тут типа торчать, никто не придёт, – Эдька открыл дверь, осторожно выглянул – в коридоре пусто. Класс на четвёртом этаже, кабинеты директора, завуча, учительская далеко, на втором. Уже три дня так сидели-проверяли, никто ни разу не заходил.

После того как Клепка и Фек не сумели выманить у Пташки «пятёрку», он решил действовать сам... Украсть глобус и шантажировать препода? Иначе «тачку» не займешь. Эдька не понимал, что это уже не детская шалость, и не думал, чем его затея может кончиться. Привык – всё сходит с рук, был твердо уверен, должно получиться. Всё будет о'кей, как говорит папахен.

Раз – и «тачка» в кармане! Можно ехать с девками кататься, купить пивка, завернуть в ближнюю березовую рощу или на речку, полежать-побалдеть на травке, потрахаться на свежем воздухе. Он с трудом уговорил Анта, вдвоём веселее, тот едва согласился, не верил, но не смог отказать другу.

– Идём быстро, – позвал Эдька его. – Девки наши, сикушки эти, ничего сделать не смогли, а мы всё сами сейчас типа решим. Спрячем сраную бандуру у Фек, а как Пташка мне «пятёрку» вывалит – куда он как бы денется! – отдадим.

Ант не торопился вставать.

– Сгорим мы на этом долбаном глобусе....

– Какого хрена? – оцетинился Эдька. – Конкретно сейчас всё делаем, или вали отсюда, я один.

Медленно подошли к кабинету географии, оглянулись ещё раз и быстро натянули на руки купленные в аптеке резиновые перчатки, как в детективах по «ящику». Потом Эдька достал украденный из стола запасной ключ, осторожно повернул в замке. Дверь бесшумно отворилась!

Глобус стоял на шкафу. Ант снял, нажал кнопку, лампочки сразу весело загорелись, сказал нерешительно:

– А может, не стоит? Пташка над ним трясётся...

– Ничё, скоро перестанет, – Эдька поспешил их выключить. – Я же типа сказал, отдадим потом. Пусть как бы хоть целуется с ним, в кровать вместо бабы кладёт.

– Ха! – засмеялся Ант. – Вот бы глянуть. У него давно крыша поехала.

– Увидим ещё, как он прыгать станет! – Эдька вытащил из кармана верёвку, привязал к ножке глобуса. Открыл окно – во дворе никого. Быстро спустил его на землю, весело оглянулся на Анта.

– Порядок! Как я и говорил! Усе атлична! Идем, позанимались типа географией, и будя.

По боковой лестнице бегом спустились на первый этаж, к запасному выходу. Бесшумно открыли засов двери, вышли во двор. Ещё раз оглянулись, никто их не видит. Подняли глобус и к забору. Там была знакомая всем дырка, выбрались на улицу. И уже спокойно, не торопясь, по-деловому пошли, не оглядываясь, два прилежных ученика.

3

Клепка сидела в скверике возле дома Фек, там же снимал квартиру цыган, торговец наркотиками. К нему не пошла, бесполезно, денег нет. Ждала Эдьку, надеялась, придёт сюда, ведь ему тот дает «товар» в долг, попросит взять и для неё. Неужели откажет? Не может такого быть, пожалее, ведь ей так плохо...

Вдруг в скверике появился цыган, увидел её, сразу подошёл и тихо спросил:

– Ну ты! «Бабки» принесла?

Вздогнула, подняла голову и взглянула жалобно.

– Завтра... Дозу бы мне...

Цыган презрительно усмехнулся:

– А платить за тебя кто будет? Иди на вокзал работай, «бабки» тащи, тогда и получишь.

Клепка попыталась возразить, сказала еле слышно:

– Я же тебе привела Эдьку, вспомни. У него отец банкир, сколько с него взял.

– Заткнись, – цыган рассердился. – Всё в долг берёт, заплатил пока мало, только обещает. Когда отдаст, ты знаешь?

Тут Эдька и Ант вошли в скверик с глобусом. Эдька так придумал: отдаст, когда Пташка «пятёрку» поставит, не раньше. Ант сначала не хотел, потом всё же согласился. Цыган увидел их, повернулся к Клепке.

– Ступай к нему, пусть один ко мне подвалит, будет разговор.

Клепка вышла на дорожку, кивнула Эдьке.

– Иди, он тебя ждёт, – потом взяла Анта за руку, посадила на скамейку, устроилась рядом. Ант поставил глобус на землю, глянул удивлённо:

– Зачем явилась?

– Отвали... – она не смотрела ни на него, ни на глобус, ей всё было безразлично, кроме одного: где взять дозу?

В глубине скверика Эдька подошёл к цыгану, спросил весело:

– А вот и я, привет! Товар принёс?

Цыган заулыбался, вроде бы обрадовался:

– Для тебя все есть, дорогой, такой уважаемый человек. Приходи ко мне, получишь. Только «бабки» не забудь захватить.

Эдька помрачнел, упоминание о деньгах было неожиданно и неприятно. Когда брал и брал товар, то о них и не вспоминал, вот и сейчас ответил бездумно:

– Ты не парься, всё будет.

Цыган насмешливо глядел на него.
– Это я уже слышал, долг сто «штук» за тобой, понял?
– Зашибись! Чё-то много!
Этот сопляк ничего не понимал, и наркоторговец крикнул ему в лицо:
– Или будет неприятный разговор!
Эдька испуганно отскочил:
– Ты чё? Охренел в натуре? Я тебе уже сколько «бабок» передал и ещё должен?
Цыган уже снова улыбался.
– Неси больше, тогда скорее с долгом рассчитаешься, – и быстро ушёл, почти убежал по дорожке.
– Чтoб ты сдох, конкретно! – Эдька плюнул ему вслед.
Как только Клепка заметила, что он остался один, подошла и молча опустила на землю рядом со скамейкой.
– Падаль какая! – продолжал зло Эдька. – Вот сволочь! Мне типа сто «штук» насчитал! Кишки бы ему выпустить, подонку! – и уже тише продолжал: – Придётся как бы банкира Пупа потрясти.
Клепка его не слышала, закрыла глаза. Голова гудела, в ушах звенело... Эдька поглядел на неё, засмеялся!
– Чё расселась? Застудишь своё главное место! – ему снова стало весело. Деньги возьмет у отца, цыган товар принесёт, и всё, как всегда, будет о'кей!
Подошёл Ант, осторожно поставил глобус на скамейку.
– Я чё мыслю, в натуре мы типа зря его увели. Если нас там кто-то засёк...
– Ты опять свою хрень завёл? Сейчас Фек нарисуеться, отдадим его ей и порядок, – Эдька повернулся к Клепке. – Эй, спишь, чё ли? Той засранки не было?
– Отвали... – ответила она еле слышно.
У Эдьки в кармане зазвонил мобильник, Ант обрадовался:
– Это Фек! Гони её сюда!
– Папахен меня достает, а та свой на пиво сменяла, – он вынул телефон, послушал минуту и перебил:
– Ну ты пристал! Скоро приду, – сунул трубку в карман. – Надоел, всё ему надо знать, хоть мобилу с собой не бери.

4

Фек бежала, торопилась, знала, что опаздывает, Эдичка будет сердиться. Она училась вместе с Клепкой, но наркотики пока не пробовала, боялась. А вот пиво – другое дело. Могла выпить сколько угодно. Родители её вечно заняты своими сложными проблемами, учится дочь, и ладно.
– А вот и я! – поцеловала Эдьку и Анта, повернулась к Клепке.
– А ты чё сидишь как неживая? – и, не дожидаясь ответа, весело крикнула:
– А пиво у нас есть?
Ант засмеялся.
– Обойдётся! И отстань от неё, видишь, доходит, ей колоться пора.
Тут Фек заметила глобус и тоже поцеловала.
– За пивком поедем, как Эдичка тачку оторвёт.
Ант схватил её за руку, потянул себе на колени, прижал, зашептал на ухо, она захихикала.
– Ты чё? Сейчас? Прямо тут? Ладно, только сперва пиво добудь...
Вдруг Клепка зло и громко сказала:
– Врёт! Врёт всё! – и ущипнула Фек за ногу, да так сильно, что та соскочила с колен и завопила во весь голос:

– Охренела совсем, засранка! Больно же!

Клепка кое-как встала, покачнулась, в ушах звенело и звенело, крикнула этой дуре:

– Ты, пивная бочка! Закрой хлеборезку! Всё равно к цыгану приползёшь скоро, никуда не денешься!

Эдьке они надоели до смерти, что за бардак! Чего все орут?

И тоже закричал:

– Молчать! Всем заткнуться, конкретно!

Фек испуганно ойкнула, зажала рот ладошкой, Клепка отвернулась, смотрела вдаль, на крыши домов. Наступила недолгая тишина, потом Ант негромко произнёс:

– Эд, я вот чё... Типа послушай меня, на хрен мы его тащим? Фигня всё это. Пташка тебе «пятёрку» не вывалит всё равно. Бросим в кусты, и концы, пока не сгорела... – он даже было взял глобус, но Эдька подскочил и завопил:

– Не трожь!

Глобус шлёпнулся на землю, Ант поднял, поставил на скамейку.

– Чё-то ты нынче типа нервный...

Эдька злобно взглянул на него, уже сам не раз думал об этом. Пташка точно может не согласиться быть репетитором, денег не возьмёт и «пятёрку» не поставит. И всё, концы, «тачка» сгорела, накрылась одним местом. Неужели придётся учебник зубрить? Чтобы все сказали – он стал «ботаником»? Никогда! Хрен этому сраному препода в зубы! Папахен всё придумал, вот он пусть Пташку и уговорит, побольше денег даст или поставит как-нибудь. Тогда всё будет о'кей!

Его такие «весёлые» мысли прервала Фек, снова начала свою любимую песню:

– Пошли лучше пивка поищем, давно как бы пора глотнуть, всё горло пересохло на хрен. За бутылку сейчас готова трахнуть с любым.

Злость у Эдьки быстро прошла, засмеялся над дурой.

– Га-га-га! А со слонем? Вот бы поглядеть!

Клепка слушала их, и опять горло сдавило, в глазах потемнело. Болтают и болтают, а надо скорее идти к цыгану. С трудом встала со скамейки, покачнулась, чуть не упала. Как у всех наркоманов, настроение у неё менялось мгновенно – от апатии и безразличия к агрессии и ненависти к окружающим. Забыла о своей зависимости от Эдьки, закричала на него истерично:

– Какого хрена ты тут выламываешься с этим глобусом? Папахену типа пообещай десять «пятёрок» получить, засри ему мозги – он тебе тачку и выдаст. Или сам мечтаешь эту «пятёрку» у Пташки выпросить? Потом её как бы себе на пуп повесишь или ниже!

И она пошла, пошла по дорожке вдоль скамеек, кривляясь и хлопая себя по животу, потом завопила ещё громче:

– Тогда все кругом сдохнут со смеха!

Эдька растерялся, смотрел на неё удивлённо, никак не ожидал такого от этой прежде тихой шлюшки. Всегда слушалась, глядела ему в рот, по первому слову послушно ложилась. Что с ней сегодня случилось? Посмела выставить его дураком!

– Ты чё, сучка, типа гонишь? На хрен она мне! Пусть Пташка вместе с папахеном ей подавятся!

Ант скорее схватил глобус.

– Тогда в кусты его! – и хотел было кинуть. Но Клепка подошла сзади, вытащила из кармана верёвку, набросила ему на шею и начала душиТЬ.

Фек завизжала от страха, упала на скамейку лицом вниз. Ант сорвал удавку, ударил Клепку, та грохнулась на землю.

– Совсем типа сдвинулась! Ну, погоди, Клепочка-заклепочка, ты у меня как бы кипятком ссать станешь! – крикнул и ушёл.

Эдка приоткрыл рот и молча глядел на все эти чудеса. Хотел было позвать, вернуть Анта, всё-таки вроде друзья-приятели, но промолчал.

Фек немного отошла от испуга и завопила:

– Если тебе эту «пятёрку» не надо, то какого хрена мы тут паримся? Загоним его скорее и пивка купим!

Эдке всё вдруг стало без разницы: и долбаный глобус, и сбежавший Ант, и Фек с Клепкой, всё надоело, стало поперёк горла, давно пора кольнуться или «колеса» заглотнуть. Взглянул насмешливо на эту толстую дуру Фек – точно пивная бочка!

– Кому ты его тут загонишь? Бобику тому, чё ли? – вдали бежала тощая грязная собака. – Давай, пусть географию учит и Пташке на «пятёрку» экзамен сдаёт! Га-га-га!

– Найду! Вон какой-то лох на клёвой «тачке» катит! – обрадовалась Фек и побежала к дороге, замахала руками.

А Клепка всё так же неподвижно лежала на земле, голова кружилась, в ушах звенело ещё сильнее, никто к ней не подошёл... История Клепки была печальной и, к сожалению, нередкой. Сначала жила-была чистенькая девочка, училась в школе, не «ботаник»-отличница, но и не троечница. После девятого класса поступила в колледж, прыгала-танцевала с подружками на дискотеках.

Там и попробовала «колеса», таблетки с наркотиками, понравилось, стало ещё веселее, и пошло-поехало, скоро перешла на уколы. Старшей сестре, с которой жила, было не до Клепки, по-настоящему её звали очень красиво – Клеопатра. Так и плыла она по течению, не пыталась сопротивляться.

Вдруг возник цыган, торговец «дурью», жил в одном доме с Фек (у неё имя тоже было необычное – Фёкла). Первые дозы давал бесплатно, потом в долг, затем стал требовать деньги и однажды указал на кровать. Закричала, ушла, но что делать? Без наркотиков жизни уже не было, вернулась, подошла к постели, быстро разделась, зажмурила глаза, крепко сжала зубы...

Но и это длилось недолго, цыгану она надоела, возле него крутились новые дурочки. Приказал идти на вокзал, искать клиентов, зарабатывать «бабки» на дозу.

Сколько так погибает запутавшихся, неразумных девчонок, никто точно не знает. Нет, не победить нам наркомафию никогда, пока производителей нелегальных наркотиков и курьеров-перевозчиков крупных партий не будем расстреливать без всякой жалости.

5

Машина остановилась, водитель с интересом посмотрел на Фек. Девка вроде ничего, можно увезти в лесок...

– Садись, поехали.

– Поедем, только потом, – весело ответила она. – Сейчас пошли, хочу тебе прикольную штуку показать. Купи – не пожалеешь.

Вышел здоровый, высокий, чуть потянулся, размял кости, ухмыльнулся насмешливо.

– Прикольная? Пойдем, поглядим.

Эдка с завистью смотрел на клёвую машину, ненавидел её хозяина, идёт сюда, оглядывается. У таких было всё, о чём мечтал: мешок «бабок», навороченные «тачки», девок сколько, только моргни – ложились сразу.

Он так хотел всё это, и не ждать, а сразу, сейчас!

– Гляди, окучила лоха, – повернулся к Клепке. Та отлежалась, отдышалась на травке, пришла к нему.

Фек подвела покупателя к скамейке, поставила на неё глобус.

– Вот он, красавец! Заводной! Там пружинка есть и ключик торчит. Такого нигде не найдешь.

– Ничего себе! Поменьше нету? – удивился тот.

– Тебе тут чё? Типа магазин? – зло сказал Эдька. – Бери или вали отсюда на хрен!

Он еле сдерживался, так хотелось пнуть эту суку в живот, а когда согнётся – врезать ребром ладони по шее и амбец ему, вызывайте похоронную команду. Видел не раз такое «по ящику», там получалось всё очень просто и здорово. Но мужик даже не взглянул на него, изучал глобус.

– Не возникай, понял? Да он совсем старый, едва держится. Какие-то облучки, лампочки, – нажал кнопку, и они загорелись.

– Ну и ну! Как на ёлке!

– Это же и есть главная красота! Глаз не отведешь! – заспешила Фек, боялась, что тот плюнет и уйдет. – Солнце и луна! Заведешь, сиди и любуйся, балдей, пиво пей...

Покупатель молча нажимал кнопку – включал и выключал лампочки.

– Вали отсюда, я тебе сказал! – Эдька шагнул к нему, сжал кулаки.

Мужик обернулся, улыбнулся недобро.

– Ну ты, говнюк, доболтался! – и толкнул его в плечо, даже не очень сильно, словно шутя. Но Эдька сразу упал, сидел и испуганно оглядывался, даже не пытался встать.

Фек поскорее вцепилась покупателю в руку.

– Дядечка! Махнем на пиво! Не пожалеешь!

– Ладно пять бутылок! – снова включил лампочки. – Хорошо горят.

– Да ты чё? Пять! Коробку, не меньше!

– Не жирно ли? – он крепко обнял Фек. – Хватит и пяти.

– Коробку! – закричала та весело. – Не жмись! И меня можешь трахнуть впридачу!

– Ничего себе довесочек! – сразу опустил руку, ущипнул ее за ягодицу.

– Ладно, согласен! – взял глобус и понес.

– Зашибись, есть коробка! – крикнула Фек и побежала за ним.

Эдька встал, отряхнул испачканные брюки, мрачно смотрел, как дубина-мужик кинул глобус на переднее сидение машины, снял и бросил туда же куртку. Потом открыл заднюю дверцу и затолкнул Фек.

И залез сам.

Клепка сидела на скамейке, смотрела в землю, попросила глухо:

– Возьми у цыгана дозу для меня...

– Он и мне сегодня выдал – в долг хрен получишь, вот сволочь какая!

– Эдька даже плюнул на траву. – Ладно, не парься, как добуду бабки, то и на тебя возьму.

Клепка прошептала чуть слышно:

– Сейчас надо, плохо мне...

Эдька глядел на неё равнодушно: совсем дошла шлюшка. Знал, что таскается ночью по вокзалу, зарабатывает на дозу. А ведь ещё недавно была весёлой нормальной девкой, кувыркались вместе в кровати.

– Ты с цыганом осторожнее, паук, гад, каких мало, – всё так же тихо продолжала она.

– В гробу я его видел, в белых тапочках, – Эдька сел рядом на скамейку. – Где та сучка с пивом? Чё-то долго он с ней возится.

И тут Фек вернулась, шла быстро, чуть не бежала, тащила коробку двумя руками, прижимала к животу.

– Полный порядок! Пивко первый сорт! – сдёрнула с шеи верёвку с открывалкой, мигом сорвала крышку с бутылки и выпила её залпом. Потом со второй тоже и подала Эдьке. Он сделал большой глоток, хорошее настроение сразу вернулось, весело спросил:

– Как слон работал? Га-га-га!

– Всё типа путём, старался, трубил хоботом! – Фек открыла ещё две бутылки, одну сразу осушила, другую протянула Клепке, уже не злилась на неё. Та не взяла, еле поднялась и, покачиваясь, пошла по дорожке к выходу из скверика.

Фек схватила её бутылку, закрыла пробкой и сунула в коробку.

– Красота! Пивка полно! Чё ещё надо? Нам и на завтра хватит!

Эдька засмеялся над дурой.

– Га-га-га! Широко хлебало открыла, кодла набежит, всё выжрет.

– Никому не дадим, пошли они все в жопу, вдвоем будем пить, – она легко подняла коробку и направилась в сторону своего дома. Эдька проводил её взглядом, ему вдруг опять стало тошно. Где искать «бабки» для цыгана? Прошлый раз легко взял из сумки у той Вики, никто не заметил, слова ему не сказала. Сегодня сунулся туда же – ни хрена, пусто, сучка догадалась, запрятала их. Найти, конечно, можно, но долго, а ему надо скорее, сейчас, чтобы валить к цыгану. Придётся у баб Ани пошуровать, должна быть у неё заначка. Да и у папахена стол проверить, недавно нашёл там в одном из ящичков конвертик, а там десять «штук», всё цыган заглотнул, всё ему мало.

Когда Эдька пришёл домой, старуха как раз куда-то убралась, больше никого нету. Самое время все проверить. Сначала двинул в её комнату, сейчас, сейчас найдёт «бабло».

Оглянулся, где она может прятать заначку? Ясно где: в шкафу под бельём. Сунул руку под разные простыни-наволочки, всё прошупал – пусто. Внизу, в самом дальнем углу, лежали обувные коробки, вынул их и точно, под нижней – плотный пакет.

Эдька обрадовался – нашёл! Быстро его развернул, а там только сберкнижки, пять штук, «бабок» нет совсем. Ну, старая дура, каждую копейку скорее в банк тащит. Что ему теперь с этими долбаными книжками делать? Пустой номер, ни хрена с них не взять. От злобы хотел было порвать, да вони слишком много будет.

В кабинете папахена начал открывать один за другим ящички стола, бумаг там всяких до хрена, а «бабок» тоже нету. Вот непруха! Рядом компьютеры стоят, ксероксы-принтеры и другая разная фигня. Всё дорогое, и загнать барыгам по дешёвке не проблема. Но пока рано, отец может сразу заметить пропажу, а Эдьке это вовсе ни к чему, ведь собирается у него деньги попросить, мол, задолжал пацанам из класса, или что-нибудь другое придумает.

Потом пошёл в спальню, сел на стул и грустно глядел на сейф в стене над кроватью. Вот где их полно. Клёво папахен придумал, делает свою сучку и на него смотрит, красота! Вот бы ему так! Как бы до этих «бабок» добраться? Придумал сразу – очень даже просто. Видел недавно по «ящичку» кинушку, так там один хмырь на пластилине слепки с ключей сделал, а потом к слесарю побёг, и порядок.

Пластилин и у него есть, как отец снимет пиджак и уйдёт к старухе в кухню чай пить, тут только не зевай. Цыган запросто найдёт, где по такому слепку ключи сделать, и станет он сейф открывать и «бабки» при-

хватывать. Не жизнь начнётся, а малина!

Стукнула входная дверь, старуха вернулась. Эдька мигом вскочил со стула, размечтался, как лох ушастый. Всё это фигня, сейчас-то как быть? Что цыгану нести? Догадался – скорее к серванту, вытащил с дальней полки бутылку дорогого коньяка.

6

В тот трижды проклятый день я, как всегда, пришёл в школу в прекрасном настроении. Сегодня будет интересный урок. Япония – замечательная страна. Уже видел, как включу лампочки на глобусе, как ребята будут глядеть на них и слушать меня.

Но в вестибюле встретил директор, какой-то растрёпанный, бледный. И как топором по голове:

– У нас ЧП! Школу обокрали, исчез ваш глобус!

В глазах потемнело. Глобус! Голова закружилась, сердце рванулось и понеслось вскачь...

– Уже вызвали милицию, сейчас приедут. Его обязательно найдут.

Я пошатнулся, едва не упал, оперся о стенку.

– Идите домой, уроки заменим.

Молча побежал в кабинет. На четвертый этаж взлетел одним махом, не обращая внимания на боль в сердце. Распахнул дверь – ребята сидели за партами, было непривычно тихо. На шкафу, где еще вчера стоял глобус, теперь пусто.

Ходил по улицам, не видел и не слышал ничего. Мой глобус украли! Зачем, зачем принес его в школу, лучше держал бы дома, был бы цел...

Ненавидел этот город, бесконечное стадо машин на дорогах, огромные воняющие автобусы, толчея на тротуарах, уехать бы отсюда куда-нибудь.

Сам не заметил, как забрел на вокзал. В пустом зале ожидания сел на самую дальнюю скамейку в углу, закрыл глаза. Пробыл там, не знаю сколько – может час, а может, и полдня. Не спал, не дремал, просто... сидел и не думал ни о чём, словно выключили меня из жизни.

Очнулся, кто-то толкнул в бок. Открыл глаза, рядом малоприятный тип: лицо красное, глаза опухшие, разит перегаром. Но не бомж-бродяга, одет более-менее прилично.

– Слышь, мужик, – зашептан он, – купи пистолет...

Я не понял – какой пистолет?

– Недорого, «бабки» нужны позарез, на билет до дома не хватает.

– Не надо, – ответил тоже негромко.

– Купи, не пожалеешь, всегда пригодится в наше время, мало ли что.

Сам брал за тридцать тебе уступлю за десять.

Вспомнил, у меня в кармане только пять тысяч, сам не знаю почему, сказал:

– У меня пять...

– Ладно, бери, пользуйся моей добротой, – вытащил из кармана грязноватую тряпку, оглянулся – никто близко не сидел – развернул, тускло блеснул металл. Пистолет был красивым, не очень большим, каким-то солидным, внушал доверие. Точно такие же я видел когда-то в кино.

Словно под гипнозом отдал деньги, он сунул сверток мне в руку и сразу исчез, как испарился, словно и не было его вовсе. Только тяжесть оттягивала карман.

Я снова закрыл глаза, что же делать? Попал в какую-то яму, и не выбраться из нее. Глобус украли, с Викой поссорился, квартиру банк у меня

отберет, ведь сынку Пупышова я «пятёрку» не поставлю никогда, и он мне этого не простит.

Недалеко загудел тепловоз, громко, протяжно. Надо уехать, уехать отсюда куда-нибудь далеко...

7

Павел Павлович сидел в своем любимом кресле, отдыхал.

Настроение было чудесным, спал хорошо, только что позавтракал: тарелка овсяной каши на воде без соли и две чашки зелёного чая. Противно, конечно, но ведь здоровье надо беречь.

Дела тоже шли неплохо. В городской администрации удалось договориться – землю оставили за ним, гад Сергеев утерся, понятно, кое-кто ему помог за конвертик. Теперь надо мэра убедить все-таки не строить рядом автостоянку, большой жилой комплекс – украшение города. Трудно, но возможно. А коли возможно, будем делать.

Вдруг услышал, что по коридору кто-то пробежал. Насторожился – небывалое дело! Дверь распахнулась, Эдька с порога закричал:

– Пташка повесился!

Пупышов удивлённо смотрел на сына, сразу не понял о чем речь, кто такой?

– Пташка повесился, – повторил тот уже без крика, обычным голосом.

– Что ты несешь? Откуда взял? – недовольно спросил Павел Павлович, только этого ему и не хватало для полноты счастья, вечно случается какая-то хрень.

– Ант и Фек пришли, типа сказали...

– Фек? Какая еще Фек? Анта твоего знаю, а она кто?

– Как кто? – удивился Эдька. – Как бы тёлка Анта.

– Гони их сюда!

Сын выскочил из комнаты, Пупышов нахмурился. Новое дело – поп с гармошкой! Чудик географ повесился... А ведь в его банке кредит взял, и немаленький.

Вошли Эдька, Ант и какая-то толстая девка, видел ее в первый раз. Парни замерли у двери, а она рванула вперед и затараторила как из пулемета:

– Повесился! Точно повесился! Я его знаю, какой-то шизоватый. Сразу подумала об этом!

– Не базарь! – оборвал Пупышов. – Говори толком!

– Я и говорю, повесился! Дома нету второй день! Соседи не видели...

– Молчи! Говорите вы! – махнул рукой парням у двери. Девка затихла, смотрела вокруг выпученными глазами, губы шевелились.

– На урок сегодня не пришел, – начал Ант. – В школе типа менты шуруют, обалдеть! Всех пытаются, кто и когда его видел.

– Га-га-га! – засмеялся Эдька. – Жалко, меня не было, я бы им типа выдал, гуляйте, парни, мимо, ничё не знаю!

– Я! Я все скажу! – Фек словно очнулась. – Дома нету, соседи не говорят...

У Пупышова терпение лопнуло, закричал на нее:

– Заткнись, дура! Мать твою! Ничего не знаешь, а шорох навела! Может, он запил!

– Точняк! – обрадовался Эдька. – Запил с горя. Глобус у него любимый сперли! Как бы приделали ноги! Трясса над ним, в руки нам не давал.

– Я ведь тогда тебе говорил, что не надо, – начал было Ант. Пупышов сразу насторожился, но тут вбежала жена, необычно взволнованная, лицо покраснело. Все уже узнала от Анны Петровны.

– Какое несчастье! Неужели правда?
Пупышов удивленно глянул на нее. Почему вдруг такое расстройство?
– Чёрт их поймет, толком ничего не знают. Одна болтовня пустая.
Если правда, то жалко.
– Жалко? Тебе его жалко?
– Чудик безобидный, смешной был, все мне морали читал – воспитывал. Добрым быть велел. Вот эти добрые у него глобус любимый и увели...
– Глобус украли?! Не может быть! – ахнула она.
– Га-га-га! – засмеялся Эдька. – Приделали ножки, побежал по дорожке!
– Может всё это и брехня, – продолжал Пупышов – Может, тяпнул бутылку и спит на вокзале на лавке.
– Надо ехать, искать его! – Виктория Семёновна повернулась к парням. – Эдуард! Антон! Поезжайте!
Эдька скорее отступил назад, к двери.
– Еще че! Пусть менты ищут, они типа за это «бабки» гребут.
– Не могём, – добавил Ант. – У нас дела. Хотим, но не могём.
Тут и Фек влезла, надоело молчать.
– Сам найдется! А мы ещё седня пивко не пили!
Виктория Семёновна смотрела на них с горечью, они же его ученики, и Эдька, и Антон. Как же так?
– Какие вы стали равнодушные, безжалостные... Тогда я сама поеду!
– повернулась и вышла.

Пупышов и слова сказать не успел, глядел на закрывшуюся за женой дверь. Что за бардак! Зачем она поедет искать этого долбаного учителя?
– Мы тоже пошли, – обрадовался Эдька, и вся троица потянулась к выходу.
– Вы уходите, – приказал Пупышов. – А ты, Эдька, вернись!
– Ну че еще? – тот остановился. – Сказал ведь, никуда не еду. Конкретно!
Ант сразу скрылся за дверью, Фек рот открыла:
– Ты тут недолго, там тебя типа Клепка ждёт, и цыган тоже...
– Пошла вон! – крикнул Пупышов, и девка исчезла.

8

– Чё те надо? – спросил Эдька недовольно, смотрел куда-то вбок.
– Как ты с отцом разговариваешь? Сядь!
– А чё? Типа нормально. Зачем?
– Сядь, тебе говорю! – он толкнул сына в кресло, сам устроился в другом. – Значит, глобус у Пташки увели?
– Приделали типа ножки! Клево побежал!
– Очень интересно. А кто?
– Почём я знаю. Как бы кто-то.
– Не знаешь... А о чем тебе тогда Ант говорил?
– Ничё он мне не говорил, – Эдька замотал головой. – Просто так болтанул.

Пупышов не сдержался, крикнул:
– Врёшь! По глазам вижу – врёшь!
– Ниче не знаю, отстань типа от меня! – Эдька попытался сбежать, вскочил с кресла.
– Сидеть! – Пупышов толкнул сына обратно. – Говори, дело серьезное, игрушки кончились. Глобус этот твоих рук дело?
– В гробу я его типа видел! Че от меня как бы надо?
– Отвечай живо!

– Ладно, – нехотя выдавил из себя Эдька. – Мы с Антоном решили его как бы временно приватизировать... – и засмеялся. – Га-га-га!

– Приватизатор хренов! Смешки строишь? Дальше!

– А че дальше? Ничё! На веревке из окна спустили, и все дела.

– Класс закрыт был, замок сломали?

– Ключ второй нашли. Мне бы Пташка «пятерку» вывалил, и отдали бы. На хрен он нужен! Пусть типа сам его крутит и балдеет!

Пупышов с грустью глядел на сына. Большой вырос, а дурак-дураком, ничего не понимает, какую кашу заварил и чем это может кончиться.

– Кто вас с ним видел?

– Никто, вроде бы.

– Вроде Володи, оказалось, что Кузьма. Дальше!

– Поволокли к Фек типа прятать, по пути Клепка нарисовалась.

– Что за девки?

– Тёлки как телки, в натуре!

– Зовут как по-нормальному?

– Откуда знаю, типа не спрашивал. Говорят, как бы учатся где-то, может, и врут, конкретно.

– Шлюхи, значит. Где он?

– Кто? – не понял Эдька.

Тут Пупышов не сдержался, закричал:

– Хрен в пальто! Глобус твой долбаный! Говори! Не крутись как карась на сковородке!

– Ну чё, типа значит... Сидим мы как бы на скамейке и доперли, ни хрена мне Пташка «пятерку» не вывалит. Зачем тогда этот глобус нужен? Таскаться с ним... И сменяли по-быстрому на пиво у какого-то лоха. И порядок! Не хрен оттопыриваться! Типа ничё и не было!

Пупышов усмехнулся, скривился зло.

– И много пива взяли?

– Обули лоха по полной программе, конкретно! Целую коробку! Сначала только пять бутылок давал, а мы наперли...

– Глобус заводной, два обруча на нем? – перебил Пупышов.

Эдька удивился:

– Откуда типа знаешь?

– Дурак ты, дурак. Видел в антикварном магазине. Уникум! Ему цена – тысяча коробок! Этот чудик Пташка там его купил на деньги для операции.

– Вот так лопухнулись! – Эдька даже рот открыл. – Тыща коробок! Сколько «бабла» могли срубить. Это всё засранка Фек – пиво ей приспичило пить, зафестивалила нас.

Пупышов встал, поднес к носу сына кулак.

– Теперь слушай меня внимательно. В такое дерьмо ты вляпался, представить не можешь. Глобус дорогуций, менты станут землю рыть и на вас выйдут.

Эдька вскочил.

– Хрен им в зубы! Не выйдут! Мы перчатки надели как в «ящике»! Нету там наших отпечатков пальцев. Конкретно!

– Хоть на это ума хватило, и то ладно. Девки тебя сдадут за пять минут, загремишь на нары под фанфары.

– Я этих сучек задавлю! – перебил Эдька. На него снова накатила злоба, сдавило горло. Чё он мне лекции типа читает? Там внизу цыган ждет, надо скорее уколоться, а не торчать как бы тут.

А Пупышов продолжал сердито:

– В кого ты такой дурак? В мать что ли? Тоже с придурью была.

– Ты маму не трожь! – Эдьку уже всего трясло. – Не трожь, понял? И кончай, мне идти надо!

– Значит так. Заруби себе на носу и другому засранцу скажи: будут вас менты пытать, запирайтесь глухо, знать ничего не знаем. И главное, про девок тех молчок. Ясно?

– Усёк! – Эдька бегом выскочил из комнаты. Пупышов вздохнул, совсем сопляк распустился. Достал из кармана мобильник, набрал номер жены, никто не ответил. Где же она?

9

Бросил телефон на столик, тут в комнату осторожно вошла Анна Петровна. Уже давно выжидала подходящий момент, чтобы открыть глаза зятю. И вот он вроде наступил.

– Пал Палыч, я тебе хочу сказать...

Пупышов недовольно смотрел на старуху, вечно не вовремя с какой-нибудь ерундой. Тяжело опустился в кресло.

– Поставь-ка коньяк.

Анна Петровна нашла бутылку, налила рюмку и вдруг с обидой подумала: «вторую достать для меня не велел».

Он медленно выпил, взглянул устало, не ушла ещё? А пора бы.

Анна Петровна сесть не решилась, стояла, ждала, когда поставит рюмку, потом спросила негромко:

– Чё, слушать-то станешь? Извини, расстрою...

– Говори, – всё надоело, какой-то день шепутной, да ещё она с пустяками.

Но оказалось, что вовсе не пустяки. Пупышов с удивлением и всё нарастающей злобой слушал её, слушал и не мог поверить – его нагло обокрали!

Этот нищий придурок сантехник-учитель уже давно спит с его женой!

– Ах ты сволочь! – заорал во весь голос, схватил бутылку, взмахнул, чтобы ударить-разбить о край стола, но опомнился, осторожно поставил – коньячок-то французский! – что же теперь делать?

Хоть и не нужна ему эта баба вовсе, но ведь была его собственной женой и никому отдавать её не собирался. Вот когда сам выгонит с позором, тогда подбирайте шлюху кому надо. Зло глянул на испуганную, но довольную старуху.

– Не врешь? Смотри у меня, – хотя уже понял, всё правда, всё так и есть.

– Вот-те крест! – Анна Петровна быстро перекрестилась.

– Ладно, иди, я с ней разберусь, когда приедет. Звони всё время, пусть возвращается немедленно.

Старуха поджала губы, сказала ехидно:

– Чё звонить-то, уже приехала. И хахаля того привезла, нашла на вокзале.

Пупышов даже не поверил своим ушам.

– Что?! Привезла сюда?

– Обедом тут нацелилась кормить...

– Обедом? У меня в доме? Его? Обедом? – первой реакцией Пупышова было желание вскочить, на кухне сунуть вора мордой в тарелку, потом схватить за шиворот, вытащить на площадку и сбросить с лестницы. Сделать это можно было просто, но... Но зачем? Будет крик, шум на радость соседям. Зачем устраивать для них такой спектакль, да еще охранники внизу сразу прибегут.

Снова налил коньяку, процедил медленно рюмку, старался успокоиться.

– Ты вот что... Скажи ему, пусть катится отсюда!

Анна Петровна засеменила было к дверям, он её вдруг остановил.

– погоди! – сунул руку в карман, достал горсть монет. – Отдай, я так нищим подаю, милостыня ему на пропитание!

Она взяла деньги, но не ушла, стояла, ждала главное.

– А эту, – продолжал негромко, – эту немного погодя пошли ко мне.

Старуха выскочила из комнаты. Пупышов не спеша подошёл к окошку, стоял, смотрел на меняющуюся погоду: северный ветер уже быстро принёс чёрные облака, всё потемнело, скоро пойдёт дождь.

10

Я сидел на кухне в квартире Пупышова. Вика поставила передо мной на стол хлебницу, тарелку с ложкой. На плите разогревались кастрюля с супом, большая сковородка. Пахло очень вкусно, а я утром только выпил стакан чая, очень крепкого, но есть совсем не хотелось, какая тут еда.

Не понимал, зачем я здесь? Зачем послушался ее и приехал сюда?

Она нашла меня на вокзале в том же полупустом зале ожидания, села рядом, взяла руку, крепко сжала. На душе сразу посветлело, я ей нужен...

Только собрался встать, чтобы уйти из этого дома, появилась Анна Петровна, глянула зло, положила на стол кучку белых и жёлтых монеток, сказала громко, даже радостно:

– Бери и иди есть в другое место. Вот – хозяин тебе милостыню велел подать.

Сначала даже не понял, что за хозяин? Потом дошло, конечно же, Пупышов, сам Пал Палыч копеечки эти пожертвовал мне от своих щедрот.

Вскочил, сжал мелочь в кулаке, быстро вышел. Старуха рот открыла, но сказать ничего не успела, распахнул дверь в гостиную. Он сидел на своём кресле-троне, кинул монетки ему в лицо.

– Деньги твои не нужны! – не попал, конечно, а жаль.

Пупышов заорал во всё горло:

– Пошёл вон отсюда! Сдохни, никто плакать не станет! Живи на вокзале, квартиру отберу!

Мне надо было давно уйти, зачем связываться с хамом. Но стоял и смотрел на него, он продолжал кричать. Слышал, но не понимал ни слова, просто отскакивали от меня, как мячики. Всё сильнее и сильнее давило сердце и кружилась голова, надо срочно нитроглицерин под язык...

Опустил руку в карман за лекарством и наткнулся на свёрток. Что это? Развернул – пистолет! Совсем забыл про него, а он сам лёг мне в ладонь.

Как Пупышов испугался! Сразу вскочил, спрятался за спинку кресла. Если бы сидел там тихо, ничего бы и не случилось.

Сунул бы я пистолет обратно, плюнул и ушёл.

Но нет, он снова заорал:

– Ты что, с ума сошёл? Или пьяный? – выскочил из-за кресла и кинулся на меня. Вид у него был страшный: лицо красное, глаза выпученные, волосы взлохмачены, руки вытянул, еще минута – и вцепится в горло.

Тут я мгновенно вспомнил всё: синяки Вики, постоянное хамство, обман с квартирой. Вспомнил и автоматически – а может быть, и сознательно? – поднял руку с пистолетом и выстрелил. Нет, выстрела не было, только негромкий хлопок, словно ребёнок стукнул ладошками.

Пупышов ударил меня, я упал, он вырвал пистолет и начал стрелять почти в упор, прямо в грудь. Сжался, закрыл руками сердце, но выстрелов снова не прозвучало, такие же хлопки. Дальше всё видел как в тумане.

Вбежала Вика, схватила его за руку, он её оттолкнул, потом бросил пистолет на пол и заорал:

– Ах ты, твою мать! Это же игрушка! Пугач детский! Он на мои деньги его купил, чтобы меня же убить. Конечно, ему грошовую игрушку всучили. Придурок и есть придурок!

Вика закрыла лицо руками и выскочила из комнаты, я с трудом встал, мало что понимая. Сразу откуда-то появилась Анна Петровна, схватила меня.

– Пойдём, пойдём, злыдень, откель ты свалился на нашу голову.

Спустила на лифте, довела до двери и вытолкнула на улицу. Постоял немного на крыльце, подышал свежим воздухом и побрёл к автобусной остановке.

11

Пупышов сел в кресло, руки дрожали, сердце колотилось, хоть «скорую» вызывай. Ну и комедия вышла, нарочно не придумаешь. Махнул подряд две рюмки коньяка, вроде немного успокоился. Вернулась старуха, засуетилась, запричитала:

– Чё сотворил, окаянный! Пистоль притащил! Ушёл тихо, слава те господи! Уму несообразимо! А ты тоже хорош, на кой черт пулял в него? А если бы пистоль был настоящий? В тюрьму захотел?

Пупышов замычал, права старуха, ох и права.

– Верно говоришь, довел он меня своей болтовней, да еще и ствол вынул... Ты вот что, ну ее на хрен эту овсянку, пусть лошади жрут. Соорудика мне яишню с салом, штук пять разбей. Приду и водочки с тобой выпьем.

– Это я мигом, – Анна Петровна побежала к двери, он крикнул ей вслед:

– Пошли ко мне эту...

– Если не ушла за ним, – старуха обернулась. – Вроде бы одевалась.

Пупышов скорее выскочил в прихожую, и верно, жена уже стояла у двери.

– Ты куда это намылилась? – спросил тихо. Она молчала, смотрела на пол. Подошёл поближе, закричал, брызгая слюной, прямо в лицо:

– За ним собралась, хвост задрала! Забыла, я тебя нищей взял, кормлю, одеваю, машину купил, а ты? Таскаешься по мужикам, меня позоришь!

– Что... Что такое? – прошептала еле слышно, а сердце замерло, неужели узнал? И ещё больше разозлила мужа.

– Шлюха подзаборная! К засранцу учителю-сантехнику бегала домой, видели тебя там!

– Неправда... – выдохнула тихо, но уже поняла: всё пропало, старуха выследила.

Тут он схватил её за платье на груди, дёрнул и порвал, толкнул так, что упала.

– Я тебе кляп забью между ног, – крикнул зло и ушёл.

Виктория Семёновна медленно встала, всхлипнула, сжала разорванное платье и скорее побежала в спальню. Повалилась там на кровать лицом в подушку и беззвучно заплакала. Жизнь в одночасье поломалась, что будет дальше?

Пупышов вернулся в гостиную злой до невозможности, руки снова затряслись, тяжело плюхнулся в кресло.

– Ну, мать твою, географ сраный! Я тебе покажу! Сейчас вызову ментов, попадёшь в «обезьянник».

Плюнул на пол, на ковёр. Можно, конечно, можно придурка туда сдать. Но не нужно, узнают в городе, засмеют: покушение на Пуп-банкира с игрушечным пистолетом. Лучше бы с настоящим пришёл, пристрелил бы его,

как бешеную собаку! Посидев тихо, выпил еще коньяка, снова малость успокоился. Надо заняться делами, тогда некогда будет думать о всяком дерьме.

А дел разных накопилось полно, ведь строил сразу несколько домов. Главное, быстрее закончить рыть котлован под жилой комплекс и начинать его гнать. Забить сваи, кинуть панели, и всё!

Вчера взял деньги в банке, сейчас поедет, раздаст работягам премии, веселее ишачить станут. Сам лично раздаст, как Дед Мороз подарки на новогоднем празднике. Вынул из портфеля пакет с деньгами, разорвал, разложил разноцветные пачки на столике. Семь штук. Большие тысячарублёвки, чуть поменьше пятисотки и сотки, полусотки не брал, лишняя морока с ними.

Вдруг вспомнил, как в детстве играл с кубиками, и начал строить домик. Но не получилось, стенки ещё стояли, а как положил крышу, большую пачку поперёк, всё и развалилось. Потом собрал их столбиком, он качался, едва не падал.

– Что же ты такой, – сказал с досадой и щёлкнул по нему пальцем, тот сразу рассыпался. Тогда сложил пирамидку: пачки побольше вниз, остальные сверху. Вот она-то и стояла прочно, не шевелилась. Взял несколько пачек и любовался ими, разорвал тысячарублёвую, купюры разложил веером на столике – какие они красивые!

И пахли замечательно, совсем по-особому, какой-то денежной краской. Даже закрыл глаза и нюхал, нюхал... Еще долго глядел на деньги, его радость, его сила и власть.

Потом собрал купюры, аккуратно сложил и сунул в пленку, положил рядом с другими пачками. Вдруг вспомнил о жене – надо с ней срочно разобраться, выгонит на хрен, пусть идёт в общагу или куда хочет. Быстро разведётся и найдёт себе помоложе да покрасивее, вон сколько отличных девок вокруг ходит, ни одна не откажется, на всё согласные. А жениться ему вовсе и не обязательно...

12

Эдька выскочил из дома как ошпаренный, замаял папахен своей болтовней. Скорее, скорее к цыгану, ждёт внизу с «дурью». Но его уже не было, ушёл, Ант с Фек тоже слиняли.

А вот Клепка тут как тут, выползла навстречу. Опять сопли распустил, начнёт клянчить, чтобы взял для неё дозу. Надоела совсем!

– Пошла ты на хрен! – крикнул и пробежал на автобус, чтобы ехать к цыгану домой. Клепка смотрела ему вслед, слёзы навернулись на глаза, «дури» не будет, надо тащиться на вокзал. Ноги вдруг подкосились, сначала медленно опустилась на газон, потом повалилась на уже пожелтевшую траву.

Цыган ждал Эдьку, встретил, как всегда, с широкой улыбкой...

– Здравствуй, дорогой, знал, что придёшь.

– Вот, держи, коньяк французский, десять штук стоит, давай кольнёмся скорее, – Эдька вынул из кармана бутылку, которую стащил из серванта.

Цыган сразу цепко схватил её, сунул куда-то за спину.

– Ты «бабки» неси, понял? Пора долг отдать, тогда и кольнёмся. Сто штук за тобой, не забыл?

– Папахен сегодня железно обещал, сразу привезу, – Эдька врал и не запинаясь, отцу о деньгах и не заикался, главное сейчас – задурить торговцу мозги и получить дозу.

Цыган не первый раз имел дело с такими должниками, знал, как надо с ними разговаривать. Смотрел на него спокойно-равнодушно.

– Привезешь, куда ты денешься, или... – сунул руку в карман, и в полутемной комнате блеснуло узкое лезвие ножа.

– Чё ты?! – Эдька ужасно перепугался, ведь был трусоват, хотел отско-
чить, но его крепко схватили за плечо, и нож был уже возле самого лица.

– Нос отрежу, не жалко? Будешь ходить без соплюшника, все девки
сбегут.

Холодная сталь прижалась к щеке. Эдька замер, слова сказать не мог
от страха, понимал, это не шутка.

Цыган оттолкнул его, снова заулыбался:

– Вот так, дорогой. Сегодня же «бабки» неси, хотя бы половину. Иначе
найду тебя, под землей достану. Принесешь, получишь все, что хочешь,
а иначе... – он махнул ножом перед лицом сопляка.

...Эдька не стал ждать лифта, проскочил мимо охранника – «сюки», рас-
пахнул дверь. Папахен сидел в кресле, а рядом, на журнальном столике...

На столике лежали «бабки»! Разноцветные пачки!

Пупышов удивленно взглянул на сына, таким его никогда не видел:
лицо горит, дышит тяжело, крикнул с порога:

– Мне «бабки» надо! Давай скорее!

– Что за пожар? Откуда ты прибежал?

– Долг срочно отдать!

– Какой долг? В казино играл?

– Пятьдесят «штук»! Быстрее!

– Пятьдесят тысяч? – Пупышов покачал головой. – Что-то многовато.

Надо разобраться, какие-такие у тебя долги.

Эдька снова закричал, злобно и отчаянно:

– Пока ты разберёшься, меня прирежут!

– Убирайся, не мешай, никаких денег не дам, – рассердился отец

И тут Эдька с ужасом понял, дело плохо, «бабки» не светят, значит,
«дури» не будет, а цыган с ножом ждёт. Он увидел на полу возле своих
ног пистолет, схватил, направил на отца.

– Давай, а то....

– Пошёл вон! Я сказал нет! – тоже закричал Пупышов.

Не думая ни о чём, кроме лежащих совсем рядом денег, Эдька нажал
на курок, тихо хлопнуло.

Отец смотрел на него удивлённо и грустно.

– Дурак ты, дурак! В отца родного, а меня даже пули не берут!

Эдька уже не помнил себя, не отдавал отчёта в своих действиях, знал
только одно: не будет «бабок», цыган не сделает укол.

Отец что-то говорил, потом засмеялся, и он кинулся к нему, изо всех
сил ударил пистолетом по голове. Пупышов поднял руку, защищаясь,
попытался встать, сын бил его снова и снова...

13

Виктория Семеновна кидала в большую сумку что попало – белье,
тапочки, платя. Из шкафчика туалетного столика выхватила паспорт,
какие-то деньги. Бежать! Бежать отсюда скорее! К Петру или куда угодно!
Из коробочки вынула золотую цепочку, колечки, серёжки, мужа подарки,
хотела бросить на пол, пусть подавится. Но передумала, заработала их,
отправила тоже в сумку. И вдруг...

Вдруг услышала в гостиной какой-то шум, крик, подбежала к двери,
приоткрыла и замерла. Пупышов сидел в кресле, рядом стоял Эдька, что-
то кричал громко и зло. Потом взмахнул рукой, в ней увидела тот самый
чёрный пистолет, не настоящий, но тяжёлый, и ударил его по голове.

Смотрела в каком-то оцепенении, ничего не понимала: подонок-пасынок почему-то бьёт своего отца. Как же ненавидела их обоих, зашептала громко:

– Бей... Бей сильнее...

Потом – совсем не сразу – медленно открыла дверь, осторожно вошла в комнату. Не успела слова сказать, как Эдька бросил пистолет, схватил что-то со стола и исчез.

Было страшно, но всё же, сжав зубы, медленно и осторожно подошла к мужу. Он тихо стонал, волосы на голове в крови, тонкая красная струйка бежала по щеке...

Увидела рядом на полу пистолет, наклонилась, чтобы поднять, ударить. Взглянула на мужа, он, не мигая, смотрел на неё. И тут чернота захлестнула, задушила. Всё вокруг потемнело, повалилась без сознания...

Обморок был коротким, скоро очнулась, кое-как встала. Пупышов всё так же сидел с широко открытыми глазами. Покачнулась, чуть снова не упала. Вдруг увидела на столике пачки денег; протянула к ним руку, а на ней... На ней кровь!

Со всех ног понеслась назад в спальню. В соседней туалетной комнате долго и тщательно мыла руки, обильно помочилась, снова вымыла руки и опять спустила воду в унитазе. И уже почти спокойно ушла в спальню, вытащила из сумки телефон и вызвала «скорую».

Вернулась в гостиную, муж неподвижно сидел в кресле, только глаза уже были закрыты и кровь текла сильнее, залила шею и грудь. Смотрела на него испуганно, ещё не до конца осознав, что случилось, и вдруг поняла: если перед обмороком всё же подняла пистолет и ударила, то могла убить... Она, а не Эдька!

Сразу опять сильно закружилась голова, всё вокруг поехало, и Виктория Семёновна бессильно опустилась на пол.

14

Эдька пулей выскочил из комнаты, правая рука в крови, держал в ней «бабки». Был смертельно перепуган, посмел ударить отца! Тот этого не простит, только если баб Ань заступится.

Анна Петровна караулила в коридоре, как глянула на окровавленную руку, сразу поняла – дело плохо.

– Господи! Чё ты натворил, ирод! – и потащила дурака-внука в ванную, отмыла от крови, протерла тряпкой пачки денег, сунула было в карман фартука.

– Отдай! – Эдька выхватил «бабки» и кинулся к выходу, скорее, скорее к цыгану.

– Погодь! – крикнула вслед, но его и след простыл, только хлопнула дверь.

Побежала скорее в гостиную и замерла на пороге: Пал Палыч неподвижно сидел в кресле, вид у него был совсем плохой.

– Господи! Беда-то какая, – всхлипнула и перекрестилась. Хотела подойти поближе, глянуть, жив ли? Но уже сердцем чуяла – покойник! Наворотил делов любимый внучек, не расхлебать. Заметила на столике пачки денег, поняла, всё из-за них, проклятых. Хотела прибрать, пока не пропали, но не решилась даже подойти. А эта, из-за неё вся каша заварилась, тоже тут.

На полу у стенки расселась, глаза слепила, радуется поди.

В прихожей звякнул звонок домофона, побежала туда, вдруг Эдичка вернулся. Но это был охранник снизу.

– «Скорая» к вам, поднимаются уже.

Повесила трубку и вспомнила про деньги, ведь лежат без присмотра, сопрут за милую душу, та же «скорая» цапнет. И быстро засемила в комнату, не глядя на покойника, схватила с журнального столика все четыре пачки, сунула в карман фартука...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

Виктория Семёновна сидела неподвижно на полу, привалившись спиной к стене, надо бы встать, но сил не было. Глаза закрыла, не могла видеть окровавленную голову мужа. Случившееся казалось ей страшным ночным кошмаром, очередным триллером-ужасником по «ящику». Сейчас проснётся или нажмёт кнопку на пульте телевизора, и всё сразу исчезнет, станет, как прежде, жизнь привычной и надёжной.

Не хотела вспоминать о Пупышове плохо, старалась думать только о хорошем. Как ласков он был сначала, купил ей сразу дорогущую норковую шубу до пят, ходила и подметала тротуары, с гордостью ловила завистливые взгляды. Потом машину, маленькую, но свою и очень удобную, разные золотые и серебряные бирюльки. Даже колечко с голубым камешком, сказал, что бриллиант.

Всё это было, было, но давно и быстро, очень быстро, кончилось, словно улетело куда-то. Так ветер сдувает осенью сухие жёлтые листья с печальных берёзок, и те сразу за один день становятся чёрными, а не золотыми.

В комнату вошёл врач «скорой», за ним медсестра, что-то говорили, не поняла ни слова. Потом появилась милиция. Пожилой мужчина в штатском и женщина помоложе в форме начали расспрашивать. Отвечала им сбивчиво, тихо, теряя слова, рассказала, как Эдька бил отца по голове, обо всём другом умолчала.

– Вам надо отдохнуть, полежите, даже усните, потом ещё встретимся, – женщина-офицер отвела её в спальню. Там Виктория Семёновна задернула шторы на окнах, выпила две таблетки снотворного и провалилась в темноту.

И сразу снова увидела всё...

– Шлюха! – муж ударил и ушёл, побежала за ним, злоба сдавила горло. Он сидел в кресле, глаза горели красным огнём, как у вампиров в кино. Сейчас встанет, укусит, высосет кровь... Подняла с пола пистолет, ударила по голове, вскрикнул, красные глаза потихоньку тускнели, а потом и погасли. Правая рука вся была в крови, схватила полотенце и начала вытирать. Вдруг увидела – рядом с отцом стоит Эдька.

– Убийца! – заорал подонок дико и кинулся на неё, схватил за горло, задушил, и она провалилась в черноту...

Проснулась, было темно и душно, лежала и не понимала, где она, что с ней. Потом вспомнила всё, лучше бы совсем не просыпаться.

Стало страшно, кто-то стоял там, за шторами, это Эдька. Сейчас выскочит, тоже с красными глазами, ударит по голове, убьёт...

2

Когда сотрудники милиции начали расспрашивать Анну Петровну, та сразу напрочь отперлась от всего:

– Ничё не знаю, не ведаю, и не пытайте вы меня. В кухне была, обед готовила, яшню жарила, вон стоит. Не слыхала и не видала, кто кого там поубивал. А вот про этого учителя-сантехника всё знаю, всё скажу. Это он пистоль проклятый притащил... – и подробно рассказала историю

появления Воробьёва в доме. Нехотя призналась – пришлось всё-таки, – что видела пистолет только в руках Пупышова. И всё равно твердила своё:

– Ищите этого чудика полоумного, он давно замыслил Пашеньку убить. Он, он в него стрельнул, а потом и по голове...

Женщина-офицер перебила:

– Позвольте, как же так? Вы сами увели Воробьёва из квартиры, когда Пупышов был жив.

Анна Петровна исподлобья глянула на неё:

– А может, он вернулся. Ищите его, он во всём виноватый.

– Конечно, найдём и допросим, – устало сказала та. Уже было известно из показаний охранника, что Воробьёв не возвращался.

Потом мужик в штатском, солидный такой, как бы между прочим, спросил негромко о главном, этого вопроса она ждала и боялась.

– А где же сейчас ваш внук?

– Эдька, чё ли? – прикинулась, что не поняла.

– У вас ещё есть внуки?

– Нету, один. Дубина вымахал, а дурак дураком. Его все обижают, воду на нём возят, а он молчит...

– Так где находится ваш единственный внук?

– А я почём знаю? С утра усвистал куда-то, вроде купаться на озёра, – врала им нагло, не отводя глаз.

– Покажите нам его паспорт, – снова влезла баба в форме, и чего ей неймётся.

– Нету! – даже обрадовалась Анна Петровна. – Посеял где-то, разгильдяй. Ждёт, может два вырастет.

На том их разговоры и кончились. Набежало милицейских полно, чё-то делали там, она из своей комнаты и не выходила. Пуцай та шлюха с ними разбирается. Наконец, все исчезли и Пашеньку с собой увезли, тогда побежала в Эдькину комнату глянуть, вроде всё на месте. И той не видно, дрыхнет, поди.

А паспорт внучка – вот он, у неё в тайничке, в дальнем углу шкафа под коробками, давно прибрала его, чтобы разгильдяй и правда не потерял. Тут и фотографии: Эдька стоит во весь рост, смеётся и обнимает тех двух девок. Все голые, как мама родила, залюбовалась – красивый у неё внучок.

Сложила всё в пакет, спрятала в мешок с сахарным песком, вдруг менты снова заявятся с обыском, и немного успокоилась, достала из холодильника бутылку водки – ледяная! Налила полстакана, выпила и подняла крышку сковородки, там желтела большая яишня-глазунья. И тяжёло вздохнула.

– Эх, Пашка-Пашка... Так и не попробовал её...

Смахнула слезу, уселась поудобнее и за пять минут прибрала яишню до крошечки.

3

Я медленно брёл по улице. Недавно прошёл дождь, асфальт мокрый, везде стояли лужи. Старался обходить, но старые ботинки всё равно промокли.

Совершенно не знал, как быть, что делать дальше. Какая глупость, просто идиотизм взять тот дурацкий пистолет-игрушку.

Зачем? Ведь не хотел же стрелять в Пупышова. А может... Может, в подсознании была такая мысль?

Нет, конечно, нет. Скорее для себя – раз, и никаких больше проблем... Вдруг вспомнил о школе, об уроках, какие теперь уроки, после всего того, что случилось, оттуда надо уходить, а лучше вообще уехать из города.

Как узнают, что хотел убить мужа своей любовницы, на Вику станут пальцами показывать.

Задумался, и на перекрёстке пошёл прямо на красный свет. Большая чёрная машина проскочила прямо перед носом, чуть колёсами не по ботинкам. Шофёр молодец, дал газу, и всё обошлось. Если бы тормознул, шагнул бы прямо под неё.

Вдруг возникло желание снова пойти на вокзал, если Вика будет меня искать, то обязательно приедет туда. Глупость, конечно, сейчас ей не до этого, устал, сел на скамейку.

Рядом, возле луж на асфальте, стайка воробьёв – моих тёзок. Маленькие, худенькие, этого года рождения. Прыгают молча, не чирикают. Чего здесь ищут? Какой тут корм? Сказал им грустно:

– Ребята, ребята... Летите кормиться в другое место. Скоро холодная зима, готовьтесь.

Послушались меня, поднялись и улетели, все сразу.

Эх, кто-нибудь мне хоть что-то сказал бы...

Сидел, смотрел на мокрый асфальт, и вдруг мне стало жалко этого Пупышова с его непонятной для меня жадностью к деньгам. И Вику, запуталась, как муха в паутине, и наглого, избалованного Эдьку.

И даже тех двух распущенных девиц, которые тогда ко мне приходили. Что их ждёт? Ничего хорошего. Какой всё-таки жестокой, беспощадной стала жизнь.

Потом подумал: ты всех жалеешь, добренький какой. А тебя, дурачка, кто пожалеет? И сам себе ответил, сказал вслух:

– Никто!

И повторил ещё громче:

– Никто и никогда!

Сидевшая недалеко женщина оглянулась, я встал и быстро ушёл.

4

Эдька бежал со всех ног, торопился на свою тусовку. Чувствовал себя прекрасно: деньги отдал, укололся, цыган сразу подобрел, велел ещё приходить. Он даже и предположить не мог, что убил отца.

Ну ударил, ну виноват, больше не буду. Конечно, папахен поорёт, может стукнуть, на этот раз стерплю. Был уверен, старуха его уболтает, и ночевать сегодня не приду, пусть поищут, попереживают.

Гулял вдоль скамеек, какие-то незнакомые парни и девки сидели, чесали языки, играли на гитарах. На траве лежали парочки, девки на животе парней, так и он не раз устраивался.

Стало тошно, жара, пить хотелось до смерти. Эх, пивка бы...

Увидел, недалеко на лавке две девки пивко сосут, типа вроде студентки. Быстро подскочил, сел рядом, сказал тихо, вкрадчиво:

– Девочки, пиво пить вредно...

– Отвали, тебе, что ли, отдать? – засмеялась одна.

А вторая... Вторая пустила таким матерком, что только держись. Вот так студенточки нынче пошли! Тогда надо срочно поступать в институт!

Сидел, моргал, а первая подала ему бутылку:

– Ладно, пей, вижу, трубы горят...

Заржали обе и пошли.

Одним глотком допил всё, кинул тару за спину. Хорошо, но мало. Сел на скамейку, как любил, на спинку, глядел на проходящих девок, голоногих, в коротеньких юбках или почти без них. Шли не торопясь, будто себя, как товар, предлагая...

Наконец-то нашёл пацанов из своей тусовки, сидели на газоне, рвали струны у гитары и орали во весь голос чего-то. Были под хорошим кайфом, взял у них «колёса» и тоже забалдел, а потом незаметно уснул.

День потихоньку катился к концу, солнце присело к горизонту, всё вокруг стало сероватым, народу в скверике заметно убавилось.

Эдька открыл глаза, лежит на траве один, вся кодла слиняла, бросила его. Встал, потянулся, что дальше? И увидел: мимо идёт, стучит каблуками вроде бы знакомая девка. Юбка короткая, едва зад прикрывает, из кофточки титьки вылезают. Как-то сидели тут на лавке, обнимались-обжимались, потом мячик пинали. Как её звать, конечно, не знал, да и зачем.

Скорее подошёл к ней, заулыбался.

– Привет! Давно не виделись! – и как всегда со всеми девками, поцеловался-поздоровался.

Она ничуть не удивилась, значит, узнала-вспомнила, а, может, и нет, какая разница.

– Давай посидим, – потянул её к скамейке, затащил сразу на колени, прижал мягкие груди, молчала, только дышала-сопела... Оглянулся – кругом никого, спросил негромко:

– Типа идём, чё ли? – знал, что не откажется.

– Пошли, – девка согласилась сразу. Он быстро пробрался сквозь густые и какие-то твердые, колючие кусты, забором стоят вдоль дорожки, снял ветровку, бросил на траву. Девка без имени следом за ним, задрала юбку, легла на спину, он встал на колени, быстро расстегнул джинсы.

– Надевай! – девка сунула ему в руку пакетик с презервативом. – Без него не дам!

– Ты чё? Охренела? – кинул пакетик на землю, тогда она сразу перевернулась на живот. Злобно, изо всех сил, пнул её в бок и пошёл по газону к выходу.

Стало совсем темно, надо было искать место ночёвки. А чего искать? Вон они, дома, рядом стоят, начал проверять подъезды – всё глухо, паразиты домофонов наставили. Одна дверь всё-таки оказалась открытой, быстро спустился по лестнице в подвал. В тусклом свете маленькой лампочки увидел спящего в углу бомжа.

Эдька их ненавидел. Зимой он и ребята из школы брали палки и охотились по закоулкам за такими бродягами, караулили у колодцев теплотрасс. Ловили и били долго, с наслаждением, до остервенения. Не боялись, бомжи не сопротивлялись, только закрывали голову, тогда старались попасть по почкам. Убить до смерти не удавалось, в газетах не было сообщений, а может, просто не печатали.

Подошёл к куче камней, взял покрупнее и бросил. Метил в голову, чтобы убить, но угодил в плечо. Бомж – это оказалась баба, толстая и грязная, молча побежала к двери. Кинул вслед кирпич, снова промахнулся, попал не в голову, а в спину. Бомжиха ещё быстрее дёрнула, ладно, потом они с ребятами специально сюда придут, добьют её.

На старый матрас швырнул ветровку, лег, уже стал засыпать, и вдруг в его одурманенной наркотиками голове возникло видение: папахен отвалил спать и деньги оставил на столике. А эта сучка Вика пробралась втихаря в комнату и схватила все пачки. Точняк, у неё «бабки»! Завтра же утром отберёт.

5

Виктория Семёновна проснулась, с трудом открыла глаза. Темно, душно, ломит виски и затылок, вспомнила всё – лучше бы умереть...

Голова болела сильнее и сильнее, надо вставать, принять горячую ванну. Только поднялась, накинула халатик, как...

Как дверь распахнулась, и ворвался Эдька. Лицо красное, глаза злые, белые, таким она его никогда не видела, заорал с порога:

– Где мои «бабки»? Отдавай!

Совсем не испугалась подонка, так ненавидела, тоже крикнула:

– Пошёл вон! Чтоб ты сдох!

Он кинулся на неё, больно завернул руку за спину и бросил на пол. Халатик распахнулся, блеснули груди, живот... Эдька вдруг увидел прямо перед собой лежащую голую мачеху, в глазах сразу потемнело, навалился всей тяжестью тела.

Попыталась было оттолкнуть его, но поняла, что бесполезно, и перестала сопротивляться. Её охватило какое-то глубокое безразличие, только зажмурила глаза, молчала, терпела... Чёрная пучина затянула, проглотила, дыхание остановилось, руки ослабли...

Эдька вскочил, сам не ожидал такого от себя. Ошеломлённо глядел на лежащую на полу мачеху, торопливо застёгивал молнию на джинсах. Он же не хотел! Отдала бы «бабки» сразу, и ушёл бы. Сама, сама во всем виновата. Теперь бежать, бежать отсюда скорее, отец убьёт...

Виктория Семёновна кое-как села, с ненавистью смотрела на пасынка – его задушила бы сейчас, не задумываясь.

Вошла Анна Петровна и сразу завопила:

– Шлюха! Чё ноги растопырила, бесстыжая! Эдичку моего совращаешь! – схватила внука и утащила из комнаты.

– Я не хотел, – он остановился в коридоре. – Отдала бы «бабки» и все, типа ушёл бы...

– Молчи, идём отсель, – Анна Петровна снова схватила его за руку. – Дурень ты, дурень, чё натворил, сам не понял! – и закричала во весь голос. – Скорее, скорее едем на автовокзал.

– Я не хотел., – повторил Эдька чуть слышно.

– На неё наплевать, у шлюхи не убудет! А вот ты, – старуха замолчала: поняла, ещё не знает, что убил отца. – Я тебя спрячу в деревне у сестры, ни одна собака не найдёт. И не бойсь, всё будет путём.

6

– Господи, что же это такое, – прошептала Виктория Семёновна и медленно встала. Не могла поверить: её изнасиловал пасынок, а она поддалась, не сопротивлялась. Почему? Почему не задушила его?

– Ненавижу тебя, сучка похотливая! – закричала и побежала в ванную, там включила душ, направила сильную горячую струю воды себе между ног, выбрала из мочалок самую жёсткую, вылила на неё флакон шампуня и начала мыться. Ожесточённо, до боли, тёрла груди, живот, особенно ноги, хотела содрать испоганенную кожу.

Не забыла о главном, понеслась в спальню, там вытащила из шкапки пакетики специальных таблеток, чтобы не забеременеть при вот таких нежелательных, случайных контактах, и выпила сразу две. Принимала их и раньше, после «любви» мужа для полной уверенности, и при, так сказать, «разовых» встречах, были, были и такие, до выхода замуж и после тоже.

Вспомнила и вздохнула: да, она далеко не ангел с белыми крылышками, но ведь всё давно прошло, значит и не было ничего и никогда.

Можно, конечно, осуждать Викторю Семёновну, можно, но не нужно. Ведь мать природа создала мужчин и женщин с разными степенями сексуального потенциала и активности. А на природу обижаться нет смысла, бесполезно, что есть, то есть.

Немного успокоилась, взяла бумажку с номером телефона – оставила женщина-офицер, – нашла в сумке мобильник, набрала номер, сказала чуть слышно:

– Это жена убитого вчера Пупышова, меня просили позвонить...

– Говорите, слушаю вас внимательно, – сразу откликнулся спокойный мужской голос.

– Его сын, убийца, вместе с нянькой-старухой только что поехали на автовокзал, торопились в деревню... – ответа не дождалась, бросила трубку и бессильно опустилась на кровать. Ничего не хотелось, и жить тоже...

Так закончился самый чёрный день в жизни Вики-Викули, увы, он был не последним.

7

Прошли мимо охранника внизу тихо, не торопясь, велела Эдьке на него не смотреть, взгляд у внука сегодня был недобрый. На улице замахала руками, остановила первую встречную машину.

На автовокзал приехали как раз к отходу нужного автобуса. Сестра Анны Петровны жила в деревне, три часа езды, заброшенной, забытой, даже единственный магазинчик закрылся. Какие тут покупатели, всего пяток разваливающихся изб со стариками да старухами.

Была уверена: уж там-то внука никто не найдёт.

Сидели на лавочке, ждали, когда объявят посадку. Эдька угрюмо молчал, зря он на эту Вику напёр, не сдержался, теперь папахен его кончит. Одна надежда, она промолчит, ничё никому не скажет. Тогда всё о'кей! А бабеч оказалась первый сорт, отец не дурак.

Потом вдруг подумал: а может, деньги у старухи? Молчит, сволочь, типа зажилить хочет. Повернулся к ней, сказал громко и зло:

– Живо гони мои «бабки»!

Анна Петровна оглянулась, не слышал ли кто. Ответила шёпотом:

– Зачем тебе там? Потеряешь еще...

– Гони быстро! – сжал руку изо всех сил, так и есть: у неё.

– Ой, чё ты! Возьми! – Анна Петровна снова оглянулась, вроде никого близко нет. Достала из сумки завернутые в тряпицу две пачки, ещё две – в мешке с сахаром.

– Спрячь, никому не показывай. Я скоро приеду, увезу тебя в другой город, подальше отсюда. Вот ещё возьми, в столе нашла, – подала ему пакетик с таблетками.

Эдька первым делом проглотил их все разом, потом сунул деньги в карман, тут и посадку объявили. Старуха заторопилась, подтащила его к автобусу, как будто мест им не хватит. Уселся у окна, отрешённо смотрел на дорогу и ничего не видел. Анна Петровна была рядом, глядела на внука и думала, когда сказать о смерти отца, теперь или потом. Решила – потом, что-то подсказывало ей: внук не очень огорчится.

А за окном горело-жгло на ярком голубом небе жаркое солнце, пролетали-проносились светлые весёлые берёзки, тёмно-зелёные ёлки и сосны. Широкие, пёстрые от цветов, уютные полянки приглашали выйти из душного автобуса и отдохнуть, полежать на густой пахучей траве.

Машина автоинспекции с включённой мигалкой обогнала и подрезала автобус, шофёр резко затормозил, пассажиры качнулись, заохали, заругались. Эдька словно проснулся, испуганно оглянулся. Надо бежать, а куда? Некуда...

Двое – милиционер в форме и человек в штатском – вошли в автобус, быстро оглядели пассажиров и сразу увидели: вот они, старуха с высоким белобрысым подростком.

– Приехали! Станция вылезайка! – весело сказал человек в штатском и крепко взял Эдьку за плечо. Анна Петровна вскочила и закричала пронзительно, базарным голосом:

– Чё! Чё творите! Мы с внучком в гости едем!

Милиционер равнодушно поглядел на неё.

– Выходите, гражданка, по-хорошему, не выводить же вас силой. Там разберутся, с кем и куда вы направляетесь.

Оглянулась: может, сидящие пассажиры вступятся. Куда там! Все молчали, вытянув шеи, глядели на пойманных преступников.

Её усадили во вторую машину, Эдьку уже увезли на первой, и понеслись обратно в город. За всю дорогу милиционер рядом не произнёс ни слова, она тоже молчала. Там спрашивали о внуке: где был, что делал? Ничё не сказала, уходил куда-то с ночёвкой, вроде купаться, вернулся, и поехали в гости к сестре, давно собирались.

Пришла домой, разогрела обед и поела с аппетитом. О внуке думала спокойно, верила, скоро отпустят. Потом легла на кровать отдохнуть чуток и сразу уснула, громко захрапела.

8

Убийство Пупышова и арест Эдьки меня поразили, как гром среди ясного неба. Они одного поля ягоды, в одну дуду играли, чего же не поделили? Заметка в газете была коротенькой, без всяких подробностей, совершенно непонятно, что случилось.

Думал прежде всего о Викуле, как она там. Ведь такая трагедия не может обойти её стороной. Хоть и не любила Пупышова, но всё же... Убийство есть убийство.

Никак не связывал случившееся с тем ненастоящим пистолетом. Какое отношение имеет игрушка к Эдьке? Никакого. Но вот нашёл в почтовом ящике повестку – вызов в милицию и задумался, значит, есть какая-то связь. Там и узнал, хоть и немного, о том, что случилось.

Молодой симпатичный лейтенант-следователь моих лет всё писал-допрашивал: зачем купил на вокзале тот пистолет, точнее, предмет, похожий на него. С целью стрелять в Пупышова?

Ах если бы я знал. Ничего определённого сказать не смог. Почему взял проклятую игрушку? Не знаю, какое-то затмение нашло. Собирался ли убить Пупышова? Ненавидел – да, но убивать...

Стрелял ли в него? Как заманчиво было сразу отпереться, забить твёрдо – нет! Нет и всё! Но почему-то сказал, что не помню. Полез в карман за лекарством, вместо него достал пистолет, а дальше – всё как в тумане.

И тут опомнился, что же делаю? Сам себе яму рою! И уже громко – нет! Это Пупышов вырвал его и начал стрелять в меня.

Одним словом, запутался и бедного лейтенанта запутал. Он что-то писал-писал, потом дал мне прочитать протокол, я его подмахнул не глядя. Стало всё равно, хоть сразу сажайте в тюрьму, так тебе, дурачку, и надо.

И потянулись длинные, пустые дни. Слушал музыку, сидел на скамейке в скверике, думал о Вике. Хотел даже поехать к ней домой, но ведь старуха не пустит. Если бы был телефон, но его я так и не купил.

Очень ждал, что придёт сама, ей же проще, нет, не захотела. Ну и ладно, ну и пусть, как знает... Чтобы увидеть Вику, ходил на похороны Пупышова, прятался за памятниками. В чёрной одежде она показалась мне незнакомой и совсем чужой...

Убийство Пупышова было раскрыто быстро, практически сразу, как говорится, по горячим следам. Легко установили, что он собирался приехать на стройплощадку и лично раздать премии. И деньги в банке получил, семь пачек новеньких купюр разного достоинства, их номера известны.

Арестованный Эдька сознался во всём, две пачки у него были изъяты, как ни мыла их Анна Петровна, следы крови обнаружили без труда, кровь Пупышова. Потом подробно, чуть ли не с удовольствием, он рассказал о цыгане. При обыске у наркоторговца нашли ещё три пачки из той же партии.

Оставались две пачки, сыщики были уверены – они у Анны Петровны, но не исключали возможность, что у Виктории Семёновны. Всё может быть. Версия о причастности вдовы к убийству рассматривалась серьёзно, уж очень большое наследство она получала.

И за меньшие деньги жены убивали своих мужей. У оперативников были ордера на обыски не только старухи-няньки, но и Виктории Семёновны.

Анна Петровна сидела и думала, как бы любимому внучку передачку организовать. И вдруг – звонок снизу, снова милиция заявила, те же мужик в штатском и баба-офицер в форме. Встретила их неприветливо, с опаской.

– Чё вам опять надо? Вроде всё вызнали.

Мужик в штатском ответил жёстко:

– Нет, далеко не всё. На допросе ваш внук Эдуард Пупышов показал, что деньги со стола взял и передал вам, вы отмыли их от крови. Три пачки он сразу забрал и унёс, две нашли у него при аресте, где ещё две? Сами нам отдадите или идём за понятиями и начинаем обыск.

Анна Петровна молча смотрела на них, не знала, что и делать, никак не ожидала, что внучок её выдаст, сразу всё расскажет.

Тут баба-офицер голос подала:

– Поймите, вы пока проходите по делу об убийстве Пупышова как свидетель. Но если мы обнаружим у вас похищенные деньги, то можете стать соучастником преступления. А это уголовная ответственность, и немаленькая. Очень советую вам отдать их немедленно добровольно.

Эти страшные слова «убийство», «соучастие в преступлении», «уголовная ответственность» – век бы их не слышать! – поразили Анну Петровну насмерть, чуть голоса не лишилась от испуга, в тюрягу увезут запросто... С трудом сказала:

– Чёрт тогда меня попутал...

В кухне вытащила из мешка с сахаром эти две пачки, заодно и паспорт Эдьки, кинула на стол.

– Вот! Больше ничё у меня нету, ищите, сколь хотите.

Мужик в штатском целую пачку аккуратно положил в прозрачный пакет, разорванную взял в руку, пристально взглянул на Анну Петровну.

– Зачем вы упаковку разорвали?

Она даже перекрестилась.

– Такая и была, не трогала я её...

Врала, конечно, все бумажки пересчитала, одну в карман сунула, больше взять побоялась.

Оперативники ушли, искать больше нечего, все семь пачек денег изъяты, ордер на обыск у Виктории Семёновны не понадобился, ангел-хранитель тогда спас её, не дал взять испачканную в крови мужа пачку, иначе нашли бы при обыске, и ничем хорошим это для неё не кончилось...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

А у Виктории Семёновны дни неслись стремительно, один за другим, как быстро вертящаяся карусель. В далёком и прекрасном детстве стояла такая в их городском саду. На маленьких кабинках со скамейками впереди были деревянные головы зверей и птиц: собаки, кошки, медведи, голуби... Всегда садилась в кабинку с жёлтым цыплёнком, каталась по целому часу, и голова не кружилась.

Сейчас выбрала бы волка или тигра. Всё случившееся в те проклятые дни изменило её, стала дёрганой, злой, совсем другой, понимала это отчётливо. Особенно из-за подонка Эдьки, чтоб он сдох прямо сейчас.

Пупышова похоронили как-то незаметно. В газете соболезнование ей от фирмы в чёрной рамочке, печальные лица вокруг, речи над могилой. Но оркестр был маленьким, играл плохо, место выделили на самой окраине кладбища, из городской администрации никто не пришёл. И поминки тоже не в ресторане, а в каком-то кафе.

Ну да Бог с ними со всеми, не в этом дело, она не обращала внимания на такую хрень. Старалась не думать о прошлом, забыть всё, привыкала к своему новому положению хозяйки, богатой вдовы, наследницы многомиллионного предприятия.

Сначала ездила по утрам в контору уже своей фирмы, слушала с умным видом доклады главного инженера. Конечно, ничего в них не понимала – какие-то фундаменты, балки и панели, нахрен всё это ей надо. Просто нравилось сидеть в просторном кабинете бывшего мужа за большим письменным столом. Нравилось чувствовать себя хозяйкой, иметь возможность приказывать, ведь никогда прежде такого не было.

Смотрела на широкий диван мягкой бежевой кожи, внимательно разглядывала молоденьких голоногих шлюшек в коротких юбочках, старалась угадать, кого на нём Павел уже трахал. Казалось бы, что это ей теперь? Но всё равно, был какой-то мазохистский интерес.

Очень скоро всё это надоело, дела в фирме шли автоматом, был полный о'кей, и ездить туда она перестала. Начала бывать на открытиях-презентациях новых магазинов и разных выставок, на концертах гастролёров-артистов и спектаклях московских театров, которые чесали провинцию. Часто там скучала. А что делать, не сидеть же дома.

Завтракала и обедала в одном и том же дорогом ресторане, щедро давала чаевые, официанты ей кланялись. На ужин – только яблоко, не хватало ещё растолстеть. День шёл-катился за днём, такая жизнь ей нравилась, и даже очень. С нетерпением ждала суда, после него будет свобода и можно подумать об отъезде.

Конечно, часто вспоминала о Воробьёве, о Петеньке, как он там? Позвонила в школу – болеет. Был бы у него мобильник, разговаривала бы каждый день. Но он его до сих пор не купил, вот сам и виноват. К нему домой ехать не хотела, пусть сам найдёт, было бы желание. Ладно, скоро суд, там и увидимся.

Подлую старуху в упор не замечала, та почти всё время жила у сестры в деревне, но барахло своё из дома не увозила. Как продаст квартиру, новые хозяева сразу с ней разберутся, вылетит отсюда ведьма со свистом. В глухой лес, в болото, на метле в вонючую избушку на курьих ножках. Бог даст, не долетит, собьёт кто-нибудь нахрен.

Тогда на поминках, когда уже все печальные слова были сказаны, и за столиками начали петь весёлые песни, к ней подкатился Сергеев, тот самый конкурент-строитель, муж обозвал его сволочью.

Подошёл, лицо грустное, а в глазах – видела! – радость, как же, конкурента не стало, отвёл в сторонку, спросил негромко:

– Что станем делать, Виктория Семёновна? Неужели собираетесь этот хомут – фирму – тянуть? Не женское это дело, зачем вам кувыркаться в нашем строительном болоте?

Она молчала, слушала, хотя уже догадалась, о чём пойдет речь. Так и вышло, продолжал вкрадчиво:

– Имею к вам предложение: продайте мне весь бизнес, дам хорошие деньги.

– Продать? Зачем? – сделала вид, что удивилась, хотя уже думала об этом, нахрен ей колготня с фирмой. Смотрела на Сергеева, а тот глаза отводит в сторону, глядит в пол. Поняла, нацелился за копейку купить мешок золота. Ответила так же негромко:

– А почему бы и не попробовать? Вдруг получится. Если что надумаю, позвоню.

Сергеев не дурак, всё понял. Попрощался и сразу исчез. Глядела вслед, конечно, продаст, но только не ему. У неё совсем другие планы.

Сразу стала искать надёжного человека, чтобы не продешевить. Своим юристам не верила ни на грош, всех Сергеев купит. Поехала по другим фирмам, вроде бы дом собралась купить. Смотрела – везде молодые, прилизанные, в новеньких костюмчиках. Разговаривали хоть и вежливо, но как-то так, никто не понравился.

Наконец в пятой по счёту увидела пожилого, в поношенной куртке, сразу внушил доверие. Сказала ему негромко:

– Хотите крупно заработать?

Даже глазом не моргнул, словно ждал этого вопроса.

– А то! Покажите мне такого, кто не хочет, буду на него очень удивляться.

Рассказала всё, слушал молча, потом ответил спокойно:

– Это удовольствие вам будет стоить десять процентов.

– Что-то многовато, – она чуть нахмурилась. – Я думала, пять.

– Дело весьма хлопотное, и мне ведь придётся покинуть это шмакодавкинское заведение, стану заниматься только вашей проблемой. Вы можете меня иметь целиком, все дни в неделю.

– Семь, – сказала жёстко.

– Я на вас удивляюсь, мадам. Лишь из уважения к хорошему клиенту – восемь.

Виктория Семёновна смотрела на него: такой скромница, губки поджал, глазки опустил. Конечно, могла согласиться, но зачем?

– Только семь, – повторила. – Или до свидания.

То ли он испугался – потеряет выгодного клиента, то ли понял, что больше из неё не выжать, покачал головой и вздохнул.

– Так пусть мне будет хуже, ваша взяла.

Через десять дней позвонил, нашёл покупателя: крупную фирму в соседнем городе. И сумму назвал, очень приличную, но предварительную. Если Виктория Семёновна в принципе на неё согласна, то оттуда приедет группа инженеров, будут всё смотреть-нюхать. Окончательную цену, конечно, дадут меньше, и придётся опять долго спорить-торговаться.

Ответила, что надо подумать, и сразу решила: зачем ей эта морока-тягучка? Сейчас она этого прохиндея Сергеева сделает, и набрала номер его телефона, сказала спокойно:

– Вы тогда интересовались моими планами, так вот, имею предложение из другого города, – и назвала сколько. – Если хотите, возьмите за эти же деньги.

– Да вы что! Столько не могу! – запричитал он.

Ответила грубо, оборвала на полуслове:

– Если завтра не позвоните, продаю им, – и отключилась.

Конечно, Виктория Семёновна не ошиблась. Сергеев позвонил, постонал-поохал и согласился, фирма Пупышова стала его.

По объявлениям в газете быстро продала загородный дом, все автомашины, нашла покупателей на квартиру. Созвонилась с комиссионным магазином, приехали, сразу забрали всё: компьютеры, факсы-принтеры, телевизоры и телефоны. Одежду Пупышова, Эдьки и почти всю свою хотела сначала отдать в какой-то благотворительный фонд, потом передумала – сдала в скупку по дешёвке, зато сразу деньги получила, и немало.

3

От юристов своей фирмы Виктория Семёновна узнала: Воробьёва могут судить только за хулиганство. А это срок небольшой, скорее всего, условный, но надёжнее найти хорошего адвоката. Она уже привыкла всё делать быстро, сразу позвонила в нужную контору и вечером встречала в своём офисе немолодого солидного мужчину.

Пригубили из бокалов коньяк, выпили по чашечке крепкого кофе и обо всём договорились. Он её внимательно выслушал и сказал, что дело вполне решаемое. Добиться условного срока реально, это гарантирует, если, конечно, возьмётся за дело. Гонорар назначил серьёзный, но терпимый, могла заплатить и больше.

Согласилась без раздумий, сразу выдала наличкой пятьдесят процентов аванса, и расстались почти друзьями. Но их знакомство на этом не закончилось, через неделю Немирович – такая была у адвоката фамилия – позвонил и попросил о встрече, пригласил на обед в дорогой ресторан.

Виктория Семёновна отказываться не стала, поняла, будет важный разговор, и не ошиблась. За дальним столиком в полупустом зале пили коньяк из бокалов тонкого стекла, съели по ломтику лимона, потом Немирович произнёс чуть слышно:

– Из своих, строго конфиденциальных источников, мне удалось узнать: Воробьёва вообще могут не судить.

Сердце у неё сразу зачастило, но радости не показала, молчала, ведь торопиться никогда не следует.

После небольшой паузы адвокат продолжал:

– С учётом всех обстоятельств прокуратура, возможно, откажется от предъявления обвинения.

– Это было бы очень хорошо, – сказала спокойно.

Немирович взял бокал, глотнул коньяку.

– Могу в этом посодействовать, но потребуются некоторые расходы на представительство...

Сразу догадалась, ему надо водить дружков из прокуратуры по ресторанам, не раз и не два.

– Нет проблем. Сумма?

Он назвал весьма приличную, тут уже не только ресторанами пахнет. Глазом не моргнула, повторила:

– Нет проблем, когда и где?

– Давайте пообедаем, потом и решим, – адвокат оглянулся, официант вдалеке, видимо, только этого и ждал, быстро подкатил тележку-столик с солянкой, разлил из кастрюльки по тарелкам.

Виктория Семёновна ела вкусный супец, поглядывала на Немировича, он ей очень нравился. Что-то вдруг шевельнулось у неё там, в глубине души, а если... если.

Положила ложку, произнесла негромко:

– Приглашаю ко мне домой, там удобнее, живу одна.

В гостиной сели за тот же журнальный столик, выпили ещё коньяка, съели по конфетке, поговорили о погоде. Подумала: чего ждать? Раз решила, надо делать, и встала.

– Пошли, деньги в соседней комнате.

В спальне вытащила из туалетного столика несколько пачек, отдала ему, тихо сказала, глядя в глаза:

– Ты мне сразу понравился, а я тебе? – и не дожидаясь ответа, сняла с гостя пиджак, откинула на постели одеяло, начала освобождаться от одежды.

Краем глаза смотрела, как Немирович раздевается...

Получилось совсем неплохо, хотя с Петенькой было намного лучше. Простились спокойно, без всяких поцелуев, по-деловому. Обещал позвонить, если что, со значением намекнул – ждёт и от неё звоночка.

Закрыла за адвокатом дверь и побежала в ванную, ни о чём не жалела, ведь Воробьёву не изменила. Это была не любовь, а чистая физиология. И позвонит ли она, совершенно неизвестно, может, да, а может, и нет.

Виктория Семёновна ещё не усвоила главное правило дикого бизнеса: обмани партнёра первым, поэтому думать не думала, что её за последние дни уже дважды нагло обдурили. Первый раз Сергеев, он перекупил того юриста и велел назвать заниженную стоимость фирмы Пупышова. Был уверен, она не захочет лишних хлопот, да ещё и сумма может уменьшиться. И продаст всё хозяйство ему. Так и получилось, рыбка попала на крючок.

Второй раз её обманул Немирович. У него, конечно, не было никаких секретных источников информации. Просто как-то случайно услышал от своего знакомого в прокуратуре, что решено Воробьёва не судить. И сразу унюхал возможность сорвать немалый куш, которым делиться не собирался ни с кем. Всё получилось просто отлично и денежки в кармане, и бабу поимел мировую, надо ей поскорее ещё позвонить...

4

Судебное заседание тянулось медленно, невероятно скучно. Эдка сидел за решеткой и вёл себя, как всегда, нагло и предельно глупо. Вскрикивал, пытался кричать и перебивать судью, полностью отказывался от своих прежних показаний. Виктория Семёновна скучала на заднем ряду и ждала перерыва, чтобы незаметно уйти. Воробьёва не было, сказали, что болен. Анна Петровна торчала впереди, тоже кричала, пригрозили удалить из зала, тогда заткнулась.

Всем всё было ясно: группа крови убитого та же, что и на пачках денег, изъятых у подсудимого. На макете пистолета его же отпечатки пальцев, тому же есть и признательные показания сразу после ареста. Адвокат что-то долго говорил о молодости подзащитного.

Виктория Семёновна не слушала ни его, ни прокурора, глядела только на убийцу, снова и снова вспоминала тот проклятый день.

Ах если бы...

Если бы подлой старухе тогда не ударила моча в голову и она не побежала бы её искать...

Если бы бабки-сплетницы в том дворе не рассказали бы о Петеньке...

Если бы у старой ведьмы хватило ума промолчать, а не проболтаться Павлу...

Тогда бы ничего и не случилось. Муж не ударил бы её, и она потом не стояла бы неподвижно и не глядела, как Эдька бьёт отца, сразу вбежала и помешала, остановила убийцу.

Но главное, главное вовсе не в этом. Главное, что мучает её всё время: могла ли до обморока тоже ударить мужа? Успела или нет? Если да, то она такая же убийца, как подонок-пасынок, и место ей сейчас рядом с ним, за решёткой на скамье подсудимых.

Снова и снова говорила сама себе – нет, конечно, нет. Хотела, но не била, схватила брошенный Эдькой уже испачканный кровью пистолет и... упала без чувств. Вот и всё, никто ничего не видел и не знает. Но там, на самом доньшке сознания, жила, шевелилась и жгла душу подлая, проклятая, чёрная упрямая мысль: а вдруг успела, и именно этот удар стал роковым?

Гнала, старалась забыть её, убийца Эдька, и всё! Но каким же живучим было проклятое подозрение: кровь мужа на ней...

Объявили перерыв, с облегчением встала, быстро ушла. Дома села в кресло, достала коньяк и выпила почти полный бокал. Включила маленькую магнитола – единственную не продала, поставила концерт Баха, любимую музыку Петра.

Однако печальный орган Виктория Семёновна не стала слушать, не по настроению, а оно было у неё совсем не плохим: подонок Эдька за решёткой, Петеньку не судили, а главное, главное – сегодня же пойдёт к нему. Повод есть: узнать о здоровье, сказать, что надо сделать, и решить одним махом все проблемы, и конечно, обнять-поцеловать. Она ждала его ласковых слов и любви, любви, а не просто секса...

5

Внезапно в комнату без стука ворвалась Анна Петровна и сразу, с порога, запричитала:

– Адвокат попался дерьмовый, не сумел защитить Эдичку, десять лет впаяли! Нету у нас справедливого суда!

Кричала и во все глаза глядела на коньяк, гадала, не предложат ли рюмочку.

«Хрен тебе в зубы, а не коньяк!» – злорадно подумала Виктория Семёновна и не стала с ней спорить, сдержалась. Зачем эта подлая старуха явилась?

А та продолжала уже потише:

– Так Пашенька тогда у меня яишню-то и не поел, а славная вышла яишня. Эх, жисть наша, он всё за ту фабрику-землю переживал, дом хотел большой строить. А оказалось, ему земли надо всего два метра. И сразу перешла к другому, главному: – Чё дальше-то будет?

Спросила и посмотрела своими змеиными глазами.

Виктория Семёновна удивилась, ответила тоже негромко:

– Как что? Я же предупреждала: уезжаю, а квартира уже продана.

Старая ведьма замерла, пасть открыла и даже жалобно почти прошептала:

– А я? Чё, в богадельню?

– Неужели мечтали, что она вашей будет?

– Сколь лет я тут жила, Эдичку с пелёнок вынянчила...

У Виктории Семёновны терпение кончилось.

– Вынянчила кого? Убийцу! Вместе с Павлом хотели, чтобы он мачо стал. Вот и дождалась.

Думала, старуха закричит, но та молчала, значит, ещё чего-то станет просить.

– Грехи наши тяжкие... Дала бы мне деньжонок на однокомнатную, ведь всё Пашкино продала, наторговала вагон и маленькую тележку...

С трудом, но взяла себя в руки – зачем унижаться перед старой ведьмой, ответила спокойно:

– Ни копейки! У вас денег полно, наворовали, ведь Павел на хозяйство давал без счёта.

Анна Петровна до смерти перепугалась, даже голос задрожал.

– Откуль знаешь? Сберкнижки мои, чё ли, нашла? – и не дожидаясь ответа, продолжала требовательно:

– На адвокатов дай, надо Эдичку спасти. На пересуд в Москву подам, знающие люди сказали: могут срок уполовинить, только денег больно много просят.

Виктория Семёновна насмешливо глядела на глупую бабу.

– Дам хоть сколько, но тому, кто подонку срок удвоит. Твой волчонок вырос в волка, пусть сидит в тюрьме всю жизнь.

Ух как та разозлилась! Готова была глаза выцарапать, чуть руки-когти к лицу не тянет.

– Вот как заговорила! Ненавидела моего внука всегда. Я все свои похоронки растрясу, последние тряпки продам, но его спасу. Назло тебе!

– Пошла вон отсюда, старая ведьма! – всё же не сдержалась, закричала. – Чтобы завтра же тут не воняла. Или с милицией выселю!

Старуху такие слова сразили наповал: милиции она смертельно боялась. Сразу двинулась к двери, там обернулась.

– Сегодня же совсем съеду, хоть не буду тебя видеть, шлюха! – и выскочила из комнаты.

6

Виктория Семёновна дождалась, когда – наконец-то! – щёлкнул замок на входной двери. Слава Богу, исчезла. Достала из серванта большой портфель чёрной кожи, открыла и выложила на столик пачку красивых бумаг: разные акции, сертификаты, ещё какие-то банковские документы с непонятными названиями. Большие деньги, тут старая ведьма не ошиблась: точно вагон и маленькая тележка. Всё то, что заработал и накопил Павел Павлович Пупышов, что сумел украсть и утаить от налоговиков. Стала теперь миллионером, ё-моё, смехота! Нихрена какая смехота, всё серьёзно, очень серьёзно.

Особенно внимательно читала-разглядывала – снова и снова – одну бумагу. В ней подтверждалось, что Пупышов приобрёл и полностью оплатил виллу во Франции на Лазурном берегу. Цифры в бумаге стояли такие – только ахнешь, никогда не думала, не мечтала жить там.

Аккуратно сложила всё в портфель, пошла в спальню, спрятала в сейф в стене над кроватью и начала собираться. Первым делом приняла ванну, какую любила, очень тёплую, почти горячую. Мочалкой продрала всё тело...

И снова подумала, как хорошо, что при жизни Павла всё время пила противозачаточные таблетки, а после его смерти перестала, от Петеньки забеременеть не боялась. Достала из шкафчика баночку с мёдом, смазала соски груди, станет целовать и узнает, какие они сладкие. Надела новое прозрачное бельё, была твёрдо уверена – будет сегодня у них любовь, обязательно будет.

В большую красивую сумку положила бутылку коньяка, коробку дорогих конфет, завернула в салфетки два бокала и направилась поскорее к Воробьёву, больному и несчастному.

Спокойно – теперь не надо прятаться – прошла мимо подлых старух-сплетниц на скамейке. Как они свои шеи гадючьи вытянули! Змеи и есть змеи, только что язык- жало ядовитое изо рта не торчит.

У лестницы в подвал сидел Пушистик Борис Борисович, сказала ему ласково:
– Пойдем, покормлю тебя там.

Кот ноль внимания, даже не взглянул на неё, отвернулся.

– Дурачок! Ну и сиди голодным! – засмеялась и пробежала мимо. У такой знакомой двери вздохнула, заранее улыбнулась и постучала условным стуком: два раза и потом три...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Услышал знакомый стукоток, и сразу сердце забилось сильнее – моя Вика-Викуля наконец-то пришла! Появилась, заулыбалась, словно растались только вчера.

– Ну и больной! Просто симулянт! А я-то на суде тебя ищу.

Я сразу помрачнел.

– Какой суд... Это меня надо было судить.

– Перестань! – крикнула она громко. – Хрень, хрень городишь!

Немного удивлённо взглянул, слышал, конечно, от неё всякие разные малоудобные слова, но именно это овощное словечко ведь было из любимого лексикона Пупышова, Вика продолжала сердито:

– Всё к этому шло, Эдка наркоман и пьяница, чего ждать другого. И брось ты своё самокопание.

Поставила сумку на стол, достала коньяк, коробку конфет, красивые бокалы, я всё собирался такие купить, но так и не сумел.

– Ну-ка, ну-ка, вылезай, глазки быстро открывай...

Вытащил ещё давно специально купленную бутылку красного вина.

– Вот! Очень сладкое, какое ты любишь.

– Потом, сначала коньяк, – Вика открыла пробку, разлила его.
– Давай за всё хорошее.

Выпили понемножку, помолчали, она съела конфетку и громко снова начала всё то же.

– Эдка убийца! Запомни, он один и никто другой. Получил десять лет, мало! Я бы ещё столько же добавила. И кастрировала!

Молчал, не очень понимал причину такой злости. Продолжала чуть потише:

– Не удивляйся, ненавижу его до смерти, хоть бы сдох прямо сейчас.

– Потом спросила:

– А твои дела как?

Что я мог сказать? Ничего хорошего.

– Милиция глобус и не ищет, говорят, бесполезно, это и сам знаю. Банк квартиру отбирает, из школы ухожу...

Вика перебила:

– Всё это хрень-хреновина! Я все твои проблемы решила раз и навсегда. Слушай меня внимательно: не с голыми руками сюда явилась. Продала всё, теперь – не упади! – миллионер! Смехота просто.

И внимательно поглядела на меня, ждала, как приму эту информацию. Не мог сказать пока ничего, видел только – она какая-то не такая, как была прежде. Всё же с трудом «родил»:

– Это хорошо, ни от кого не зависишь, сама себе хозяйка.
Тут Вика встала, произнесла очень громко и торжественно:
– Мы с тобой уезжаем во Францию! Совсем и навсегда!
Я чуть со стула не упал, всего ждал, но только не такого.
– Да, во Францию, – повторила спокойно, словно приглашала на прогулку в соседний скверик. – Нашла документы, Павел там на Лазурном берегу виллу купил, станем валяться-загорать целый день на пляже, – улыбалась, но смотрела на меня вопросительно и тревожно.
Тоже улыбнулся, хотя понял, это не шутка.
– Целый день загорать? Так с ума сойдёшь, на луну завоешь.
– Зачем выть? – удивилась Вика. – Море тёплое, ласковое, песочек золотой. Не хочешь жить на вилле, снимем номер люкс в лучшем отеле, пять звёзд. Кругом девочки ходят-купаются голые, в одних плавках и без...
Ничего не понял, переспросил:
– Какие девочки? О чём ты?
В ответ засмеялась.
– Чтобы веселее глядеть на жизнь! Чем это плохо? Мечта!
Молчал, она продолжала:
– Как надоест, виллу загоним нахрен какому-нибудь придурку. И махнём в Париж. Ты хочешь в Париж?
Хочу ли я туда? У меня даже слегка голова закружилась от одной мысли об этом.
– Париж... Праздник, который всегда с тобой... Увидеть Париж и умереть...
– Ещё чего! – снова перебила. – Зачем нам умирать? Не для того туда поедем. Найдём тихий маленький город, купим фирму или магазин. Глобус тебе такой же, даже лучше. Всё у нас будет в шоколаде.
Я покачал головой, вздохнул тяжело.
– Где ты его найдёшь, это бывает только раз в жизни.
– Чудик ты! – засмеялась она. – Там антикварных магазинов полно, любые деньги отдадим. – Взяла бутылку, разлила коньяк, подала мне. – Давай за Париж!
За Париж я, конечно, глотнул немного, хороший город, поставил бокал на столик. Вика выпила всё и приказала:
– Включай плеер, я хочу танцевать!
Нашёл кнопку на дорогой игрушке, нажал, и комнату заполнили барабаны, били всё громче и громче. Потом забрякало что-то металлическое – стучали молотком по большой кастрюле. Обернулся и замер: она уже успела раздеться и танцевала голая.
– Пусть будет всё, как тогда, в нашу первую встречу! – крикнула и высоко вскинула руки над головой.
Снял рубашку, майку, сидел на стуле и глаз не мог от неё отвести. Подошла, подняла ладонями груди, алые малинки-вишенки глянули мне прямо в лицо. И весело сказала:
– Живо целуй!
Сразу обнял, она была горячая, красная, словно из бани. Крепко поцеловал одну, другую, обе оказались медовые...
– Немного поживём там и начнём добиваться французского гражданства. Получим обязательно, ведь мы теперь богатые, таких везде любят, – продолжала она серьёзно. Побежала к дивану, легла на спину и тихо позвала:
– Цып-цып-цып...

Я замер, все мысли вылетели из головы. Ах, эта красная роза, символ любви, так желала, чтобы её сорвали...

Викуля обнимала меня, как всегда, крепко, я тоже старался, целовал и целовал её изо всех сил...

2

Потом она лежала у меня на плече, говорила тихо:

– Поедем, чего боишься? Какой ты нерешительный...

А я смотрел на её волосы, оказывается, они были крашеными, у самой головы не медными, а обычными, серо-тёмными. И думал, что же сказать.

– Говоришь, купим там фирму, но я же учитель, а не бизнесмен.

– Ну и хорошо, даже отлично, откроем частную школу. Ты преподаёшь, я на хозяйстве. Бросай всё своё барахло нахрен и начнём новую жизнь.

Удивился таким её непонятным словам:

– Как это бросай? А книги мои и карты?

– Всё кидай нахрен, – повторила весело. – Квартирой пусть банк подавится, остальное соседи растащат. Там новое купим, всё, что захочешь. Карты любые, хоть тыщу штук, книжек целую библиотеку.

Этого я никак не мог понять, ведь карты и особенно книги искал в разных магазинах, приносил по одной, каждую знаю и помню в лицо.

А Вика продолжала громко и весело:

– Документы только возьми, главное, паспорт не забудь.

– Трудовая книжка у меня в школе, – вдруг почему-то ляпнул.

Как она засмеялась!

– Совсем ты охренел со своей долбаной географией! Кому там такая нужна? Вот чековая книжка – другое дело, всем интересна.

И тут я догадался, кого мне напоминает сейчас Вика: Павла Павловича Пупышова – хозяина жизни. Конечно, надо было сразу отказаться от её предложения, но ведь тогда бы не было этой нашей встречи.

Молчал так долго, что она всё поняла, прошептала даже как-то жалобно:

– Совсем меня разлюбил или как?

– Люблю конечно.

Что мог другое сказать?

Сидела рядом на диване, я чувствовал медовый запах её тела, спросила уже громко:

– Значит, не хочешь ехать со мной?

– Не могу...

– Не можешь... Ты вообще ничего не можешь!

Встала и начала быстро одеваться. Я смотрел, не отводя глаз ни на миг, старался запомнить каждую частичку её тела. Вот за тугим лифчиком спрятались холмики груди с вишенками-малинками. Качнулись белые ноги и скрылся под голубыми трусиками низ нежного животика...

Обманул её, наверное, смог бы, если бы захотел, если бы Вика была той, прежней, которую встретил тогда. Но никто не знает, как и почему приходит любовь. Как и почему она уходит. Правы были древние мудрецы, когда говорили: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку».

Стояла и смотрела на меня, словно ждала чего-то. Потом достала из сумки пачку денег, бросила на стол, да так, что один бокал упал, но чудом не разбился.

– Отдай банку, пусть подавятся.

– Забери, не возьму.

– Почему? Я же от всего сердца, как память обо всём хорошем, что у нас было. Ведь было? Или нет?

– Не надо, выкину на лестницу.

Медленно спрятала деньги в сумку.
– Гордость свою лучше сунь подальше, совсем забудь о ней.
Тут я неожиданно для себя закричал:
– А если у меня, кроме неё, ничего нету? Тогда как? – и добавил тихо:
– Да ещё география, мало кому нужная.
Вика вдруг тоже крикнула:
– Ну и сиди, дурак, тут! Чисти сортиры! Ты просто никогда не любил меня! – круто повернулась и исчезла в прихожей.
«Сейчас уйдёт и не вернётся!» – кинулся было следом, чтобы остановить. Но какая-то железная рука внезапно сжала сердце, и оно замерло, сразу пошатнулся и повалился на диван. Через секунду сердце снова едва забилося, тихо затрепыхалось неровно, с перебоями, как испуганная птица в кулаке. Боялся даже вздохнуть, но всё-таки прошептал:
– Вика...
Услыхала, вернулась, сказала сердито:
– Надо было операцию делать, а не глобус дурацкий покупать.
Я молчал, глядел жалобно, вид, наверное, у меня был совсем бледный. Она упала на колени, схватила за руку, закричала:
– Петенька, не умирай!
Вытряхнула всё из сумки на пол.
– Телефон забыла дома! Сейчас к соседям, вызову «скорую»!
И убежала, грудь болела всё сильнее и сильнее, стало нечем дышать. Я медленно сполз с дивана на пол, последнее, что увидел, широкую трещину на старом линолеуме перед глазами...

3

Мне сразу же сделали операцию. Вика спасла меня, ещё немного бы и конец. «Скорая» успела.

Её я больше не видел, сёстры в отделении говорили – звонила каждый день, но как узнала, что операция прошла успешно, перестала. Значит, улетела, загорает сейчас на Лазурном берегу, и наверное, скоро меня забудет. Бог с ней, лишь бы была счастлива.

Квартиру она мою отстояла, всё же погасила кредит. Из школы я ушёл на пенсию, получил её по инвалидности, маловато, конечно, но мне хватает. Поживу немного так, без дела, и всё равно вернусь в школу. Наверное, в другую, а может, в эту же.

От Анта-Антоня узнал: кассация не помогла, Эдьке оставили десять лет, это очень много. Клепка-Клеопатра умерла от наркотиков, Фёк-Фёкла, любительница пивка, вдруг куда-то исчезла, как и не было.

Вот так и закончилась эта грустная история, которая началась, когда я был сантехником. Всё в нашей жизни не случайно, всё зависит от того, что мы или кто-то другой когда-то сделали. Каждая мелочь, каждый пустяк, может вызывать роковые последствия. Всё без исключения цепляется друг за друга, как колесики в механизме часов.

Ведь стоило тогда диспетчеру дать мне другой адрес для ремонта, и ничего бы не было. Я не встретил бы Вику-Викулю, не появился бы тот проклятый пистолет, Пупышов остался живым и Эдька не сидел бы в тюрьме... Всё случившееся тогда сегодня кажется мне нереальным, словно я вспоминаю какой-то фильм о ком-то другом.

Глобус тот часто даже вижу во сне, но странно – Вика не снилась почему-то ни разу. Но длинными беспокойными ночами всегда думаю об одном и том же: не отказался ли я от большой настоящей любви? От такой, которая бывает только один раз в жизни...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Вилла «Мечта» оказалась небольшим двухэтажным домом, рядом с железными воротами ещё один, маленький, для семьи сторожа-садовника. Виктория Семёновна едва познакомилась с ними и скорее понеслась к морю. Дорожка привела на пляж, её личный пляж! – с ума сойти можно! Живо разделась, ринулась в ласковое море, накупалась досыта, отвела душу. И улеглась загорать на широкое кресло-шезлонг, скорее сняла лифчик, а потом и трусики. Смотрите, кому надо, любуйтесь, не жалко!

Желающие нашлись быстро. Как раз мимо проходил катер, мужики на палубе весело заржали. В ответ помахала ручкой и послала воздушный поцелуй. Они ещё громче закричали и тоже замахали, приглашали к себе.

Ишь чего захотели! Засмеялась, вскочила и повернулась к ним попойкой, схулиганила – звонко шлёпнула себя по ягодице, и по другой тоже, вот вам и ответ!

И тут вдруг катер завернул к ней, к берегу, те самые мужики начали раздеваться и собирались прыгнуть в воду!

Испуганно пискнула, подхватила свои одёжки и голая понеслась по тропинке вверх. Кто их знает, какие тут порядки, поймают и чихнуть не успеешь, как разложат на травке пузом к солнышку.

Но конечно, не утерпела и оглянулась, никто за ней не гнался, катера вообще не было видно. Даже немного пожалела, что знакомство не состоялось...

Решила веселиться-развлекаться, чтобы скорее забыть всё то, чёрное, поехала в ночной клуб, пила шампанское, танцевала без отдыха. Партнёры всё время менялись, потом остался один, молоденький парнишка с жидкими усиками. Проводил её до машины и вдруг по-хозяйски молча сел рядом. Слова ему не сказала, ведь сама хотела. Но в постели оказался пустым местом, только сопел и потел, сунула ему деньги и прогнала.

Проверила все дорогие магазины, нахватала разного модного барахла и отправилась в самый большой ресторан. Там вкусно поела, выпила пару бокалов коньяка – огромных, а самого коньячка на донышке кот наплакал, поболтала с официантом по-русски.

Весело танцевала, сразу к ней подкатил немолодой «красавец» с уже наметившейся лысинкой на макушке, но ещё вполне ничего. Заказала богатый ужин с каким-то дорогущим и совсем не вкусным вином. Сама ничего не ела, с улыбкой наблюдала, как тот лихо опустошает бокалы и тарелки.

После вина голова закружилась, всё вокруг стало каким-то прозрачным. Решительно поднялась, ни слова не сказав, взяла его за руку и увела. Прожил у неё неделю, потом надоел, выгнала тоже.

Вечерами зачастила в казино, до полночи играла в рулетку. Вела себя очень осторожно, ставки делала маленькие, всегда оставалась хоть и с небольшим, но плюсом. Такая жизнь ей нравилась, и вдруг...

Вдруг поняла, что беременна. Сначала испугалась, а потом даже обрадовалась: конечно, от Воробьёва, от Петеньки! Ведь при жизни Пупышова предохранялась всегда, случайные «контакты» были давно, и Немирович не в счёт: за ним тщательно следила.

И сразу всё круто переменялось. Какие тут теперь танцы и рулетка! Целыми днями лежала в тенёчке на берегу, дышала озоном и вспоминала свою глупую жизнь, и конечно, прежде всего Воробьёва, как-то он там... Очень и очень ошиблась, когда улетела так быстро, хотела наказать его за

упрямство, за несговорчивость, вот ведь дура, дура полная! Только сейчас поняла: любит, любит его по-настоящему, жить без него не может.

Хотела даже лететь прямо сейчас, сегодня же, к нему, да врачи запретили. Решила: родит здесь и сразу в Россию, да не одна, а с его сыном, Петенькой-младшим. Устроит большой сюрприз, и будут они все трое жить счастливо...

Почувствовала себя плохо, начались боли, лежала в клинике на сохранении, почти месяц не вставала с кровати. Выкидыша не было, но роды оказались очень тяжёлыми. Её Петенька – Пьер – появился на свет совсем слабеньким, весил всего полтора кило. Головку долго не держал, грудь на брал вовсе – кормила разными смесями. Подолгу лежала с ним в больницах, врачи боялись, что не выживет. Кое-как выходила, спасла, это стоило ей многих бессонных ночей и огромных денег, пришлось продать акции и заложить виллу в банке.

Сын рос каким-то дёрганным, агрессивным, когда внезапно на него нападали приступы непонятной ярости, он сбрасывал со стола тарелки, злобно пинал всех, даже мать, она всё время ходила с синяками на ногах. Ни одна нянька не выдерживала больше месяца, хотя платила им немало.

С ужасом понимала, что любит его всё меньше и меньше, из последних сил. Садовник Поль только грустно смотрел на неё, качал головой, его жена Иветта вздыхала и вытирала глаза. Знала, что с сыном плохо, давно хотела показать его врачу, но боялась, предчувствуя беду.

Но вот увидела: Пьер громко хохочет, рвёт и топчет на клумбе прекрасные цветы. Это стало последней каплей, всё же собралась и привезла его к психиатру-наркологу, тоже эмигранту из России.

2

Виктория Семёновна злилась до бешенства, изо всех сил тащила сына за руку, Пьер упирался в асфальт ногами, идти не хотел и норовил пнуть её. Криком кричал на всю улицу, на них оглядывались. Пообещала купить ему настоящее ружьё, большую коробку конфет, всё что угодно, лишь бы заткнулся. Замолчал, но смотрел зло, исподлобья. Всё-таки кое-как заманила в клинику.

В просторной и роскошно обставленной приёмной сунула его в широкое мягкое кресло, дала журнал с картинками и села рядом. На приём к знаменитому профессору больных пришло немало, слава Богу, на них внимания никто не обращал.

Подошла их очередь, и молоденькая приветливая медсестра провела их в кабинет. Профессор долго осматривал Пьера, всё время улыбался и пытался разговаривать, но тот только показывал ему язык. Подробно расспрашивал и её, Виктория Семёновна, едва сдерживая слёзы, рассказала всё. Врач уже хмурился и качал головой.

Потом его увели в лабораторию брать кровь из вены для какого-то сложного и важного анализа, там санитар и две медсестры едва сумели с ним справиться. Сидела в коридоре, зажав уши, только бы не слышать его отчаянный крик. Велели снова приехать завтра.

На следующий день медсестра в приёмной была уже другая, пожилая и малосимпатичная, чем-то напоминала подлую старуху Анну Петровну. Что-то она знала, знала и недобро, даже зло, глядела на них, у Виктории Семёновны всё замерло.

Сегодня профессор не улыбался, говорил спокойно, негромко, привык ко всему за годы работы, да и что ему эта немолодая, но ещё красивая женщина.

– Мадам, у меня для вас плохие новости. У вашего сына очень тяжёлая наследственность, его отец – наркоман и алкоголик. И ещё, – врач было запнулся, но продолжал, – есть признаки СПИДа.

Виктория Семёновна побледнела, не слышала больше ни одного слова. Всё же через силу спросила:

– Его можно вылечить?

Профессор удивлённо вскинул брови: ведь он уже всё сказал.

– Повторяю, он психически ненормален, с возрастом будет хуже и хуже. Станет алкоголиком и наркоманом, потенциальным преступником, лечение очень сложное и дорогое. А вам советую срочно пройти обследование на СПИД, можно здесь, за дополнительную плату.

– Это совершенно невозможно – прошептала она.

Врач не понял, устало смотрел на неё.

– О чём вы, мадам?

Сказала уже громко, чуть не кричала:

– Его отец не наркоман и не алкоголик, и у него нет той страшной болезни!

Профессор пожал плечами, ответил безразлично:

– Тем не менее это факт. Сочувствую, но помочь ничем не могу. До свидания, меня ждут другие пациенты.

С трудом встала, в приёмной сразу подскочила медсестра.

– Ваш хулиган укусил меня!

– Что? – не поняла, всё вокруг было в тумане.

– Рвал журнал, а когда я хотела отобрать его, то укусил за руку, вот! – показала повязку на пальцах. – Это вам дорого обойдётся, ждите моего адвоката.

Пьер загнанным в угол волчонком злобно глядел на всех. Выдернула его из кресла и потащила к выходу, втолкнула на заднее сиденье машины и села впереди. Что теперь делать, было совершенно непонятно. Её сын психически ненормален и у него СПИД, а значит, и у неё тоже...

Она была твёрдо уверена, точно знала: Пьер не сын Воробьёва. Какой же Пташка наркоман и алкоголик? Значит... Значит подонок Эдька, чтоб он сдох там в тюрьме! В тот чёрный, трижды проклятый день, воспользовался её беспомощностью и изнасиловал. Вот ведь сволочизм какой, и те таблетки не помогли.

Она громко выругалась по-русски, тяжёлым матом, вытащила из сумки фляжку. Пила теперь только виски, самые крепкие марки. Один глоток, второй... всё до дна и выкинула пустую в окно, включила мотор, надо ехать.

Неслась по узкой дороге, далеко внизу голубело бескрайнее море, тёплое и ласковое ещё вчера. Быстрее, ещё быстрее! Впереди показался крутой поворот, и вдруг она вывернула руль в другую сторону. Закрыла глаза – и перед ней встал Воробьёв – чудик Пташка, такой, каким увидела его тогда, в первый раз, прошептала тихо:

– Петенька, я люблю тебя...

На полной скорости машина камнем рухнула вниз и вспыхнула там ярким весёлым костром.

3

По странному, мистическому даже стечению обстоятельств в тот же самый день, час в час, в далёком сибирском городе у пенсионера Воробьёва Петра Сергеевича случился обширный инфаркт.

Он сидел в скверике недалеко от своего дома, на любимой скамейке

в дальнем уголке, дышал свежим воздухом. Смотрел на подростков на зелёных газонах. На других, дальних, лавочках все были заняты своими делами: пили пиво из бутылок и банок, играли на гитарах, что-то пели непонятное, разговаривали о чём-то, громко смеялись.

Вдруг, как было тогда, перед «скорой», сердце сжала железная рука, он попытался встать, но в глазах потемнело. И увидел Вику: она была вся в белом, как во время их первой встречи в квартире Пупышова. Смеялась и манила – звала к себе.

– Вика... – успел только еле слышно сказать и упал на скамейку, откинулся на спинку, никто ничего и не заметил.

А что замечать? Сидит какой-то тип на лавке, ну и пусть сидит, потребляет озон. Может, заснул-задремал, проспится и пойдёт домой...

Нашли Петра Сергеевича только под вечер, узбек-уборщик собирал пустые бутылки и пивные банки. По иронии судьбы похоронили Воробьёва на кладбище, где и Пупышова, и даже недалеко от его могилы.

Никакого завещания Виктория Семёновна, конечно, не оставила. Банк начал искать наследников заложенной-перезаложенной виллы, с большим трудом всё же удалось найти её сестру, она-то и доставила останки Вики и Пьера в железном гробу в родной город. Похоронили их на том же кладбище, вот они все и встретились.

4

Крутится, несётся вперёд и вперёд беспощадное колесо времени, всё быстрее, ещё быстрее. Первая жертва – «хозяин жизни», удачливый бизнесмен и банкир Пал Палыч Пупышов. Потом девчонка-наркоманка с красивым именем Клеопатра, она же просто Клёпка, и любительница пивка тоже с необычным именем Фёкла или Фёк (её убил сутенёр). В один день трагически погибла несчастная Вика-Викуля и чудик учитель-сантехник Пташка, они так и не нашли свою любовь, не нашли друг друга.

Эдку-Эдичку в тюрьме задушили «дружки» по камере, баб Ань, Анна Петровна, не успела съездить к нему на могилку, проститься с любимым внучком: копала огород и замертво упала на грядку.

Крутится, несётся вперёд колесо времени. Какая же осталась о них память? Построили тот большой жилой дом, о котором мечтал Пупышов, а на банкете-презентации никто о нём не сказал ни слова. На вилле «Мечта» другая хозяйка, она, а не Вика-Викуля, купается в тёплом море и загорает на пляже. И только иногда, очень редко, садовник с женой вспоминают о той русской, которая разбилась на машине вместе с маленьким сыном. Как же её звали? Вроде бы мадам Вика...

А вот доброго и немного странного учителя географии Воробьёва не забыли. И преподаватели, и школьники помнят его интересные уроки, помнят, как он за огромные деньги купил старинный заводной глобус и принёс в класс. И соседи по дому тоже вспоминают добрым словом чудака учителя-сантехника.

Ант-Антон уже студент того самого института, куда мог поступить, но не поступил Эдка. О своём прежнем дружке он и не вспоминает, у него новые приятели, новые заботы, и уж конечно, напрочь забыл о бывшей тёлке Фёк и какой-то там Клёпке.

Каждому воздастся по делам его...

5

«Всё проходит» – такая, по легенде, была надпись на перстне древнего мудреца царя Соломона.

Всё проходит в этом мире...

ПОЭЗИЯ

Александр НОВОПАШИН

Быть первым

Кто-то должен быть первым,
Чтоб стоять на краю,
Пробивая сквозь тверди
Непокорность свою.
Пусть идущие следом
Подождут за углом.
Вслед за ним краем бездны
Вы пройдёте потом.

Частный случай

По деревянным тротуарам,
Среди заборов, день за днём
Из года в год маршрутом старым
Мы вслед судьбе своей идём.
И верим, что когда-то лучше
Нам будет с ней наедине.
Вся жизнь моя – лишь частный случай
В распятой войнами стране.

Таких тут нет

Вам не найти меня, где в детстве
Играл я в шортах на ковре,
Где папа был с газетой в кресле,
Стирала мама во дворе.
Где счастливы на свете трое,
И нет озноба от потерь...
Чужие руки вам откроют.
– Таких тут нет, – захлопнут дверь.

Заброшенный дом

Это всё, что от детства осталось -
Только старый заброшенный дом,
Где венцов вековая усталость
Да крапива за ветхим углом.
В сенках громко ворчат половицы,
Печь белёная в окна глядит.
Ей ночами по-прежнему снится,
Как огонь полыхает в груди.

Друзья не умирают

А друзья не умирают
На больничных простынях.
Лунным берегом по краю
Не уходят от меня.
Собираются погреться
В уголках души моей.
Ну а мне найдётся ль место
У оставшихся друзей?

Ленинградская, дом два

Под рябиной у калитки,	Выцвел адрес на конверте –
Где скрывала нас листва,	Ленинградская, дом два.
Тот же адрес на табличке –	Я когда-нибудь приеду,
Ленинградская, дом два.	Не смогу найти слова.
Много лет прошло на свете,	Никого тут больше нету.
Стала белой голова.	Ленинградская, дом два.

Тобольск

Мне слышен в имени твоём
Степных копыт табунный топот,
Вздывавший в небо вороньём
Костров клубящуюся копоть.
Свистящих сабель перезвон,
Скрещённых над Чувашским мысом,
Страданий боль, предсмертный стон,
Смолкавший в поднебесной выси.
Струится в имени твоём
Февральских вьюг скользящий посвист,
Под белокаменным кремлём
Сплетающий позёмки в косы.
Как много в имени твоём!

Абалак

Абалакское раздолье –
От Урала до Двины
С высоты, как на ладони,
Все излучины видны.
Деревянное подворье,
Вечер с видом на закат,
На высокой колокольне
Ветры вольные звонят.
Необъятные просторы
Распахнула во всю ширь
И слезой туманит взоры
Древняя моя Сибирь.

г. Тобольск

Двадцать три поворота

Памяти поэта Николая Денисова

Вьётся узкою змейкой дорога,
Убелённая заметью вьюжной.
Заложить двадцать три поворота –
И рукою подать до Бердюжья.
 Средь озёр,
 в тонкий лёд заточённых,
 И болот,
 в снежный саван одетых,

Дом родной ждёт
 до полночи чёрной
И не может дожидаться поэта.
Он ушёл, опустела дорога –
Видно, так было Господу нужно,
Не дойдя двадцать три поворота
До родимого сердцу Бердюжья.
Бердюжье – Тюмень

Пора прощаться

Ну вот и всё, пора прощаться,
Чтоб погружаться в неизбежность.
С моих похолодевших пальцев
Стекает тающая нежность.
И ты с безмолвною молитвой
Разлуки боль преодолегаешь,
Недоцелованной улыбкой
Меня в дорогу провожаешь.

Откуда музыка берётся

Откуда музыка берётся?
Из лабиринта медных труб,
Блестящих золотом на солнце,
Согретых поцелуем губ?
Из клавишей в рояле строгом,
Из трепета гитарных струн?..
Нам музыка даётся Богом,
Дыханьем ветра поутру.

Равновесие

На тёплой рельсовой дуге,
Дрожащей мелко от испуга,
Качаясь на босой ноге,
Как на соломинке упругой,
Ты равновесие души
Над шпалами времён искала.
Другие как его нашли,
Отчаянно не понимала.

Книги не горят

Не верьте – книги не горят:
Ни на пожарах беспощадных,
Где вмиг сжирает всё подряд
Огонь, набросившийся жадно,
Ни на безумных площадях,
В печах, растопленных стихами,
Где строки Пушкина шутя
Швыряют в пекло смерти хамы.
И Гоголь рукопись не сжёт –
Есть продолжение «Мёртвым душам».
Я точно знаю, что нас ждёт
В финале его сцены лучшей...
Когда взрывной волной снаряд
Сметёт с земли всех книжек стай,
Не верьте – книги не горят,
Их в небе ангелы листают.

Последние на рубеже

*Памяти поэтов Евгения Евтушенко,
Андрея Вознесенского,
Роберта Рождественского,
Булата Окуджавы*

Прощайте, шестидесятники, –
Последние на рубеже –
Двадцатого века романтики.
С небес не вернуться уже,
Не звать за собой стадионы,
С гитарой не петь у костра,
И в парке под джаз радиолы
Не вам танцевать до утра...
Когда-нибудь следом другие –
Я твёрдо уверен, – придут
И россыпи рифм дорогие
Всем щедрой рукой раздадут.
Узнают себя негодяи
В летящих с планшетов стихах.
Что жить нам мешало годами,
Рассыплется прахом в ногах...
Прощайте, шестидесятники, –
Последние на рубеже –
Двадцатого века романтики,
Живущие в каждой душе!

ПРОЗА

Александр СТЕШЕНКО

ЧЕТВЕРГОВАЯ БАНЯ

Колун ухнул, вгрызаясь всей своей тяжестью в запутанное переплетение деревянных волокон. Но «буратинистая» чурка не сдавалась. Скрипя многочисленными основаниями глубоко вросших носатых сучков, она упорно сопротивлялась внешнему насилию.

Дед Иван озадаченно крикнул. Смахнув со лба влажную липкую испарину, он повернул упрямую чурку, выбирая место для рубки, продольно расположенное по отношению к сучку, где сопротивление удару топора было наименьшим. Но сделать это оказалось непростым делом. У его неуступчивого противника было целых пять сучков-носов. Три больших. Конкретных таких носяр. И два чуть поменьше. И все они выходили в разные стороны. На разной высоте закрученной деревяшки. Образуя своими основаниями прочное узловое соединение в самой сердцевине «буратинистой» чурки.

Наконец, подобрав наиболее подходящее место для нанесения сокрушающего удара, дед Иван облегченно вздохнул. Поплевав на ладони натруженных рук, он крепко обвил своими корявыми пальцами гладкое засаленное топориче, затем выпрямился, чуть приподнялся на носочки, занося тяжелый топор высоко над головой. И... с резким выдохом обрушил всю его мощь на неуступчивую деревяшку.

Теперь уже недовольно крикнул колун. Где-то в районе носка топора. И прочное берёзовое топориче мгновенно переломилось в самом его основании. Поверженная железяка сконфуженно отлетела чуть в сторону и с гулким звуком устало упала на холодную землю, заставив неудачливого дровосека удивлённо застыть на некоторое время в полусогнутом состоянии с неровно обломлённой деревянной рукояткой.

– Вот ведь... колобашка... моп твою ять, – досадливо пробормотал дед Иван, – добилась же своего... чурка... вредная.

Чурка же была явно не согласна с этим определением. Она восторженно стояла в позе победителя, горделиво вздернув вверх все свои упрямые сучковатые носы, и словно иронично улыбалась в лучах неяркого послеобеденного солнца, насмехаясь над неудачей деда Ивана. А чуть в стороне валялся поверженный железный насильник.

Дед Иван поднял опозоренный инструмент и стал внимательно разглядывать обломок рукоятки у основания топора, ища возможный скрытый дефект. Но выдавшая виды и одолевшая не одну сотню самых разнообразных чурок: ровных и закрученных, прямых и сучковатых, сухих и прелых, рукоятка была без видимых изъянов. Без сучков в месте слома. Без опрелостей и трещин. Без каких-либо дефектов деревянного изделия. В общем, нормальная рукоятка. Правильная рукоятка. Но как говорится, нашла коса на камень. Или топор на чурку. Сучковатую кручёную чурку. Неуступчивую и прочную, как камень.

Дед Иван обречённо вздохнул и уважительно посмотрел на стойкую деревяшку. Вынужденный перерыв в заготовке дров продлевал её существование в статусе непокорённой. На неопределённое время. Ибо ремонт орудия рубки требовал некоторых усилий. Во-первых, нужно было выбить из железного колуна остатки рукоятки, прочно заклиненной в топорном отверстии. И это было непростым занятием. Сам же дед Иван когда-то

усердно вбивал туда прочный берёзовый клин. И сделал он это на совесть. Да ещё перед каждой рубкой замачивал топор для более убедительной прочности. А во-вторых, ещё нужно было где-то найти прочное берёзовое топорщице. Самого большого размера. Под третий номер колуна.

А потому дед Иван отложил починку орудия своего труда на потом и открыл дверь невысокой бревенчатой избушки.

В избушке витал вкусный запах сушёных опят, разложенных на больших металлических противнях. Накануне дед Иван собирал их в ближнем лесу на старой вырубке. И теперь они дозревали у тёплой печи, распыляя божественный аромат осеннего деликатеса.

От души насыпав чёрного чая в керамический заварник с рисованной ягодой клубники на его пухлом боку, дед Иван оторвал несколько завяленных листиков душицы от травяного пучка, висевшего тут же, над плитой, и отправил их вслед за дружными китайскими чайниками. Несколько минут, и он уже размеренно отхлёбывал горячий чай из зеленой эмалированной кружки. Смачивая в ароматной жидкости кусочки сладкого рафинада и отправляя их в свой щербатый рот, дед Иван кряхтел и, жмурясь от удовольствия, приговаривал:

– Кхе-е, кх-е... о-о-о... кхе-е, кхе-е... хоро-оша.

Что или кто была «хоро-оша», никому не было известно, включая самого деда Ивана. Просто это была у него такая приговорка, обозначающая высшую степень похвалы.

Наслаждаясь вкусным теплом, плавно растекающимся по всем клеточкам организма, дед Иван размышлял о своих жизненных перспективах. Пока ещё тепло и сухо, он, не торопясь, починит колун. За это время берёзовые и осиновые чурки немного подсушатся на солнышке и ветерке, станут более податливыми, и он спокойно все их расколет. Включая и эту. Сучковатую. Поди и не такие кололись. Ну будут дрова чуть толще около больших сучков. И что? Лишь бы в топочную дверку прошли. А там огонь с ними разберется. И сгорят все. Вчистую. Без остатка. И ровные, легкие, и корявые, неуступчивые. За милую душу. Ещё и больше тепла дадут. От неуступчивых и сучковатых завсегда так. Тепла больше бывает. Энергия в них особенная, что ли. Скопленная в тугих спиральях прочных сучков.

Дед Иван отрешённо взглянул на отрывной календарь, одиноко висевший над кухонным столом. Именно этот календарь, листки которого дед Иван регулярно вырывал по утрам, уже давно автоматически и не задумываясь, позволял ему не терять текущее времяисчисление.

– М-м-м... однако... сегодня уже двадцать третье. Сентя-яб... моп твою ять... четверг, стало быть, – сделал он неожиданное для себя открытие. И тут же из этого последовал практический вывод:

– Надо бы баньку истопить... Плесень с души смахнуть... веником берёзовым. Сколько грязи-то человеческой... дерьма разного да срани всяческой... набилось туда... мо-о-оп твою ять, Го-осподи прости. За жизнь мою долгую... небезгрешную. Одной паркой-то и не обойдёшься. Да и вообще, возможно ли теперича отмыться... окончательно чтоб. Так... хоть чуток бы почиститься. Стыдобу свою смыть... пожизненную.

Дед Иван грустно вздохнул, не спеша допил свой чай и приступил к реализации задуманного.

Прихватив из дровяника охапку хорошо просушенных берёзовых дров, он аккуратно сложил их в предбаннике. Затем принёс несколько осиновых полешек: обряд четверговой бани требовал, чтобы последним в печь клалось осиновое полено. И у деда Ивана для этой цели всегда было припасено необходимое количество отборных осиновых дров.

После этого он надрал немного бересты и поместил её на колосник, ближе к топочной дверке. Сверху и чуть в глубину топки дед Иван разложил принесённые дрова. Сначала поменьше. Берёзовые вперемежку с тонкими осиновыми, чтобы лучше занялся огонь. А уже выше этой конструкции своё законное место заняли дрова покрупнее, в том числе и кручёно-сучковатые.

Полюбовавшись творением дровяного зодчества, сделанным по всем правилам истопного искусства, дед Иван приподнялся и вынул чугунную вьюшку. Затем он достал из-под листовенничной седушки спичечный коробок и запалил выстроенную им деревянную конструкцию. Береста занялась сразу. Она запылала с радостным шипением, выплёвывая чёрный дегтярный дым. Огонь неудержимо запрыгал по хорошо просушенным дровам. Закрыв топочную дверку и максимально распахнув поддувальную, дед Иван дождался равномерно-устойчивого шума печной тяги. После чего он прикрыл поддувало, оставив небольшой зазор, обеспечивающий доступ необходимого объёма воздуха.

Удовлетворённый достигнутым результатом, дед Иван немного постоял около ожившей каменки, весело задышавшей всеми своими дымоходами. Затем отправился за водой. И хотя бачок был почти полон, а в предбаннике стояла ёмкость, наполовину заполненная холодной водой, пару вёдер принести ещё следовало. Впрок.

Выставив ледяную колодезную воду в предбаннике, дед Иван полез на чердак, где у него была развешана всякая растительная всячина. От сушёной травы и разных кореньев до берёзовых и можжевельных веников. Он выбрал средних размеров объёмный берёзовый пучок из отдельно висевшей группы веников, специально заготовленных для четверговых бань. Эти веники в соответствии с обрядом дед Иван вязал сразу после Троицы.

На Руси сложились особые отношения к баннным традициям ещё с далёкой древности. И покорённые племена платили дань не только золотом, серебром и пушниной, снедью и ремесленными изделиями, но и берёзовыми вениками.

Обычно дед Иван долго ходил по берёзовому подлеску, густо разросшемуся на краю таёжного леса, выбирая подходящие деревья. Высматривал особые берёзы. Не маленькие, а уже набравшие силу. Но и крупные, плакучие обходил стороной. Листва у таких деревьев хоть и была обильной и мягкой, но веники не держали формы и всегда разваливались. Дед Иван искал молодые крепкие берёзы. Ровные, одноствольные. Больные и корявые не годились. Двустволки тоже.

Подобрав подходящее дерево, дед Иван срезал ветки с тонкими, но крепкими стебельками, прямые и хорошо облиственные. И тут же вязал из них пышные, но небольшие берёзовые пучки. Вязал парами. После чего закидывал на плечо короткую берёзовую жердину с навешанными на неё с двух сторон свежеприготовленными вениками, и неспешно кивлял в сторону дома. Дед Иван не стремился делать веники объёмными, поскольку они всё равно были одноразовыми. После четверговой бани использованный веник следовало обязательно сжечь. Вместе с ним нужно было сжечь и старое исподнее, которым требовалось обтирать после банной процедуры мокрое тело вместо обычного полотенца.

Да и мыться-то в такой банный день не полагалось. В традиционном смысле. С мылом, мочалкой и прочими банно-прачечными атрибутами. Поскольку очищающему воздействию подвергалась не столько телесная структура человека, сколько его внутренняя составляющая. Пар забирал в себя все её нечистоты. После четверговой бани человеку нельзя было желать лёгкого пара.

Принимать четверговую баню следовало в полном одиночестве. Наедине с самим собой.

Свежий берёзовый веник выбивал и выметал гной и плесень человеческой души, пар собирал всю эту гадость, а травы обрабатывали оголившиеся душевные раны. Молитвы же направляли процесс врачевания. И всё это должно было лечить больную человеческую душу. А уже через неё изгонять хворь и немощь из всего тела.

Всё это. Да воля Господня.

Да добрая помощь местного обитателя сосновой бани... банника Вовы.

Банник Вова – это особое явление. Он вселился сюда сразу же после того, как дед Иван, завершив сборку банного сруба, закрыл его двускатной крышей, а местный печник Тимоха сложил небольшую каменку. Банник Вова словно специально ожидал окончания строительства. Как только дед Иван навесил сосновые двери, так и появился внутри банного домика его новый постоянный обитатель – банный домовой.

Характер у банника Вовы был непростой. Капризный. Но в целом справедливый. Плохих людей, которые, случалось, парились в бане, сильно не уважал. То бывало кипятком ошпарит. То чистую одежду, висящую в предбаннике, вымочит: возьмёт и сбросит сухие трусы в бак с холодной водой. Дед Иван уже стал таким образом и к людям приглядываться. Если банник Вова выкинет какой-нибудь фокус по отношению к посетителю, значит, не чист тот человек на совесть.

Не любил Вова и беспорядка в бане. Если оставишь мочалку на полке, обязательно сбросит её на пол, а то и вовсе между досок, в сливное отверстие. Нечего, мол, бардак разводить во вверенном ему заведении. Сразу прибирай на место, вешай на гвоздик у печи для просушки. А то если оставлять мокрую вехотку, доски вмиг почернеют и гнить начнут. И качество жизни местного обитателя сильно ухудшится.

А тут как-то пол в парилке начал подгнивать. Не один год он достойно нёс банную службу, но время не пощадило толстые сосновые плахи. Так банник Вова и прогревать его не стал как следует. Бывало, и баню долго топишь, а пол всё равно холодный. И продолжалось это до тех пор, пока дед Иван не сменил прелое половое покрытие. Досок-то на замену и не было вовсе. Пришлось выбирать из горбыля, что попримичней. Выпиливать под размер. Затёсывать сучки и бугры в местах, соприкасающихся с лагами. Стёсывать края. Затем настраивать рубанок и всю внешнюю поверхность протрагивать. А как это делать обычным ручным рубанком по неровно лежащему на верстаке горбылю? Уж дед Иван и подкладывал под выпуклые горбылявые доски разные кусочки деревяшек и щепы, и делал хитроумные конструкции упоров, в общем, намучился будь здоров. Зато теперь банник Вова был доволен. Стоило чуть подтопить печь, а в парилке пол уже такой тёплый, аж ногам радостно. Ходишь – не находишься: уютно и благодать. Даже холодной зимой нагревался быстро.

Имя своё банник Вова получил неслучайно. Как-то поначалу дед Иван, находясь в предбаннике, услышал сильный грохот в парилке. Он зашёл туда и, увидев мокрый пол от обильно разлитой воды, удивлённо произнёс: во-о-о. И тут же, заметив лежащий под полком опрокинутый оцинкованный таз, недоуменно воскликнул: ва! Действительно, было непонятно, по каким таким законам физики таз смог так опрокинуться, чтобы при этом переместиться с поверхности полка непосредственно под него. Да и вообще почему он должен был опрокинуться, наполненный водой? Вот дед Иван и смекнул, что не иначе это проделки банного домового – банника. Так или иначе два междометия, «во» и «ва», прозвучали слитным созвучием

«во-ва», соответствующим имени Вова. С этим именем, по-видимому, согласился и сам банник: он довольно забулькал водой, утекающей в сливное отверстие между досками пола. С тех пор дед Иван обращался к обитателю сосновой бани не иначе, как банник Вова.

Спустившись с чердака, дед Иван заглянул в парилку.

– О-о-о... хоро-оша... хоро-оша, – довольно пробурчал он, осязая, как тепло наполняет маленькое помещение парной, растекаясь густыми волнами по пахучим смоляным доскам.

– Давай, банничек... давай, Вовчик... давай, родной... разогревай как следует, – ласково приговаривал дед Иван, черпая ковшем горячую воду из металлического бачка.

– На тебя вся надежда... mop твою ять, – добавлял он, медленно поливая этой водой берёзовый веник, опущенный в круглую оцинкованную шайку.

Дед Иван всегда заранее замачивал веники. В горячей воде. Но не кипятком в самый момент парильной процедуры. Венику нужно было дать настояться. Тогда он хорошо держал листву и щедро одаривал жаром.

Тщательно промочив и размяв берёзовый веник, дед Иван оставил его доходить в шайке с горячей водой, а сам приступил к уборке. И хотя в парилке и предбаннике и так было чисто, ритуал четверговой бани предполагал подготовку банных помещений. Да и банника надо было уважить. Показать, как ты к нему хорошо относишься. Тогда и он отнёсется к тебе с пониманием и заботой. Одарит любовью и теплом.

Во время четверговой бани говорить с кем-то можно было только после окончания всех банных процедур, когда переступишь порог бани и закроешь дверь на замок. Однако при подкладывании дров в топку печи, помывке полов, уборке помещений, замачивании веников и прочих подготовительных работах требовалось проговаривать молитвы. Любые. Но дед Иван и молитв-то толком никаких не знал. Не мог он заучить их сложный церковный диалект. А ходить с бумажкой в бане и зачитывать записанный на ней текст было как-то не с руки. Стоило только представить себя полуголым, в очках, с клочком бумаги в левой руке и со шваброй в правой, бубнящего по слогам фрагменты святого писания, как становилось не то смешно, не то грустно.

Да и как простой сибирский мужик дед Иван привык рассчитывать в основном только на свои силы. Суровая жизнь в непростых таёжных условиях приучила его к этому. Вот и бормотал он себе под нос что-то типа Господи, прости, добавляя иногда: «раба божьего твоего Ивана». Вот и вся его молитва. Ну и когда охаживал себя веником в парной, приговаривал «избавь мя от грязи души и тела моего», обращаясь при этом не то к Богу, не то к баннику Вове.

Вот и сейчас, засунув в топку каменки сухой берёзовый камелёк, дед Иван пробормотал: «О Господи, прости мя, грешного». И подумал: «Да может ли обычный человек жить без греха-то. Уже одно житие его – грех сплошной. А что есть, если не убить животину какую-нибудь, тварь божью, или овощ не сгубить. А как тепло добыть, если не истопить печь, спалив при этом кусок невинного дерева?» – он вспомнил про упрямую «буратинистую» чурку. «Да и кто может быть безгрешным в этом большом греховном мире?.. Разве что сам Господь. А человек?.. Человек – нет!» Дед Иван вздохнул и начал усердно елозить самодельной шваброй по и без того чистым сосновым половицам.

В каменке весело потрескивали берёзовые дрова, баня наполнялась живительным теплом, а дед Иван, помыв пол и прибрав в предбаннике, доложил в топку ровное осиновое полено. Последнее. Теперь следовало

дотопить печь и закрыть вьюшку. После этого можно было приступать к баннным процедурам. Дед Иван заглянул в парилку, проверил воду в нагревательном бачке, помял веник, наслаждаясь его свежим берёзовым духом, довольно пробормотал что-то типа мо-оп твою ять... Господи прости, добавил слова благодарности: спасибо тебе, банничек и слава тебе, Господи и вышел во двор.

Солнце уверенно клонилось к закату. Спокойный сентябрьский день невозвратно скатывался в историю. Для кого-то он прошел рядовым событием. Для кого-то оставил глубокие отметины в человеческой памяти. Радостные или печальные. Каждый день – это многогранник, одаривающий конкретного человека светом одной из своих граней. Какая грань высветит сегодня именно тебе – никто не может знать. Всё зависит от того, кто бросает эту многогранную кость, и что выпадет каждому из нас в результате этой неслучайной игры.

Дед Иван стоял у жердяного забора, вдыхая сочный воздух уходящего дня. Сочный, потому что был он богато пропитан живительным кислородом хвойного леса: тайга была совсем близко. Она подступала с трёх сторон, осаждая небогатые рубленые постройки деда Ивана. Но что-то мешало ей поглотить эти строения, то ли осторожность к представителю агрессивного человеческого рода, то ли приняла она этого незлобного одинокого старика за своего. А потому и не трогала его, не обижала. Наоборот, щедро одаривала ягодами и грибами, целебными травами и кореньями, кедровыми орехами и боровой дичью. Всем тем, чем была богата матушка природа.

– Э-эх... пропущу закат-то, однако... мо-оп твою ять, – досадливо рассуждал дед Иван, – не узнаю климат... на завтра. Непогодь будет... али ведро. Ветрено али нет.

Словно сочувствуя ему, присевшая на изгородь чуть в стороне сорока наклонила набок голову и внимательно посмотрела на деда Ивана.

– У-у-у... шалава... высматриваешь что-то... моп твою ять, – беззлобно проворчал дед Иван и, махнув рукой, потребовал: – Летай отседова.

Но длиннохвостая сорока даже не шелохнулась, продолжая внимательно рассматривать деда Ивана.

– Вот ведь... настырная тварь божья. Поди ж на самом деле... заприметила что-то, – уже особо не возражая против такого соседства, проговорил дед Иван.

– Однако, моп твою ять... пора... баньку проверить, – вспомнил он о своём основном занятии.

Вернувшись в баню, дед Иван заглянул в топку: красных углей уже не было – дрова выгорели полностью. Тогда он прикрыл дымоход, поставил на место чугунную вьюшку. Теперь каменка должна была постепенно отдавать накопленное ею тепло.

После этого дед Иван принёс большой ситцевый мешок, который в прошлой своей жизни был обычным пододеяльником. Когда-то от старого рваного пододеяльника была выделена относительно хорошо сохранившаяся его часть. Некоторые огрехи ткани были заделаны разноцветными латками. И теперь эта часть старого пододеяльника реинкарнировалась в своей новой жизни в мешочек, приспособленный для хранения сборов из сухих трав.

У деда Ивана и состав-то трав был особенным. Он не использовал только одну траву, а всегда запаривал некоторую их комбинацию. Сложный симбиоз ароматов и благовоний. Удивительное сочетание целебных и оздоровительных свойств. Эти оригинальные рецепты травяных сборов были наследием родовых знахарских знаний, полученных когда-то им от его родной бабки-травницы. Не всё, конечно, он помнил и знал, но некоторые

применял постоянно. Вот и сейчас вывалил дед Иван из ситцевого цветастого пододеяльника на банный полок объёмную кучку травяного сбора.

И чего здесь только не было: чернобыльник и марь белая. Жабья трава, мышьяная репка и заячья капуста. Спорыш-конотопка, котовник и пастушья сумка. Веточки-крылья папоротника-орляка и пятилистники болотного сабельника. Сороканедужница и чихотник иволистный, золотушная трава и окопник-костолом. Мелкие веточки багульника – проверенного средства против ломоты и тугоподвижности суставов. Противоотёчные соцветия синего василька и противоревматическая огуречная трава.

И вся эта замысловатая комбинация листочков и веточек, соцветий и цветочков эффективно боролась с различными недугами человеческого тела, оказывая целительное воздействие не только при наружном соприкосновении с поражёнными участками, но и при вдыхании исцеляющих паров этих многочисленных растений.

Дед Иван равномерно распределил по полку высыпанную им из мешочка травяную кучку. Довольно взглянув на получившийся ровным слоем сухой смеси, он чуть наклонил голову вправо и удовлетворённо промолвил:

– Во-о-о... хоро-оша... моп твою ять.

Затем, завязав свой объёмный пододеяльничковый мешок, отправился за следующей порцией трав.

Следующая порция трав находилась в цветастом мешочке, который в прошлой своей жизни был обычной наволочкой. И в этом мешочке-наволочке хранилась смесь ядовитых трав. Дед Иван хорошо усвоил за свою долгую и нелёгкую жизнь, что зла без добра не бывает. И наоборот. Очень часто излишнее добро превращается в зло. Капелька же зла всегда бывает во благо. Надо только знать, каков размер этой капельки.

Это как в русских народных сказках: прежде чем врачевать раны живой водой, их следовало окропить водой мёртвой. Плеснуть пригоршню зла. На живую боль. Убить её. Только зло убивает зло. Добро же на это не способно. По определению.

Зло можно победить только злом! Так когда-то учила деда Ивана его мудрая бабка-травница, леча ядовитыми травами безнадежно больных и немощных, поднимая на ноги смертников. Дед Иван хорошо усвоил её уроки, но не унаследовал от своей прародительницы особого целительского чутья, позволяющего ощущать тонкие нюансы человеческой хвори. Потому-то сам и не стал ведуном-знахарем.

Сложив из своих узловатых корявых пальцев некое подобие ковшика, дед Иван аккуратно отмерил небольшую порцию ядовито-полезной смеси.

В этот состав входили травы с разной степенью ядовитости. Здесь была и рыцарская шпора – рогатые васильки. Растение, обладающее курареподобным действием. И ядовитый болиголов. И куриная слепота – белена чёрная. Её пары убивали астму. Дед Иван помнил, как его знающая бабка делала «курево» для лечения чахоточных. В тот курительный сбор она клала чёрную белену, дурман, шалфей и что-то ещё, о чём дед Иван уже запамятовал. Но и этих трёх составляющих было достаточно, чтобы получить поразительный результат в борьбе с лёгочным недугом.

В смесь ядовитых растений входила дымянка, убивающая чесотку, параличник – очень ядовитое растение, уничтожающее опухоли, чистотел – губитель бородавок, папиллом и всякой подобной гадости, и некоторые другие травы.

Затем дед Иван сходил за третьим мешком, тоже бывшей наволочкой. Но в отличие от предыдущей наволочки, она была без рисунков, просто

белая подушечная наволочка. В этой наволочке-мешке хранилась смесь душистых ароматных трав: соцветия тысячелистника с приятным бальзамическим запахом, жёлтые цветочки-пуговички пижмы с характерной камфорной интонацией, пирамидальные золотисто-жёлтые метёлочки подмаренника, имеющего медовый вкус, репешок со слабым горьковато-терпким, пряным запахом. Здесь были и ромашка, и душица, и любимая славянскими народами богородская трава – чабрец с сильно пахучими листьями. До сих пор в деревне деда Ивана употребляли эту траву для окуливания помещений и напуганных детей.

Пока дед Иван производил свои манипуляции с травами, баня продолжала равномерно прогреваться, и уже коварный пот злорадно сочился в дедову рубаху. Каменка активно отдавала тепло, вытесняя ещё притаившиеся у самого пола, по его отдалённым углам, порванные банным жаром жалкие лохмотья холодного духа. Постелив сверху разложенной по полку многоцелевой травяной кучи чистую ситцевую простынку, дед Иван обтёр рукавом рубахи мокрый лоб и, зачерпнув полный ковш горячей воды, обильно полил этим кипятком всю травяную конструкцию. Несколько секунд – и помещение парной наполнилось невообразимым ароматом разнотравья, запахом июльских лугов и благовонием лесных полянок. Дед Иван глубоко и жадно вдохнул насыщенный травяными кумаринами и цветочными флюидами тёплый воздух и удовлетворённо пробормотал:

– Хоро-о-оша... мо-оп твою ять.

И подумав, добавил:

– Вот ведь... моп твою ять... благодать-то какая.

Затем он вышел в предбанник и, скинув с себя нехитрую одежонку, остался в первозданном виде, в чём, как говорится, мать родила. Мать же его родила, как было принято у них в деревне, голым.

Теперь можно было идти в парилку. Преть и потеть. Но дед Иван не вчера родился и знал толк в настоящей русской бане. А потому он снял висевшую на гвоздике в предбаннике старую шапку-ушанку и, аккуратно расправив её, плотно нахлобучил этот головной убор на свою седовласоплешивую старческую голову. Так дед Иван защищал свой мыслительный орган от крутого банного жара. Так когда-то оберегал свою голову от настоящей паровой атаки и его родитель, и уже в далёком прошлом его дед. Жизнь определила опытом предыдущих поколений, что обычная зимняя шапка-ушанка являлась самой надёжной защитой для человеческой головы от всепроникающего банного жара.

Дед Иван поправил нательный крестик, перекрестился, пробормотал: «Господи, благослови... ну Вовчик, подсобляй... мо-оп твою ять». И вошел в парилку.

Сначала он расположился на приступке, привыкая к «тропическому» климату своей парной. Немного освоившись, дед Иван приподнялся и взобрался на полку. Там наверху, у самого потолка, он удобно устроился, опустив ноги вниз и откинувшись спиной к деревянной стенке банного помещения.

Он сидел на травяном поле, поверх влажной ситцевой простыни и наслаждался мягким ароматным теплом, окутавшем его тело. Сидел и наслаждался. А мысли тем временем застучали под темечком, выбивая из потаённых закоулков памяти далёкие воспоминания.

Когда-то...

Когда-то радостно ворвался он в эту, казалось бы, бесконечную человеческую жизнь. Весёлый и бесшабашный, переполненный неудержимой энергией молодости. Как на разгорячённом боевом коне, он летел

по жизненному полю. Лихо, размахивая острой пашкой, рассекающей пространство и время, сметая всё на своём пути, разгоняя волчи своры и стаи воронов, преодолевая на полном скаку непреодолимые преграды.

И несся он во главе свистящего и радостно улюлюкающего эскадрона своих сотоварищей. Таких же сорви голова, вырви глаз, прочисти содержимое черепной коробки, как и он.

Но оказалось, что в жизни кроме видимых противников существует много скрытых врагов. Они действуют исподтишка, дожидаются в засадах, расставляют коварные мины-ловушки, наносят неожиданные удары в спину.

И попал дед Иван в зону плотного перекрёстного огня. Изрешетило его вдоль и поперёк, сбросило с боевого коня, раскидало верных друзей-сотоварищей. Кому-то тоже жестоко досталось, а кто-то просто трусливо спасся бегством.

Самое печальное, что в этой бесшабашной рубке досталось не только врагам, но и правильным людям.

И не всегда руки у деда Ивана дружили с головой, а голова с руками. И не всегда они были друзьями. Часто находились в контрах. То руки отказывались помогать своей же голове. А то и голова дурела и не давала покоя своим ногам, загоняя их и соответственно весь организм на разные «бамы» – стройки века, заставляя топтать бескрайние снега Крайнего Севера, бесконечные просторы Заполярья.

И может быть, только сейчас пришли они, главные составляющие его организма, к некоторому устойчивому компромиссу, принципу мирного сосуществования, достигая иногда полного равновесия, особенно здесь и сейчас, на верху банного полка, как несмышлёные волчата с рваными ушами, научившиеся уважать друг друга после жестокой драки.

И вот сидит он, дед Иван. Один. И нет у него ни врагов, ни друзей. Хотя скрытые враги, наверное, остались. Наверняка остались. А друзья? Скрытых друзей не бывает.

Да и нужен ли кто ему?

А он кому?

– Э-э-эх... хе-хе... мо-о-оп... твою-ю... я-ять, – дед Иван вынырнул из глубокого омута тяжёлых размышлений.

Когда вязнешь в месиве своих тягучих мыслей, погружаясь в них целиком, время летит незаметно. Когда же нарочно ждёшь чего-либо, время вытягивается в длинную сосульку, и ты не можешь дождаться, когда же наконец эта сосулька оторвётся от карниза твоих ожиданий.

Оказывается, дед Иван уже достаточно долго восседал на своем козырном месте. Обильный пот стекал тоненькими ручейками по лицу, рукам, всему телу, вот только ноги почему-то так не потели. Уже пора было сделать перерыв и выйти охладиться. Но дед Иван решил ещё чуток повременить и прилёг на спину, давая пропитаться разгорячённому телу целебным травяным духом. Однако эта процедура длилась недолго – чувствуя, что предел уже рядом, дед Иван облился холодной водой и переместился в предбанник.

Через некоторое время, охладившись и восстановив равновесие своего организма, он вернулся в парилку.

Здесь дед Иван вытащил берёзовый веник из шайки с горячей водой, окунул его в холодную воду и, стряхнув, положил на полок, чтобы веник не был слишком горячим и принял температуру окружающего воздуха. После этого дед Иван зачерпнул ковшиком тёмно-коричневую пахучую заварку, получившуюся от замачивания веника, и тут же плеснул содержимое ковшика на раскалённые валуны каменки. Насыщенный пар

с ярко выраженным запахом берёзовой листвы вырвался на свободу. Дед Иван присел на корточки и наклонил голову, ожидая ближайшей паровой атаки. Отразившись от поверхности потолка, паровой поток ринулся вниз, наткнулся на дедову ушанку и, окутав разопревшее и раскрасневшееся тело старика, распределился в ограниченном пространстве небольшой парилки.

– Ого-о-о... моп твою ять, – произнёс дед Иван, выдержав паровой жар, – хоро-о-оша!

Затем он распрямился, взял веник и со словами Господи, благослови начал осторожно водить им по всему телу, как бы равномерно распределяя густой берёзовый жар по всей его поверхности.

Потом поставил правую ногу на приступок и стал её обмахивать, постепенно увеличивая интенсивность и силу ударов. Миллионы мелких иголочек вмиг пронзили кожный покров. И вот уже дед Иван яростно выбивает застарелую боль из коленного сустава, тугие последствия голеностопных травм.

– О-о-о... хоро-оша... хоро-оша, – радостно сопровождал он свои интенсивные действия.

То же дед Иван проделал и со второй ногой. И только после того, когда тело уже смогло выдержать парильный зной, а сила жара немного ослабела, переместился выше. Выполнив аналогичные манипуляции по отношению к плечам, спине и животу, он облился холодной водой и вышел в предбанник.

Немного отдохнув, дед Иван совершил ещё один заход в парилку. На этом и остановился.

Тяжело дыша, раскрасневшийся, чувствуя, как сильно стучит сердце, готовое покинуть место своего обитания, но очень довольный, дед Иван обтёрся полосатой половинкой от старой тельняшки и бросил её на жестянку у печной топки. «Завтра вместе с веником сожгу», – подумал он.

«Многие делают четверг баннным днем... просто так... для помывки, – продолжал размышлять дед Иван, – а о том, что корни лежат глубже, даже и не задумываются. А Чистый четверг Великого поста? Все это звенья одной цепи – очищения человеческой души от гнили и паразитов разных».

Он накинул на себя любимую чистую рубаху в большую клеточку, пробормотал слова благодарности «слава те, Господи» и «спасибо тебе, банничек» и вышел из бани.

Здесь он повесил замок и для пущей убедительности подпёр дверь осиновым поленом: пусть вся нечисть изойдёт там, внутри.

Сумерки ранней осени уже вытеснили тёплый день бабьего лета из окружающего пространства большого двора, но было всё ещё хорошо видно. «Как белой ночью на Севере», – подумал дед Иван, вспоминая свои далёкие полярные будни.

Он прошёл мимо пирамидки свежесколотых дров, среди беспорядочной россыпи берёзовых и осиновых деревяшек. Взгляд выхватил одиноко стоящую «буратинистую» чурку, которая достойно сопротивлялась сегодня и отвоевала право на существование. И память о себе.

Человек без внутреннего стержня что чурка без сучков, колетса легко даже от одного несильного удара судьбы. Как непрочная деревяшка, разваливается на отдельные полешки, не оставляя после себя ни щепы, ни воспоминаний.

От волевого же человека даже топор судьбы не выдерживает, ломается.

Дед Иван окинул задумчивым взглядом окружающую жизнь с её уходящим закатом, философски вздохнул и молча шагнул в дверной проём своей избушки.

ПОЭЗИЯ

Ольга ГУЛЬТЯЕВА

Дом

Дом стоял отрешённо в лучах заката,
Щуря тёмные окна от искр последних.
Вспоминал. И в мечтах уплывал куда-то –
Недоступного прошлого дух-наследник.

Дверь навеки впитала тепло ладоней,
Пол хранил детских ножек босую память,
На завалинке – ветер гулял, цвёл донник...
Дом подумать не мог, что его оставят.

Но опять, темнотой обнимая крышу,
Ночь тихонько ему, приходя, шептала,
Что нельзя жить иллюзией. Он не слышал.
Привыкал быть для прошлых миров порталом.

Дом вздыхал и антенной тянулся в небо,
Дождь смывал с хмурых окон скупые слёзы.
А по стенам скользили полночным бредом
Тени снов – отраженья сомнений поздних.

Проснулся город

Не вовремя проснулся город,
Я мимо шла, я забывала,
На душу опустив забрало,
Я осторожно миновала
Всех, кто когда-то был мне дорог...
Не вовремя проснулся город.

Всё мимо: радости, печали...
Неловко шлёпая босыми
Ногами по камням, по грязи,
Следов не замечая вязи,
Я забывала даже имя...
И бесконечными ночами
Всё мимо: радости, печали...

Я шла, неся уснувший разум...
Но вдруг проснулся суматошный,
В бетоне распахнув окошки,
Нелепый город. И подвздошно

Я ощутила это сразу...
Хоть шла,
неся уснувший разум.

И над булыжной мостовой
Чуть видно, робко, отрешённо
Скользнул рассветом
луч зажжённый,
И светофор мигнул зелёным...
Как будто брызнули живую
Прозрачной талою водою
По-над булыжной мостовой.

Я не дошла до невозврата...
Так вовремя проснулся город,
Лучами ранними распорот.
И отпустил забвенья холод,
И отодвинулась расплата –
Я не дошла до невозврата.

Птицелов

Птицелов, ты напрасно развешивал сети
И садки расставлял в ожидании птиц.
Здесь давно не летает никто, даже ветер
Истрепался и пал обессиленно ниц.

Еле слышно шурша и сверкая песчано
В душном мареве сонных зыбучих пустынь,
Зачарованной стаей кочуют барханы.
Оглядишь, птицелов. Оглядишь и остынь.

Нет ни райских садов, ни парящих над ними
Неприрученных птиц, нерастраченных слов...
Остаются и сети, и строки пустыми
На земле, где хозяйничает змеелов.

Время признать

Время молиться
и время молить,
Время прощаться и время
прощать...
Рвётся отчаянно-тонкая нить,
Камень вдогонку пускает праца.

Время забыться и время забыть,
К людям спускаться,
обиды спускать...
Только невнятны в потёмках
мольбы,
Но оглушительна ясность курка.

И возноситься, но всё ж
возносить,
Вновь возвращаться, опять
возвращать...
В городе воздух с утра моросист,
И не спасают объятья плаща.

А под плащом вдохновен
и двукрыл,
Хмарь пробивая, слепит белизна...
Время укрыться и Землю укрыть.
Время признаться.
И время признать.

Грусть

Мне грусть – в наследство от берёз,
Что в зеркала озёр глядятся,
От звёзд невидимого танца,
От ветра, что листок унёс.

Мне грусть – в наследство от рябин,
Хранящих ягоды к метели,
Чтоб в замороженной пастели
Сверкнул живительный рубин.

От тихой речки средь полей,
От васильков, во ржи цветущих,
От заповедной старой пущи,
От грустной родины моей.

Осень, ты не права

Под брэнчанье гитары
Листьев слышится вздох,
Дворник пьяный и старый
В парке мусор поджёт.
И бурчаньем нескладным
Треск огня перекрыв,
Он в листочек тетрадный
Отсыпает махры.
Три аккорда – три жизни,
Самокрутка взятяг...

С тротуаров отчизны
Листья хмуρο метя,
Дворник сплюнет беззлобно
И тихонько вздохнёт,
На пригорке на лобном
Осень спишет в расход.
На тетрадном листочке
Горько тлеют слова,
Оставляя лишь точки:
«Осень, ты не права...»

Бесконечность

Мне Ваше имя незнакомо...
Да Бог с ним, в имени ли дело...
Я жёлтый лист, судьбой влекомый,
То здесь, то с ветром улетела.

Свиданья наши мимолётны,
А расставанья бесконечны,
Хранитель истин мой почётный
И понечётный ангел встречи.

И если вдруг ещё случится
Нам пересечься в мире этом,
Я к Вам явлюсь осенней птицей,
Закатом бархатным согретой.

В кормушку будут падать листья,
А может даже крошки снега.
И шорох скроет тихий выстрел...
И станет бесконечным небо...

Осеннее

Ржавью тронуты листья,
Истекают их сроки.
Осень бережно кистью
Дарит свет одиноким.

Свет неяркий, неброский:
Ни зажечь, ни согреться...
Травы стелются росно,
Память плавится в сердце.

Ржавью тронуты души
Лишь вчера молодые,
После замков воздушных
Отрезвляет стихия.

Предзакатным волнением
Зарифмованы строки...
В этой ржави осенней
Мы уже одиноки.

Город глухих

Это город глухих, в нём легко умереть.
Вот остаться в живых – непростая задача.
И беспомощный стих, как листок в сентябре,
Содрогнулся, затих, от бессилия плача.

Это город утрат и несбывшихся снов,
Пересыпанный пеплом надежд и проклятий.
Как закон – невозврат, для свиданий – окно,
Словно стих не допет, словно умер ваятель.

Это город незряче-распахнутых глаз,
И жильцы, и дома равнозначно незрячи.
И рассудок горячий споткнётся не раз
Там, где вечно зима снежно-пепельно плачет.

Это город глухих, это город слепцов,
Где тебя не найдут, потому что не ищут.
Что стоишь и притих? Разрывай же кольцо!
Уходи и забудь. Или станешь здесь пищей.

Затерянные острова

Затерянные острова
В необозримых океанах –
Там ластится к земле трава,
А воздух вечерами пряный.

Там звёзды – руку протяни –
Насобираешь полный туес,
Висят доверчиво они,
Сверкая жарче поцелуя.

Там время вовсе не бежит:
Остановилось и зависло,
А гор крутые этажи,
Застывшие в пространстве мысли.

Они открыться не спешат,
В своём отшельничестве святы,
И миру не принадлежа,
Качаются на волнах мятных.

Природа, как всегда, права,
Разъединив осколки суши.
Затерянные острова –
Как заблудившиеся души.

Маргарита ЧЕКУНОВА

Ангел-хранитель

Когда твой взгляд становится холодным
От той тоски, что селится внутри,
И зависть, вкравшись с видом благородным,
Тебе кричит: злорадствуй и замри,
Когда ты сам себя не принимаешь,
И сам себя в отчаянье зовёшь,
И невзначай хрустальное ломаешь,
Впадая в очистительную дрожь,
Когда легко забыть о самом важном,
Лишь злой закон твердит тебе: спеши!
Когда в движенье бросившись отважно,
Не видишь в том движении души,
Когда вся жизнь перечит и ломает,
И мир не прав, и в светлом видишь тьму,
Когда никто тебя не понимает,
Ты слышишь чей-то голос: «Я пойму».
Когда от грустных глаз неугомонных
Не оторвать усталых влажных рук, –
Конец! Но мнятся в мыслях возбуждённых
Обрывки тихих слов, слетевших вдруг.
Когда в борьбе, заботе или горе
Дни напролёт идут, обречены,
Ты ощущаешь – кто-то есть с тобою,
И видишь утешительные сны.
И вскоре тает тот туманный, зыбкий,
Неукротимый, злой круговорот,
Лишь только тень неведомой улыбки
Зерном горячим в сердце упадёт.

2012 г.

* * *

Месть-озноб. Тропинками
Водит лабиринт.
Яростно, с запинками
Кружит ржавый винт.
Ломятся тростинками
Мысли-тополя.
Кто ходил тропинками?
Я или не я?
Триумф ли, поражение –
Шаг через края!
Кто там в отражении?
Я или не я?
Подлости и колкости –
Меч без остря...
На задетой гордости
Вертится земля?

* * *

Рыжий кот опрокинул
прыжком бадью.
Дремлет крашенный улей.
Звенит в трубе.

В этом доме не любят, как я пою.
Мне сказали, что петь по ночам –
к беде.

Здесь всё будет, как прежде.
Как чародей,
Кружит ветер потрепанный
календарь.

В этом доме смешно от моих идей.
Негасимая звёздочка, не предай.

Я читаю, прижавшись
лицом к стеклу.
Буквы нервно сливаются с пеленой.

Мне сказали, что вредно читать
в углу,
А ещё что я стану плохой женой.

Сжались сумерки,
ветрены и глухи.
Мои сны – как сорвавшийся
метеор.

В этом доме не любят мои стихи.
Наш подсолнух плечом
подпирает двор.

Хмурым всадником высится
частокол,

Словно хочет спасти
от чужих примет.

Синий вечер, окошко, огонь и стол,
Полусумрак и стены. А дома нет.

Сиреневый тюленёнок

В краю ледяных скоплений
И древних оленьих гонок
Есть в стаде седых тюленей
Сиреневый тюленёнок.
Тюлень – не сторонник пустой суеты.
Но если детёныш за четверть версты,
Разносится рокот тюленевый:
«Сиреневый он, сиреневый!»
Он прячется в скалы от рыб и воды,
Шершав ему лед и колок.
Должно быть, из царства
Полярной звезды
Сиреневый брошен осколок.
И пряча расцветку, что нет на земле,
Стремясь сократить расстояние,
Он ищет отметку на звёздном весле
И верит, что вспыхнет в сиреневой мгле
Сиреневое сияние.

Две шпаги

– Незащищённость и сарказм.
Для юных плеч не груб ли плащ?
– Вы отвечаете отказом?
– Что делать: смеяться или плачь.
– Быть плоским – новая манерность?
– Всё невозвратное – смешно.
Две шпаги: я и современность.

* * *

Борясь, не плаваются в одно.
Неизвестные,
Они не мелькали с акциями
В средствах массовой информации.
Не рассуждали с неподвижными лицами,
Они отвергали реинкарнацию,
Не считали достоинством свою эрудицию,
Верили в отдачу, а не в амбиции,
И защищали свои позиции
С какой-то почти неосознанной грацией.
И их было мало,
И город был мал.
О них так никто и не знал.

Первопроходцы

Родники, кристальные колодцы
Мы идём искать во все концы.
Нам казалось, мы первопроходцы,
И нередко новые творцы.

Продлевая путь, который начат,
Мы бредём в алеющую даль.
Мы кладоискатели, а значит,
Нам не взять подделанный янтарь.

Наш маршрут причудливый и сложный,
По наитью освещённый путь.
Образ зыбок. Всё, что зыбко, можно
Заморозить, сжечь или спугнуть.

Наш маршрут изрезан трассой мнений.
Материал для совести резца.
Поручаем жечь углям сомнений
Наши неприкрытые сердца.

* * *

Ветер, неженка, мистик, истерик, ироник,
То взлетит на карниз, то скамейку уронит.
С оголтелою чуткостью тайных потоков
Узнаёт, что гоним с северов и востоков.

От камней и до звёзд – мир, ревуший и синий,
Как плывущий мираж многолюдной пустыни.
Руки ветра простёрты, черты его строги.
– Я с тобой, если вдруг ты собьёшься с дороги.

Пусть это будет сад...

Пусть это будет сад
Для всех цветных дождей.
Пусть это будет град
Для всех иных вождей.
Пусть там стоит гора,
Гора, где сто лучей.
И ты решишь: пора,
И ты поймёшь зачем.
И ты придёшь на спуск,
И будет спуск полог.
И превратишься в звук,
И превратишься в слог.
Так, на глазах у всех,
Себя до недр раскрыв.
И замолчат – успех!
И разнесут – прорыв!
И засвистят – провал!
Со всех других сторон.
И скажут: «Ты не шквал,
Ты холостой патрон,
Ты как забытый луг,
Ты как тернистый лог».
А ты в ответ: «Я звук»,
А ты в ответ: «Я слог».
И пусть кричит народ,
Не разберёт финал,
Тебя узнает тот,
Кто до сих пор не знал.
И спутав ре и фа,
Забыв, что хмур и горд,
Продолжит: «Я строфа»
Продолжит: «Я аккорд».

Метафоры

Рыжий закат проплывал в окне –	Мыслить, как захочу.
Перья Жар-птицы в руках!	И освещая привычный строй
Если душа моя не во мне,	Спрятавшихся фигур,
Господи, это как?	Быть только откликом,
Феникс – из пепла, из сажи – Пегас,	Детской игрой,
Безумным словам – простор.	Знаком на берегу.
Фитиль заката в окне погас.	Может быть,
Сердце моё, за что?	странники всех морей
Нет ничего бесподобней права	Вычислят мой маяк,
Жечь в темноте свечу,	Бросив звенящий восторг якорей.
Горизонтально, влево и вправо,	Только когда и как?

ПОЭЗИЯ

Егор КОСИН

Твой путь

Закат за закатом –
Уходят деньки...
Они дубликатом
Мечте вопреки
Пустой вереницей
Бредут и бредут,
И жизни страницы
Подспудно крадут...

Взгляни, созерцатель,
Иначе окрест –
Туда ли, вздыхатель,
Влачишь ты свой крест?
Туда ли направлен
Твой нынешний путь?
И шанс предоставлен
Куда-то свернуть?

Найди параллели,
Благой пилигрим!
Отринь канители
Стремленьем своим!
Не стоит судьбину
До гроба блюсти!
Ищи сквозь рутину
Другие пути!!!

* * *

Семь десятков прошло...
То, конечно, не век,
Но уже далеко не полвека.
Поистёрлось седло
И замедлился бег,
Чаще нас зазывает аптека.

Постарел организм,
Серый дым из кудрей...
Но как часто рекут: не дождётесь!
Не иссяк оптимизм,
Стали мысли мудрей,
И идей неоскудный колодезь!

* * *

Гроза. Небесный траур
Нам карою грозит.
Всполохи ярких аур
И грома динамит...

От этих треволнений
Слеза падёт с небес,
Прольётся без сомнений
Рекой на дол и лес.

От них трепещет сердце,
Усиленно стучит
До двух предельных герцев
О рёбра, как о щит.

Но после грозных бедствий
Пробьётся луч промеж
Одежды чёрной бездны
Предвестником надежд.

* * *

Сплошная морось, дождь идёт...
Погода тошная такая...
Тепла душа и солнца ждёт...
Весны исход, начало мая.

Покров из туч сплошным холстом...
Нам небо шлёт одни лишь слёзы...
На ум приходит мысль о том,
Что в мае правят только грозы.

Понуро терпят приговор
Деревья с мокрыми телами...
Когда же вновь унылый взор
Сверкнёт утешными глазами?

И вот во тьме сквозь туч проём
Проникнут солнечные шпаги,
А ветви вместе с ветерком
Стряхнут с манжет излишки влаги,

И встретят ведренный рассвет
Зелёным шелестом оаций,
Приветят нежный яблонь цвет
И россыпь золота акаций.

* * *

Допекла весна
 зиму солнышком,
Довела её
 до горячих слёз,
Что ручьём текут
 в даль змеёнышем,
Извела снега,
 прогнала мороз.

Мураву-траву
 к свету вызвала,
Разукрасила
 лепестки цветов,
Воссоздала жизнь
 всяку сызнова.
Все дивятся вокруг –
 результат каков!

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Иван ИСТОМИН

ЁНКО

Четвёрка упитанных оленей бежала по снежной тундре бойкой рысью. Ёнко, двенадцатилетний мальчик-ненец, правил упряжкой, как настоящий оленевод. И не мудрено: родился он в чуме пастуха. Отец с шести лет стал обучать его ездить самостоятельно. В тундре так принято.

Хорошо мчались олени, но Ёнко то и дело понукал их хореем. Ещё бы! Ведь он с самой осени даже в нарту-то не садился. Как приехал из стада в школу-интернат, не удалось поездить. А сегодня везёт.

Широкое курносое лицо с пухлыми, покрасневшими на морозе щеками. Капюшон малицы откинут для важности. Густые чёрные волосы уже успели закуржеветь, но ничего, у взрослых же так бывает.

Ёнко всей грудью вдыхал холодный воздух, не обращая внимания на встречный колючий ветер. Уж очень хорошо было на душе. Всего час назад он сидел в классе на занятии – и вот мчит на оленях. И как получилось: прибежал из школы – говорят, отец приехал в посёлок на колхозное собрание. Ёнко, отказавшись от обеда, сразу же побежал к нему на квартиру.

Приятной была встреча после четырёхмесячной разлуки. Пожилой Тыуман не замедлил поинтересоваться, как живёт, учится сынок. Года полтора назад отец об учёбе и не спросил бы даже. Сколько раз он тайком увозил отсюда сына обратно в тундру. Однажды прямо с урока, не обращая внимания на протест учителя, уволок парнишку.

– Тут ему делать нечего! – сердито кричал седовласый оленевод. – Только бумагу знать учите, грамотными делаете. Одной грамотой как жить будут? Кто будет в тундре оленей пасти, пушнину промыслять, рыбу ловить? Почему таким делам тоже не учите в школе?

Посадил сына в нарту и умчал в стадо. Даже урок сорвал.

Ёнко тогда самому страсть как хотелось скорее уехать из школы. Отец в тундре постоянно брал его на охоту, а в школе только уроки да уроки.

Теперь совсем другое дело – ввели в школах уроки труда, ненецких детей учат рыбачить, охотиться, оленей пасти, столярничать, многому другому полезному учат. Опытным людям: рыбаку, зверолову, оленеводу – поручили вести уроки труда. Довольны все. Родители сами привозят детей к началу занятий. Никто больше не убегает из школы-интерната. Наоборот, родители желают, чтобы ребята учились старательно и грамотно, и труду.

– Ты, сынок, стремись быть отличником, – ласково поучал отец своего Ёнко, угощая его вкусным гостинцем – копчёной олениной. – Песца, говоришь, добыл ты? Вот молодец!

– Ага, нисев, правда песца поймал, – ответил Ёнко. – И знаешь, какой песец? Хитрющий-хитрющий! У него на шее семь петель было.

– Да? Смотрите-ка. Значит, семь раз до этого попадал в чьи-то ловушки и ухитрялся спастись? – серьёзно удивился Тыуман.

– Ага, – опять кивнул сын. – А я поймал. Капканом поймал. Как попался – никуда не ушёл.

– Саво. Вот молодец-то, – на широком обветренном лице пожилого ненца появилась радостная улыбка. – Вот, оказывается, какой ты у меня. Хорошим охотником можешь стать. А кто вас промышлять учит?

– Дядя Эйси.

– О, это добрый охотник, мастер своего дела.

– Мы с ним ходим на лыжах в тундру. Он учит, как находить и узнавать следы зверей. Учит нас, как правильно ловушки и капканы ставить. Мы уже несколько горностаев поймали, а я добыл песка, – продолжал сын.

– И куда же вы добытую пушнину деваете?

– Заготовителю сдаём, – сообщил Ёнко, – а на вырученные деньги покупаем для школы капканы, лыжи. Если много пушнины добудем, может, и ружья купят нам.

Отец спокойно ответил:

– Ружья-то доверять вам ещё рано. А вот маленько подрастёте, в старших классах учиться будете, почему вам ружья не дать? С хорошим учителем тогда и ружьё доверить можно.

Потом Тыуман, теребя редкие седеющие усики, поинтересовался, кто обучает детей оленеводству. Ёнко, наевшись вдоволь, затараторил:

– Оленеводству в старших классах обучают, и я учителей плохо знаю. Мы только в кружке физкультуры тренируемся кидать тынзян. Знаешь, нисев, я на соревновании по тынзяну второе место занял. С горки пускают санки, а на них олени рога приделаны. Я как кину – зззжжжик! – сразу заарканил!

– Саво, – опять похвалил отец, но тут же спросил: – А почему не первое место занял?

– Первое место взял Вылка Сано. Мне второе место досталось. И то хорошо. Другие совсем плохо тынзяном владеют, даже на стоячий хорей не могут закинуть. А я поймал арканом за рога бегущие с горы санки. Понял?

– Понятно, – только ты должен стараться кидать тынзян лучше всех, как я, – серьёзно отвечал отец. – Ты же сын оленевода, а у Вылки Сано отец рыбак.

– Постараюсь, – пообещал Ёнко и вдруг спохватился, что во дворе стоит отцовская упряжка оленей. Ему захотелось покататься на них, как бывало в тундре. Он стал просить отца.

– Соскучился об олешках? Это хорошо, – улыбнулся Тыуман. – Про оленей, про тундру не надо забывать. Только, сынок, упряжка-то моя с дальней дороги. Олени устали, да и голодны. Тут недалеко выпас для приезжих упряжек. Надо бы олешек-то моих с кем-нибудь туда отправить, сдать пастуху.

У Ёнко разгорелись чёрные глаза:

– А давай, нисев, я буду помогать пастуху караулить оленей? Завтра ведь выходной день, успею отдохнуть и уроки подготовлю. Я возьму с собой лыжи и утром вернусь обратно. Ой как я хочу покараулить оленей! Разреши!

– А ты знаешь, где выпас? Ну смотри. Оденься потеплее. Только из интерната отпустят ли? Иди, отпросись.

Ёнко от радости обнял отца. Потом они надели малицы и вышли к упряжке. Короткий полярный день был на исходе – спускались сумерки. Дул обжигающий лицо ветерок, метя позёмку. Недавно выросший в тундре новый посёлок начинал кое-где светиться огнями.

– Скоро уже темно будет. Погода тоже не шибко хорошая, однако ночью забуранит, – сказал Тыуман и предупредил: – Собирайся живее, захвати что-нибудь поесть. А я мяса сушёного положу тебе.

– Я живо! – воскликнул Ёнко и побежал к воспитательнице. Та выслушала его и разрешила отлучиться из интерната до утра, – ребята часто отпрашиваются на выходной день побывать у родных, если чумы стоят близко к поселку. Дала воспитательница Ёнко булочку с маслом да сахару. Оделся, обулся Ёнко потеплее, взял лыжи – и к отцу, даже ребятам ничего не сказал.

У отца упряжка была уже готова. Сам он хлопотал возле нарты,правляя амдер – мягкую оленью шкуру для сидения.

– Тут вон тынзян лежит, смотри, не вырони, – сказал он сыну. – А вот здесь мясо сушёное.

– А ты, нисев, привяжи конец тынзяна к нарте. Надёжнее, – предложил Ёнко, укладывая в нарту свои лыжи, широкие и короткие.

– Верно, можно и привязать, – согласился Тыуман, потом огляделся вокруг и произнес: – До темноты-то, пожалуй, успеешь доехать до выпаса. Вон по той тропке поезжай. Смотри, от пастуха далеко не отлучайся. Говорят, волк там появился. Помогай пастуху отпугивать его, только сам не пугайся.

– Охо-хо! – звонко засмеялся Ёнко и, тронув упряжку, весело закончил: – Ничего, не испугаюсь!

...И вот он уже мчался по тундре, поминутно понукая оленей хореем. Хорошо было на душе у Ёнко, приятные мысли носились в голове. Переехав узкую речушку и перевалив невысокий холм, мальчик оказался за речным поворотом. И тут его осенила счастливая мысль: ведь отсюда до места промысла совсем близко. «А что, если попутно доехать сейчас до капканов и осмотреть? – начал размышлять Ёнко. – Тем более сегодня уроки труда были заменены другими из-за того, что учитель Эйси был занят подготовкой к колхозному собранию. Когда ещё отправятся они к ловушкам, а в последние дни был снегопад, сегодня вот тоже метёт позёмка. Занесёт капканы – какой толк? Осмотреть бы их и поправить. Может, песец попался, звери могут съесть, а я вовремя снял бы добычу. Вот здорово было бы! Эйси наверняка похвалил бы. Только вот не догадался попросить разрешения у отца. Ну ничего, если бы заикнулся, он не отказал бы».

Он остановил упряжку и стал смотреть по направлению места промысла. У кого же из природных охотников не забьётся в груди сердце, если он приблизился к ловушкам?

Ёнко повернул упряжку с тропки направо и, снова понукая оленей, помчался по снежной целине. Чем дальше, тем все пристальней всматривался он в сумрачную, затуманившуюся даль. Вот он уже у первых капканов. Они пока без улова и порядочно занесены снегом. Привязав упряжку, юный охотник встал на лыжи и взялся очищать снег с ловушек, поправлять приманки. Насторожение некоторых капканов ему не понравилось. Ёнко мысленно обругал кое-кого из ребят за неумение и халатность.

И вот снова упряжка двинулась вперед. Вскоре мальчик почувствовал начавшуюся пургу: снег больно сёк лицо, забивался в волосы, таял и тёк струйками по вискам и за шею, а ветер щипал щёки. Ёнко стряхнул снег с волос, надел капюшон и с серьёзным видом посмотрел вокруг, потом взглянул на небо. «Однако надо спешить к пастуху», – подумал Ёнко.

Вдруг олени с диким храпом отпрянули в сторону. Ёнко едва не свалился с нарты. Силясь удержать взбесившуюся упряжку, он с ужасом увидел сквозь снежный вихрь совсем рядом что-то большое, тёмное, с горящими глазами.

Волк! Он то ли рычал, то ли скулил. Его тёмная фигура странно шевелилась. Олени, храпя и задрыв головы, беспорядочно толкали друг друга, крутили нарту на месте, а Ёнко с вожжой в руке прыгал рядом с оленем-вожаком, утопая в снегу по колено.

Постепенно они удалились немного от горящих глаз. Олени стали топтаться на месте, тяжело поводя боками и косясь в сторону волка. Опомнился и Ёнко – надо удирать или готовиться к защите. Волк, видно, только что попался в песцовый капкан и еще не успел высвободиться из слабой для него ловушки. Что, если зверь сейчас оторвёт капкан от якорька и кинется сюда? Успеет ли Ёнко удрать от него? А если защищаться, то чем?

Эти мысли молнией промелькнули в голове мальчика. Так же быстро подумал он о своём снаряжении. «Тынзян», – осенило его. Не выпуская вожжу, Ёнко вскочил на нарту, схватил тынзян. Не обращая внимания на обжигающий пальцы ветер и колючий снежный вихрь пурги, стал зорко всматриваться в громко скулящую, еле видимую фигуру волка. Олени нетерпеливо дергали нарту, а ветер то сбоку, то сзади старался свалить парнишку. Но Ёнко, широко расставив ноги, приготовил к броску тынзян, конец которого остался привязанным к нарте. Через миг петля, подхваченная удачным порывом ветра, со свистом полетела к поминутно зажигающимся в темной мути светящимся точкам.

Сквозь шум пурги послышался резкий визг зверя. И не успел Ёнко схватить брошенный в снег хорей, как совершенно испуганные олени рванулись и понеслись куда-то. Ёнко с трудом сидел в нарте, готовый вот-вот перевернуться. Сразу же почувствовал, как под ним туго натянулся тынзян, а где-то позади в смертельном страхе заревел волк.

Темень, пурга, предсмертный звериный вой сзади, дикий бег испуганной упряжки... Мальчику сделалось страшно. Онемевшими руками держался он за края нарты, чтобы не свалиться с сиденья. По разгоряченному лицу текли струи растаявших снежных брызг и неприятно, больно щекотали. Заиндевшие ресницы мешали видеть. Во рту пересохло.

Сколько прошло времени в такой езде, трудно было определить. Во всяком случае, мальчику казалось, что пробежали олени огромный путь. Мало-помалу олени начали бежать ровней. Сидеть на нарте стало легче. Ёнко немного успокоился и заметил, что волчьего рёва не слышать. Бросил беглый взгляд назад: не оторвался ли зверь? В месиве из снега и темени не увидел ничего. Потянул рукой тынзян – тяжело поддается. Значит, волк в петле.

Уставшие олени шли все тише и тише. Они хватали снег разгоряченными ртами и наконец совсем остановились, не чувствуя хозяйской власти: Ёнко даже не шевелил вожжой.

Ёнко, пряча лицо от хлесткого снега, подергал на всякий случай тынзян, натянувшийся струной. «Сдох, конечно», – решил мальчик, устало поднялся на ноги, привязал передового, как принято, к копылу нарты и, озираясь озабоченно, стал размышлять: что же делать дальше?

Была уже ночь и буранило по-настоящему: ветер – холодный, пронизывающий – со свистом кружил жесткий снег. Вокруг в нескольких шагах не было видно ничего. Ёнко, утопая пимами в снегу, обошёл кругом упряжку. Поглядел на небо и тяжело вздохнул: хоть бы звездочка какая светила – одна бурлящая мутная мгла. Понял – ехать дальше бесполезно. Как тут узнаешь, где пастух с оленями, где поселок? По Полярной звезде, по сполохам северного сияния Ёнко легко узнал бы, где юг, где север. Кто в тундре не сведущ в этом? Но сегодня небо – плохой ориентир.

Грустно сделалось мальчику, хотелось плакать, звать на помощь.

Он тяжело опустился на нарту и растерянно крутил в руке конец вожжи, ежась от холода под снежным вихрем. Казалось, ему словно кто-то ласково шептал: «Только не пугаться и не теряться. Не куролесить зря по тундре, не мучить себя и оленей. И не плакать. Лучше переждать буран. Куропачий-то чум на что? Да ещё с оленями».

Мальчик взглянул в сторону, куда струной уходил тынзян. Захотелось поглядеть на свою добычу. Ёнко встал с нарты, но сильно покачнулся от резкого порыва ветра и раздумал. Подойдя к лежащим кучей оленям, уже заметно занесенным снегом, Ёнко минуту постоял, внимательно всматриваясь в их неясные очертания. Затем, оберегая лицо, чтобы не удариться о рога, пробрался и расположился спать между вожаком и соседним оленем. Привычные олени даже не шевельнулись.

Закрыв глаза, Ёнко вдруг почувствовал сильный голод. Глотая слюну, стал мечтать об ужине, который, наверное, уже давно закончили интернатские ребята. Вспомнил, что за пазухой под малицей провизия, данная воспитательницей. Вспомнил и о сушёном мясе, положенном отцом в нарту. Но вставать не хотелось, и Ёнко сунул руки за пазуху, нашел булочку, сахар, начал есть.

«Да, плохо получилось, – думал Ёнко, пряча лицо в густом теплом меху оленя-вожака. – Отец, наверное, считает, я помогаю пастуху стадо караулить. Поди, доволен, что удалось быстро отправить оленей на пастьбу. А бедные олешки лежат голодные, зубами скрежещут – в упряжи-то трудно доставать корм из-под снега. И воспитательница, наверное, тоже считает меня в безопасности возле пастуха. А я совсем не знаю, где нахожусь. Может, долго придется так лежать. Могу даже уроки пропустить. Ой, как нехорошо получилось. И зачем только я вздумал к капканам ехать? Теперь давным-давно был бы с пастухом. Пастуху, однако, трудно одному караулить оленей в такую пургу. Я бы большую помощь мог оказать ему – вдвоём-то волка не допустили бы к стаду. А не этот ли задушенный мной зверь беспокоил его вчера, как нисев сказывал? Значит, я уже помог пастуху избавиться от хищника. И вообще, какого бы волка я ни уничтожил, всё равно помощь колхозу. Пожалуй, нисев не очень сильно будет ругать меня за самовольную поездку к капканам. И воспитательница не так сильно расстроится оттого, что я в пургу ночевал один в тундре. Вот только не пропустить бы уроков и успеть подготовиться к ним».

При этой мысли Ёнко зашевелился. Ненадолго почувствовал на лице жгучий снежный вихрь. Снова спрятал лицо в олений мех. Шевельнул ногами, начавшими согреваться. Пурга все больше заносила снегом упряжку и её маленького хозяина, словно куропаток, зарывшихся в снежную лунку на ночлег. Недаром ночёвку в открытой тундре называют пребыванием в «куропачьем чуме».

Усталость и время брали свое. Вскоре Ёнко задремал, а потом уснул. Проснулся он оттого, что кто-то вдруг бросил его лицом вниз на снег и стал громко хлопать возле уха. Открыв глаза и подняв голову, Ёнко увидел почти над собой стоящего оленя. Животное, в мех которого мальчик прятал лицо, видно, не стерпело голода, вскочило на ноги и начало возле самого уха хозяина бить копытами снег в поисках корма – ягеля.

Ёнко неуклюже заворочался, насилу высвободился из-под толстого слоя снега, затем поднялся на ноги и стал озираться. Пурга заметно стихла, и вокруг мальчик видел довольно хорошо. Наступило утро – вот сколько он, оказывается, спал.

Ёнко зябко поежился, потянулся, зевнул и начал выбираться из необычного места отдыха. Утопая пимами в глубоком снегу, добрался до нарты, раскопал её и сел на оленью шкуру. Позёвывая, снова стал озираться,

поглядывая на небо. Да, наступало утро.

«Чего же мне дожидаться тут? – стал размышлять Ёнко, пристально всматриваясь в пепельно-мутную даль. – Может, я нахожусь недалеко от пастуха и можно было давно уже попасть к нему? Где же всё-таки я?»

Ёнко встал и принялся внимательно изучать местность, прощупывая взглядом еле видимые бугры, ямы, сугробы. «Нет, ничего тут не узнаешь, – думал он. – А может, испуганные олени понесли меня в обратную сторону и я нахожусь где-нибудь недалеко от посёлка?»

Мальчик повернул лицо к ветру и стал старательно принюхиваться. Верно, вроде дымком пахнет. Значит, на ветреной стороне где-то есть жильё. Только это, может быть, и не посёлок, а чей-нибудь чум.

Ёнко принюхался несколько раз и мысленно произнес: «Пахнет здорово дымом. Наверняка там наш посёлок. Ох и далеко же повезла меня взбесившаяся упряжка! Когда я выехал из посёлка, ветер дул мне с левой стороны, а сейчас из посёлка дым несёт на меня. Выходит, я проехал в обратную сторону далеко за посёлок. А не переменялся ли ветер?»

Мальчик опустил на корточки и стал рассматривать снежные заструги.

– Нет, ветер без перемен, – произнес он вслух и добавил мысленно: «Теперь, чтобы к пастуху попасть, всё равно придётся ехать через посёлок. Вернусь с упряжкой домой».

Пока Ёнко размышлял и определял свое местонахождение, заметно просветлело. Буря, словно обессилев от неумеренного буйства, налетал изредка и незлобно. Ёнко решил не мешкать и двигаться на запах дыма. Окончательно освободившись от сна, он чувствовал себя довольно бодро, только ноги снова начали зябнуть, и больно горело лицо, иссеченное вихрем. Чтобы несколько согреться, мальчик принялся расталкивать ногами оленей, занесённых снегом. Потом стал нарочито спешно хлопотать возле нарты. Увидел натянутый тынзян, вспомнил про волка. Как же быть со зверем? Опять волочить на аркане? А вдруг оторвется? Ищи его потом, а добыча-то почётная. И мех, поди, можно повредить – пока тащишь, на боку у волка лысины появятся.

Ёнко наконец отважился посмотреть на свою добычу. Натужась, он изо всех сил потянул, но тынзян не поддавался: должно быть, волк плотно занесен снегом. Тогда Ёнко, предусмотрительно держась за аркан, чтобы не потерять упряжку в ещё не совсем утихшей пурге, пошёл к добыче. Идти пришлось долго – тынзян был длинный.

Вот он и у своей жертвы. Волк почти целиком занесён снегом. Ёнко не без труда удалил с окоченевшего зверя плотный снег и изумился: полярный волк был большой, как годовалый олень.

Поразмыслив, Ёнко решил подтащить тушу к нарте. Тащил он долго, то и дело падая в снег. И уже у самой нарты догадался, что лучше было бы упряжку подвести к добыче. Потом до пота силился взвалить тушу на нарту, но так и не смог: не хватило силёнки. Ёнко привязал убитого зверя сзади нарты вплотную к сиденью.

Наскоро поев сушёного мяса, мальчик двинулся в путь. Въезд Ёнко с волчьей тушей в посёлок первыми заметили, учуяли собаки. Разноголосым лаем они проводили упряжку до самого дома Тыгумана. Когда отец вышел к неожиданно появившимся оленям, Ёнко сразу горячо, страстно рассказал обо всём случившемся. Пока отец вникал в суть дела и журил самовольного сына, вокруг них уже собралась целая толпа.

Не сразу поверили сообщению мальчика, но волк действительно был задушен тынзяном, все ещё стягивавшим горло зверю. Ран не было

видно, а от выпавшего где-то капкана на ноге волка остался еле заметный след. Выходило, что Ёнко не обманывает.

Слух о том, что двенадцатилетний мальчик в пургу тынзяном поймал волка, быстро распространился по посёлку. А сколько изумления и гордости было в школьном интернате! Воспитательница, конечно, опасалась, не простудился ли Ёнко, но тоже была довольна смелостью и находчивостью мальчика. Тыуман же, взяв с сына обещание, что тот в дальнейшем без разрешения взрослых не будет отлучаться куда вздумается, отправил с попутчиком оленей на выпас и каждому встречному с гордостью сообщал о трофее его сына.

Не мудрено, что об этом упомянули и на колхозном собрании, ибо волки приносят большой вред оленеводству. Уничтожение их надо всячески поощрять. Об этом говорил учитель-охотник Эйси.

– Если у нас такие смелые, находчивые и ловкие ребята растут, – сказал Эйси, – то это благодаря приучению их к труду. Надо, чтобы колхоз всячески помогал школе в этом деле.

Колхозники горячо поддержали его. Собрание решило выделить средства для обеспечения школы охотничьим инвентарём. А за убитого волка, конечно, Ёнко должен получить премию.

Ёнко в это время сладко спал в интернате, как и положено славно потрудившемуся человеку. Во сне он видел, будто ему за уничтоженного хищника выдали премию – ружьё.

ПРОНЬКА

В дни школьных каникул проводилась районная конференция учителей. Я поехал туда с попутчиком – председателем таёжного хантыйского колхоза Семёном Петровичем Пугурчиным. Дорога – восемьдесят километров по тайге и берегу Оби. Выехали рано, в четыре часа утра.

– Быстро доедем, жеребца запряг, – сказал Семён Петрович, помогая мне удобнее устроиться с костылями в розвальнях, полных душистого заиндевелого сена.

Я бросил взгляд на коня, нетерпеливо встряхивающего головой, отчего колокольчик под дугой звякал поминутно. Спросил:

– Молодой?

– Да Бегун же. Не узнал, что ли?

– Верно ведь, – согласился я, всмотревшись пристальнее. – Подрок как здорово!

– Самое время учить его.

– А не выкинет опять что-нибудь?

– Пусть попробует...

Ярко светила луна, озаряя окружённый высоким белым лесом заснеженный сонный посёлок. Январский мороз щипал лицо и сразу же начал пробираться по всему телу, хотя мы были одеты в меха: я в мохнатые пимы и толстую малицу из оленьих шкур, а мой спутник, кроме того, еще в пушистую парку поверх малицы. Даже собаки, прячась от стужи, не провожали нас обычным лаем.

От самого посёлка дорога пошла тайгой. По обе стороны высились стеной вековые ели, кедры, лиственницы. Их разлапистые ветви, отяжеленные пухлым снегом, то и дело проносились над нами. Мы ехали то под ослепительным голубым лунным светом, то вдруг оказывались в густом тенистом сумраке.

Вокруг было тихо, лишь снег звонко скрипел под полозьями, под

копытами жеребца да неумолчно тренькал колокольчик под дугой. Рыжий светлогривый жеребец бежал резво, но очень неровно, частыми и сильными рывками, словно норовил вырваться из оглобель, ещё так непривычных ему. Держаться в санях было неудобно. Вскоре я прилег на бок. Так же сделал и Семён Петрович, продолжая время от времени подергивать вожжу.

– А ведь везёт коняга-то наш, – молвил он сквозь зубы, не вынимая изо рта трубки. – Мало-мало, правда, дёргает. Наверное, думает: «Сейчас вырвусь, убегу». Не убежишь, Бегун, тащить будешь. Теперь всю жизнь под дугой будешь. Кончилась твоя воля, Бегун.

– Может, колокольчика боится, поэтому дёргает, – заметил я, стараясь плотнее прижаться спиной к товарищу.

– Пускай привыкает. Какая езда без колокольчика? Я люблю, чтоб с колокольчиком. Когда-то почту возил, знаешь?

Семён Петрович говорил быстро, звонко. Владел он русским, родным хантыйским и коми языками. Это очень помогало в его работе председателя национального колхоза, в котором, кроме его сородичей, было много коми и русских.

Мой спутник – человек немолодой, лет под пятьдесят, но глядя на его полное свежее лицо с узкими чёрными глазами, широким вздёрнутым носом, совершенно лишённое растительности, как у большинства северян, ему можно было дать гораздо меньше. К тому же Семён Петрович имел ладную осанку и любил весело тараторить, но славился как строгий и горячий председатель.

Конь опять дернул, даже треснуло что-то в розвальнях.

– Вот дурак жеребец, Бегун проклятый, – заворчал мой собеседник.

– Да-а, было в прошлом году канители из-за него, – отозвался я. – Мне и сейчас Проньку жалко, совестно перед ним.

– Тебе-то что, ты не нападал на него, как я. Совестно мне смотреть Проньке в глаза. Крепко я, старый черт, обидел его, – вздохнув, сказал Семён Петрович.

И мы заговорили о неприятном случае, имевшем место в колхозе ровно год назад.

Первая станция в пути, по которому ехали мы сейчас, – юрты Каша-Горт, несколько хантыйских домиков и скотный двор. Конюхом на этой ферме работал средних лет ханты Пронька, щупленький, молчаливый, тихий, безответный человек. Будучи трудолюбивым, он всегда имел заработок, но жил бедно, часто выпивал и по этой причине уважением не пользовался в колхозе. Был он одинок.

И вот у этого Проньки в прошлую зиму стряслась беда: пропал жеребец. Случилось это в канун нашего с Семёном Петровичем приезда в Каша-Горт. Мы возвращались на оленьей упряжке с районного партактива. Зайдя в один из домиков погреться, а заодно и побеседовать с работниками фермы о делах, мы сразу узнали о пропаже у Проньки. Когда вызвали его, он неохотно подтвердил это и на все вопросы, как такое могло случиться, твердил одно и то же:

– Не знаю. Ничего не знаю.

– Но ведь ты же никуда отсюда не отлучался? – со свойственной ему строгостью и горячностью набросился на Проньку председатель колхоза. – Как так не знаешь?

– Не знаю, – опять буркнул под нос Пронька, стоя посередине избы с бессильно опущенными руками и поникшей взлохмаченной головой.

Вид у него был жалкий и беспомощный.

– Пропил, что ли, кому? – решил Семён Петрович.

Пронька мельком и с явным изумлением взглянул из-под рыжеватых бровей на председателя и отрицательно тряхнул головой. Но присутствующие колхозники в один голос заявили, что Пронька накануне вечером был сильно пьян.

– А кто-нибудь проезжал вчера здесь? – поинтересовался я.

– Да рыбозаводские лесорубы ехали с продуктами к себе, и Пронька около них вертелся всё время, – сказали колхозники. – А потом пьяный стал искать жеребца.

– Ну вот видишь, сукин ты сын такой! – разгорячился председатель. – Значит, ты променял жеребца на водку?

Пронька вскинул голову и, широко раскрыв раскосые серые глаза, попятился назад.

– Нет-нет. Так не делал, – быстро, с испугом проговорил он.

– «Не делал», – передразнил его председатель. – Так я тебе и поверю, пьянице. Осенью они чуть не выманили у тебя сено на водку. Помнишь?

Пронька еще ниже опустил голову – случай такой действительно был, да вовремя разоблачили, пресекли.

– Водку-то вчера где достал? Здесь же нет магазина, – напирал председатель.

Пронька переступил с ноги на ногу и опять промолчал. Я предложил ему сесть, указывая на свободное место рядом с собой, но он продолжал стоять.

– Где, говорю, водку достал? – сердито повторил Семён Петрович.

– У них купил, – чуть слышно признался Пронька.

– У кого у них? У лесорубов?

– Ага...

– Купил! Променял на жеребца, и всё! – заключил председатель.

– А может, и верно купил. Заплатил подороже и купил, – произнесла моложавая хантыйка Анна, хлопоча возле печурки. – Деньги-то недавно получали.

– Но ведь жеребца-то, говорите, нет, исчез куда-то, – Семён Петрович усиленно дымил трубкой. – Отъезд лесорубов видел кто-нибудь?

Оказалось, что никто из колхозников не заметил, как выехали лесозаготовители.

– Не может быть, чтоб выменял кто-то жеребца на водку. Что за глупости, – сказал я серьезно.

– Оно-то так, не шутка это, – Семён Петрович глубоко затянулся табаком. – Но... сено-то Пронька едва не сбыл за водку. У такого вот пьяницы и тихони чего нельзя выманить? Всякие люди есть. – И помолчав, высказал предположение: – А не ушёл ли жеребец сам за подводами лесорубов?

Это вполне могло быть, и многие, в том числе я, присоединились к этому мнению. Но Пронька с прежним меланхоличным видом стал возражать неуверенно:

– Однако нет. Когда уезжали, я тут был. Жеребца близко не было.

– А следов его на дороге не видно? – выпытывал председатель.

Пронька вначале молчал, потом невнятно ответил:

– Вчера дорогу не смотрел. Ночью снег был. Сейчас что увидишь?

Ночью действительно выпал пушистый снег.

– Растяпа ты, вот кто, – не успокаивался Семён Петрович. – Теперь ищи. Не найдёшь – отвечать будешь.

Вид у Проньки стал окончательно убитый, и он даже не сел к столу

чаевать по приглашению хозяев дома, а опустился в стороне на пол и, скрестив по обычаю ноги, сокрушённо задумался.

За чаем мы поговорили с остальными о делах на ферме, сообщили новости из района. Потом опять вернулись к пропаже. Оказалось, вчера днём проезжали здесь оленеводы, ехали из райцентра в свои стада.

– Чьи пастухи? – поинтересовался председатель.

– Из другого колхоза, совсем незнакомые, – ответила хантыйка. – Постояли чуточку и дальше поехали.

– А может, за ними убежал глупый жеребец? – сказал я.

Вокруг засмеялись: чего ради конь пойдет за оленями? И верно – этого не бывает.

Перед нашим отъездом Семён Петрович обошел всю ферму, заглянул в каждый уголок, даже спустился на речку, к проруби, пошарил палкой в неглубокой, прозрачной до дна воде, но жеребца нигде не обнаружил.

– Странно, – сокрушённо заключил председатель и, вновь разгорячившись, стал ругать не только Проньку, но и остальных работников фермы за халатность. Проньке же сказал внушительно: – Не найдёшь жеребца – под суд отдадим!

Уезжая из Каша-Горта, я долго видел печальную, растерянную, жалкую фигуру Проньки на том месте, откуда мы тронулись.

Шли дни. Как заместитель секретаря колхозной парторганизации я в свободное от урочных занятий в школе время постоянно бывал в правлении и каждый раз интересовался, не нашёлся ли жеребец. Ответ был один: канул как в воду. Рассказывали, что Пронька ездил к лесорубам, но вернулся ни с чем и стал совсем замкнутым, за прикрепленными за ним животными ухаживает намного хуже прежнего, а однажды после посещения посёлка напился и устроил дебош, чего раньше никогда не делал.

Поиски жеребца вели и помимо Проньки. Двое колхозников специально побывали у лесорубов, но выяснить им ничего не удалось. Больше того, лесорубы страшно возмутились, что их подозревают в причастности к пропаже колхозного жеребца, хотя после случая с сеном имелись для этого основания.

Словом, не пойман – не вор.

Поинтересовались в соседних колхозах – нигде никто не видел чужого жеребца.

А тут подоспело время общему колхозному собранию по итогам года. И председатель колхоза в своем отчётном докладе вновь и уже по настоящему обрушился на Проньку. Семён Петрович, ссылаясь на случай с сеном, убеждённо обвинил конюха в преступлении – самовольной продаже общественного животного – и призвал колхозников строго осудить поступок Проньки, убрать его с работы конюха и предать суду, чтоб неповадно было другим.

Колхозники молчали, но все стали шарить вокруг глазами, ища виновного. Я тоже долго всматривался в ряды сидящих и насилу узнал его: он страшно похудел, осунулся и казался совсем маленьким, как подросток. Сидел Пронька в самом заднем ряду, опустив рыжую голову к коленям. Мне почудилось, что узкие плечи его вздрагивают, словно он плачет, и когда в ответ на настойчивые просьбы присутствующих дать объяснение Пронька наконец поднял голову, глаза его действительно были влажны.

Пронька не встал с места, а лишь выкрикнул неестественным для него фальцетом:

– Коня я не пропивал! Куда девался – не знаю! Не знаю, не знаю!

И опять уронил взлохмаченную голову на колени, а плечи затряслись сильнее. Был он в старенькой без сорочки малице.

Кто-то громко произнес:

– Провинился, а сознаться боится.

– Пьянка до добра не доведёт, – сказал другой. – Сено пропить не удалось, так он жеребца пропил.

Однако многие выступающие искренне сомневались в том, что Пронька, пусть он и любил выпить, мог поступить так неразумно. Особенно горячо сомневалась в этом Анна – хантыйка из Каша-Горта.

– Зачем Пронька жеребца на вино менять будет? – спрашивала она. – Ведь тогда только что деньги получили. На деньги вино купить мог.

Подобным же образом рассуждал и я, размышляя все эти дни о загадочном исчезновении злополучного жеребца. На последнем партсобрании я советовал сделать объявление в районной газете о пропаже животного, но все сочли это напрасным, мотивируя тем, что нигде у соседей нашего жеребца нет, а далеко уйти он не мог.

На общем колхозном собрании я высказал ещё раз эти мысли и порекомендовал колхозникам не спешить с расправой над конюхом, так как не все меры исчерпаны для розыска жеребца. Однако выступивший вслед за мной Васильев, солидного вида представитель из района, напоминая о различных директивах свыше по развитию животноводства, возмущённо заговорил о случае с сеном и потребовал не либеральничать с такими, как Пронька, а немедленно передать дело о жеребце в следственные органы.

Так и решило собрание, разбиравшее колхозные дела весь день.

Вскоре после этого Проньку отстранили от работы на ферме. Стал он жить в колхозном поселке у дальних родственников. В ожидании следствия он захандрил совсем, отлынивал от всякой работы. Я несколько раз встречал его, ещё более опустившегося, осунувшегося, и пытался поговорить с ним по душам, но Пронька даже не здоровался, почему-то рассердившись и на меня, и молча удалялся расслабленной походкой.

Потом стало известно, что Пронька слег в больничный пункт, заболел.

Однажды, кончив уроки в школе, я, как обычно, пошёл в правление. Ещё издали заметил у крыльца подводу с привязанным к розвальням жеребцом. Подошел ближе – подвода нашего колхоза и жеребец знакомый. Вот это да!

Оказалось, колхозный кассир был в райцентре и на водопое заметил в табуне тамошних колхозных лошадей потерянного жеребца. Стал интересоваться, как он попал туда. Сказали: забрёл в село по дороге, ведущей в сторону Урала, по которой ездят олениводы. А чей жеребец – не знают. Пристал, мол, голодный, к колхозным коням.

Кассир забрал животное – и вот жеребец стоит под окном. Я не преминул сказать:

– Было бы сделано объявление в газете, давно бы нашли.

– Да, ты был прав, – сокрушенно произнес Семён Петрович и стал выражать сожаление, что зря обвинил Проньку в намеренном преступлении.

Председатель вспомнил мои слова в Каша-Горте по поводу олениводов. Кое-что начало выясняться: жеребец действительно ушел с олениводами. Но кто они и зачем дозволили это?

Как-никак, а пропажа нашлась. Пошли с радостной вестью к больному Проньке. Он выслушал молча и, к нашему удивлению, не проявил никакой радости, а сказал чуть слышно:

– Я же его пропил, его давно съели, как он найдётся?

Семён Петрович, испытывая страшный стыд, чистосердечно извинился перед Пронькой. Тот в ответ не сказал ни слова. Мы попросились и ушли, успокоив его тем, что следствия не будет.

Через некоторое время Пронька выписался из больничного пункта. Колхоз оказал ему материальную помощь. Вскоре Пронька выздоровел окончательно. Однако для него и для нас ещё долго был загадкой побег коня за оленями.

Выяснилось это неожиданно. Перед весенними кочевками оленьих стад председатель побывал у пастухов и услышал, будто олениводы соседнего колхоза собираются предъявить иск нашему колхозу за порчу продуктов жеребцом. Это, вероятно, было сказано пострадавшими в шутку, но суть дела заключалась в том, что через Каша-Горт проезжали их упряжки с продуктами. Последние две нарты были без каюров. Видимо, учуяв запах свежего хлеба в мешках последней нарты, незаметно пристроился к ним в Каша-Горте жеребец. Он пробежал за упряжками чуть ли не до самого чума, лакомясь из разорванных им мешков хлебом, маслом, сахаром и прочими продуктами.

Олениводы, заметив оплошность, насилу отогнали его, надеясь, что домашнее животное само найдет дорогу домой. Но жеребец, как оказалось, попал не на ту дорогу.

Вот такая случилась оказия. После этого жеребцу дали кличку Бегун (до этого у него была какая-то хантыйская кличка).

Прошёл год, и Бегун вез теперь нас с Семёном Петровичем в ту сторону, откуда он убегал и где вновь трудился Пронька.

– Да-а, несправедливо поступили мы тогда по отношению к Проньке, – продолжал вздыхать Семён Петрович, когда мы вспомнили по отдельным эпизодам этот случай. – Крепко поругали в райкоме меня и Васильева.

Действительно, от райкома досталось им здорово. После этого среди колхозников, в том числе и в Каша-Горте, мы провели много бесед о допущенной ошибке, а виновные в напрасном обвинении Проньки были вынуждены извиниться перед ним и лесорубами.

– Конечно, Пронька сам тоже грешен был – жеребца-то не усмотрел, – рассуждал мой собеседник. – Но все равно Пронька никогда не простит мне обиду. Хоть тони – не выручит. Замкнутый человек, злопамятный!..

Разговаривая, мы проехали, наверное, более десяти километров. Вдруг наши розвальни крепко ударились обо что-то, и нас обоих здорово встряхнуло, а конь испуганно рванулся вперед.

– Дорога все же худая здесь, пней много, – переменял разговор Семён Петрович. – Вот на озеро выедем – лучше будет. Место ровное пойдет, целых семь километров. Километра четыре до озера.

– В Каша-Горте долго будем стоять? – поинтересовался я.

– Погреемся и дальше поедем, если надобности не будет. Народ-то, поди, ещё спит.

Тут нас опять сильно встряхнуло. Семён Петрович предупредил:

– Прижимайся ко мне крепче, а то ещё вывалишься.

– Пожалуй, не мудрено.

– А что? Очень даже просто. У меня, знаешь, такой случай был – век не забуду.

И мой словоохотливый спутник поведал, как, будучи почтарём, вёз он однажды заготовителя пушнины с большой суммой денег. На ухабе, едва выехав со станции, они оба вывалились из саней, лошадь же пустилась вскачь дальше, увозя в санях портфель с деньгами. Семён Петрович и заготовитель пушнины погнались за конём и пробежали всю

дистанцию – двадцать пять километров (на Севере известно какие расстояния). Когда наконец уставшие добрели до станции, нашли свою лошадь у постоянного дома. Она, непривязанная, жевала сено на обычном месте, и портфель с деньгами оказался в санях. Был день, но почему-то никто даже не обратил внимания на подводу без ездока.

– Посчастливилось, а то, знаешь, неприятность какая могла быть, особенно заготовителю пушнины, – сказал Семен Петрович и закончил: – Никогда больше так не случилось.

И только произнес он эти слова, как наши розвальни, с треском ударившись обо что-то, на миг опрокинулись, и мой товарищ, а за ним и я, вылетели далеко в снег. Произошло это с такой быстротой, что мы, как говорится, не успели пикнуть. Подняв голову и смахнув меховой рукавицей малицы облепивший всё моё лицо снег, я увидел поднимающегося на ноги Семёна Петровича и резво несущегося уже далеко от нас Бегуна с розвальнями, бросаемыми из стороны в сторону.

– Тпру-у! Тпру-у! – закричал мой товарищ и бросился в своей толстой меховой одежде догонять подводу.

Вскоре они скрылись за поворотом, и я слышал только отчаянное тпруканье и ругань Семёна Петровича да залиvistый звон все удаляющегося колокольчика. Первое, что я сделал – пошарил вокруг глазами: нет ли тут моих костылей, не выпали ли. Но нигде не видно было их, и мне, с одной ногой, оставалось лишь сидеть на месте по пояс в снегу. Естественно, я ещё не успел осознать всё случившееся и не без надежды стал прислушиваться к голосу товарища и звону колокольчика. А их уже почти не было слышно. Потом сразу сделалось так тихо вокруг, словно мне вдруг плотно заткнули уши. После столь долгого монотонного звука колокольчика, скрипа снега под полозьями и неумолчного разговора это казалось невероятно странным. Действительно, только что ехал и вот сижу один на снегу, вокруг плотной стеной высокий заснеженный молчаливый лес, луна где-то за деревьями, тихо до звона в ушах.

Постепенно я начал сознавать, что едва ли скоро дождусь возвращения подводы: наверняка Семёну Петровичу не догнать коня. Если же он откажется догонять подводу и вернётся ко мне, всё равно утешения мало. Были бы костыли, ещё можно было бы как-то двигаться. А без них как? Значит, Семёну Петровичу непременно нужно добраться до Каша-Горта, чтоб поймать жеребца, если только тот не пойдёт дальше, или же взять на станции другую подводу и приехать сюда за мной. А это, пожалуй, будет очень не скоро. Ведь до Каша-Горта отсюда не менее десяти километров.

Пальцы на ноге уже кололо ледяными иглами. Чувствительно щемило от холода культю. Становилось все более зябко, будто меховая малица вдруг начала пропускать стужу. Я завернул, как мог, плотнее культю полой малицы, а ногу зарыл поглубже в снег. Стал размышлять, как быть дальше. Мне хотелось сесть на что-нибудь повыше. Я начал всматриваться в окружающие меня предметы, но ничего подходящего увидеть не смог – лишь снег и высокие стройные деревья. Да и плохо было видно: луна опустилась еще ниже и еле проглядывала сквозь плотную стену леса, а поздний январский таёжный рассвет ещё не думал зарождаться. Над головой обычное зимнее ночное небо.

Звон в ушах заставлял невольно вновь и вновь вслушиваться в окружающее. Порой казалось – я слышу колокольчик. Но, странное дело, он начинал доноситься то справа, то слева, то спереди, то сзади, потом сразу со всех сторон.

«Галлюцинация», – вовремя спохватился я, вспомнив не раз слышанные рассказы о подобных вещах. Постарался оставить мысли

о возвращении подводы. Однако мне вдруг стало жутковато: ночь, тайга, я один. А что я смогу сделать, если набрѣдет сюда волк? Зачем-то вспомнился крест, что стоит недалеко отсюда возле дороги. В прошлом году на том месте странно умер старик оленевод. Он ехал из стада в поселок, доехал до этого места, сделал для чего-то небольшой круг, остановился, снял с себя малицу, расстелил ее на снегу рядом с нартой, лег на малицу лицом кверху и умер, скрестив руки на груди.

Я невольно оглянулся вокруг несколько раз. Чтобы избавиться от неприятных мыслей, решительно задвигался и выполз на дорогу. Стараясь отвлечься от всяких ненужных дум, начал искать, обо что же стукнулись наши розвальни. Это оказалась обледенелая мшистая кочка на покатоном краю дороги. «Из-за какой ерунды вывалились», – огорчѣнно подумал я.

А пальцы ноги, чувствую, окаменели, да и весь здорово озяб – зуб на зуб не попадает. Наконец догадался: надо двигаться, чтоб согреться. Кое-как поднялся на ногу и начал прыгать на дороге. Малица длинная, тяжелая, но скакать всё же могу. Прыгаю, и самому смешно. Вот, думаю, поглядел бы сейчас кто, как в тайге ночью пляшет человек на одной ноге. Скакал до тех пор, пока не выбился из сил и не плюхнулся на снег.

Чувствую, немного согрелся, но пальцы на ноге все равно не шевелятся. Посижу чуточку и опять принимаюсь за «пляску». Пока занимался этим, половина неба заметно посветлела. А товарища моего всё нет и нет. И не едет никто по этой дороге.

Стал прислушиваться – почудился звон колокольчика, но вскоре смолк. «Обман», – подумал я, но тут опять донѣсся слабый звон, притом с той стороны, куда нам ехать. И снова смолк. Ещѣ раз послышался и уже совсем явственно. И так трижды-четырежды – то слышно, то смолкнет, и с каждым разом всё громче.

Я обрадовался, с надеждой гляжу на дорогу. Наконец показалась наша подвода. Ещѣ издали был слышен тревожный голос Семѣна Петровича:

– Живой? Не замѣрз?

– Живой! – отвечивал я радостно.

– Ногу не отморозил?

– Кажется, не совсем.

– Плохо дело. Знаешь, скакать надо было.

– Я прыгал, да не помогает.

Семѣн Петрович с сердцем принялся ругать жеребца, а заодно и себя, что, падая из розвальней, выронил вожжи из рук.

Вскоре мы продолжали свой путь. Разговаривая, я узнал, как удалось поймать Бегуна. Семѣну Петровичу трудно было гнаться за порожней подводой в меховой одежде, и он снял с себя парку, а затем малицу и остался в одной рубашке. Пробежал он всю дорогу по лесу, но когда вышел на озеро, конь уже едва виднелся. Бежать за ним дальше раздетому при таком морозе не было смысла. Вернулся к малице, оделся, подумал, не идти ли ко мне, да решил, что этим не поможет, и спешно направился за конем. Семѣн Петрович уже дошѣл до середины озера, как повстречал Проньку верхом на лошади, ведущего сзади нашу подводу.

– Вот молодец Пронька, – стуча зубами, не удержался я. – А как он поймал Бегуна?

– Знаешь, ничего не сказал. Встретил мена, отвязал жеребца и помчался обратно.

– Интересно, как же так?

– Не знаю... А ты, однако, ждал, ждал и не мог дожидаться?

– Конечно... Потом слышу: зазвенит – перестанет, зазвенит – перестанет.

– А-а, это я наши вещи собирал, – стал пояснять товарищ. – Один твой костыль там, другой – там, портфель – там, мой мешок – там, парка – там. Еду и собираю. А трубку свою так и не нашёл – выронил где-то. Жаль, знаешь. А ну пошел, чёрт Бегун! – и несколько раз сердито стегнул вожжой жеребца.

Было уже светло, когда мы прибыли в Каша-Горт. Жители не спали, но, казалось, никто не знал о нашем приключении. Зайдя в дом, первым делом я решил отогреть ногу. Повадал колхозникам о случившемся. Все встревожились. Помогли мне разуться, натерли пальцы снегом. Находили, что, будь я дольше в лесу, наверняка отморозил бы последнюю ногу. Хорошо, что Пронька вовремя выручил. Он и сам был тут же, в избе. Я благодарил его, а он, не глядя ни на кого, молча ухмылялся.

– Мы даже не знали, что Проня из Каша-Горта отлучался, – сказала Анна, собирая на стол еду, чтобы скорее отогреть нас чаем.

– Вы ещё спали, как можете знать? – тихо произнёс Пронька.

Вошел Семён Петрович. Увидев конюха, с необычной ласковостью в голосе обратился к нему:

– Спасибо, Проня, а то совсем замёрз бы учитель. Как же в такую рань ты угадал подоспеть на помощь?

Пронька, сидя недалеко от входа и рассматривая свой палец, с едва заметной ухмылкой медленно ответил:

– Я всегда рано встаю.

– Он всегда раньше всех встает, – быстро добавила Анна, мельком взглянув на конюха.

– А Бегуна-то как заметил? – обратился я к Проньке.

– Вышел на улицу, слышу – колокольчик бренчит. Там вон уже, дальше юрт, – Пронька махнул рукой.

– Ну и что?

– Смотреть стал – сани пустые.

– И решил поймать?

Пронька помолчал, продолжая чуть заметно ухмыляться, затем сказал:

– Да нет, не сразу.

– А почему? – Анна опять бросила взгляд на конюха, проворно носясь по комнате.

– Думал, может, хозяин близко, – Пронька поднял рыжую и, как я заметил тут впервые, остриженную под польку голову. И вообще вид у него был совсем иной: малица с новой матерчатой сорочкой, на ногах добротные пимы и лицо свежее. Он добавил: – Оглянулся вокруг – никого нет. Сел на Карку – догнал кое-как, палец вот ушиб.

– Молодец, – опять похвалил председатель. – И догадался, что люди где-то вывалились?

– Я не знал, что учитель тоже едет. А про тебя понял: председатель ехал, дуга с колокольчиком, в розвальнях трубка оказалась. Коли трубка валяется, значит, что-то случилось. Коня скорей возвращать надо. Вот и все, – с необычной живостью сообщил Пронька, не пряча ни от кого свои серые глаза.

– А где трубка? – обрадовался председатель.

Пронька не спеша извлек из-под малицы трубку и протянул Семёну Петровичу, говоря:

– Вот она. Бери, кури на здоровье.

– Ай да молодец! Совсем молодец, Проня! – окончательно развеселился председатель и не утерпел, повернувшись ко мне, сказал: – Так и быть, угостим его когда-нибудь вином. Верно?

Вокруг загалдели:

– Он теперь не пьет, лучше не заманивайте.

– Не видите, что ли, как он изменился? – радостным голосом добавила Анна.

– Да я вижу – он совсем как жених! – с удовлетворением воскликнул Семён Петрович. – Анна, хватит тебе в девках ходить, осчастливь человека. Анна зарделась.

– А мы, может быть, уже женаты. Вы же не знаете.

– Вот лешаки-то! – Семён Петрович ликовал вовсю. – Давайте скорей чаевать, свадьбу справлять!

Все засмеялись, в том числе и Пронька, но видимо, чтобы переменить разговор, он сказал:

– Знал бы, что учитель вывалился, ещё скорей коня возвратил бы.

– Спасибо, Проня, ты и так вовремя подоспел, – поблагодарил я.

А он деловито предложил:

– К розвальням кошевку делать надо. Тогда не упадёшь, не замёрзнешь.

– Не вывалюсь, дорога пойдет хорошая.

– Конь дурной, шибко вредный конь, – с сердцем пояснил Пронька.

Опять все засмеялись. Я впервые видел Проньку веселым.

Стали чаевать, а Пронька ушёл к лошадям. Когда мы с председателем, вновь облачась в дорожную одежду, вышли на улицу, Пронька заканчивал установку кошевки в наших розвальнях. Мы не стали возражать, ещё раз поблагодарили конюха за всё и тронулись в дальнейший путь. Я невольно предался размышлениям об истории с жеребцом, о нашем приключении, о Семёне Петровиче, о Проньке и Анне. Об этом же, видимо, думал и председатель.

– Вот так история! – произнёс он и, весело свистнув, стегнул вожжой Бегуна.

СЛУЧАЙ С РУКАВИЦЕЙ

Как-то в детстве поехали мы с братом на рыбалку. Только оттолкнули лодку от берега, видим – бежит мать и кричит:

– Погодите! Рукавицы-то забыли!

Пришлось вернуться. Мать подала нам рукавицы и напутствовала:

– Разве можно без рукавиц-то? Намозолите руки, и комары искусают. Берите, да не теряйте, ещё не раз пойдёте.

Мы попеременно сидели на веслах и, конечно, могли натереть ладони, а рукавицы шиты из двойной замши – мягкие, удобные.

Была середина приполярного лета – стояли жаркие дни. Чуть веял ветерок, и вода на Оби лишь кое-как морщилась. Все небо с белыми, как снег, редкими облаками отражалось в широкой реке. Когда мы переезжали её, мне даже стало немного страшно. Казалось, что плывем по воздуху: сверху небо и внизу небо.

Промышляли мы на заливном лугу – в сору. Вода здесь неглубокая, и везде проглядывают островки ярко-зелёной травы. Сети ставил брат Федюшка, а я сидел в носовой части лодки и придерживал её веслом. Сразу же вокруг нас появились комары и стали больно кусать. Я одной рукой крепко держался за весло, а другой отмахивался от комаров. Но как ни старался, комары не унимались, и я решил гнать их рукавицей. Снял рукавицу с руки и давай воевать с комарами. А Федюшка предупреждает:

– Не хлещи себя сильно по лицу, опухнет. Со мной так однажды было. Но как не хлестать, когда их целый рой вокруг головы кружит? Я сильнее махнул рукавицей и выронил её в воду.

– Ну вот, – засмеялся брат. – Я же говорил: не маши сильно.

– А я её сейчас достану веслом, – спокойно ответил я.

– Ладно, погоди, – говорит Федюшка. – Всё равно не достанешь, а утопить можешь. Никуда она не уплывет, течения-то здесь нет. Вот поставим сеть и достанем.

Я промолчал и снова стал придерживать лодку, изредка поглядывая на плавающую рукавицу. Но тут у Федюшки что-то стряслось с сетями, и я засмотрелся на него. Лицо и руки у брата, как и у меня, казались про-smолёнными, были коричневыми. Это оттого, что мы, как окончили учёбу, всё время на ветру, а руки – каждый день в воде. Оба мы были в тонких суконных парках, похожих на длинную рубаху, но с капюшоном и короткими рукавами, чтобы не мочить их в воде.

Я нарвал в воде пучок длинной сочной травы и стал им отгонять комаров. Пока следил за братом, совсем забыл про рукавицу и вспомнил про неё, когда кончили ставить сети. Теперь мы были далеко от того места, где я выронил рукавицу. Когда мы вернулись туда, её уже не оказалось.

– Куда же она делась? – удивился Федюшка. – Течения-то ведь нет и тихо, даже вода не шелохнется.

– Ну значит утонула, – уверенно сказал я.

– Неужели утонула, такая лёгкая? – Федюшка стал всматриваться в воду. Я тоже припал к борту лодки и гляжу вглубь. Дно недалеко, а северная летняя ночь светлая – всё видно. Вон трава светлеет по дну, а вот жучок прополз. Что-то блеснуло вроде рыбки.

– Нет в воде рукавицы, – заключил брат, а сам зачем-то начал щупать дно веслом и даже помешал им.

Я тоже заработал веслом, и мы вмиг замутили воду.

– Ой, что мы делаем! – спохватился Федюшка. – Зачем мутим, сети-то рядом!

– А может, зыбью от лодки вон туда, к траве, рукавицу отнесло, – сказал я.

Поехали, внимательно осмотрели островок травы – нет рукавицы. Доехали до берега, потом вернулись назад, опять все кругом осмотрели – безуспешно.

– Ты, наверное, не рукавицу выкинул, что-нибудь другое, – сказал брат.

– Что ты, Федюшка. Я хорошо помню, как снял рукавицу с руки и махал ею.

– А всё-таки посмотри хорошенько около себя, – посоветовал недоверчивый брат.

Я перетряс всё, что было возле меня, и, конечно, ничего не нашёл.

– Ну вот и потеряли рукавицу, – заговорил я. – Это из-за тебя. Надо было сразу достать.

– Уже и захныкал! Найдём, куда денется.

Федюшка воткнул весло в ил и привязал к нему лодку. Пристать к берегу нельзя было из-за комаров. Мы долго молчали, каждый по-своему размышлял о случившемся. Сети стояли недалеко, и я заметил, как в одном месте туго натянутая тетива вдруг прогнулась и ушла в воду.

– Федька, рыба попалась. Гляди! – воскликнул я обрадованно.

Брат обернулся и стал смотреть.

– Однако щука. Пойдём скорее, а то порвёт сеть и уйдёт, – сказал он.

Мы с трудом высвободили рыбу из сети, и в лодке громко зашлёпала хвостом большая щука.

– А живот-то какой огромный! – удивился я.

– Видно, икрюная. Хорошая будет уха.

Мы отъехали от сетей и вновь привязали лодку к веслу. Потом поели простокваши с зырянскими шаньгами и перед тем, как лечь спать, ещё раз объехали вокруг – искали рукавицу. Но так и не нашли. Мы запечалились – что скажем маме? Рукавица была почти новая, и вот потеряли. Мать не успевает шить и чинить нашу одежду.

Когда мы проснулись, от утреннего свежего ветерка лодку покачивало на небольших частых волнах. Солнце стояло выше тальников, а дружный вороний грай и беспокойные голоса чаек предвещали ветреный день. Мы поспешили снять сети. Рыбы оказалось совсем немного – маленький сырок да два пыжьяна. Зато щука какая! Раскрыв зубастую пасть, она всё ещё шевелила жабрами.

– Рукавицу-то так и не нашли, – вздохнул я, принимаясь грести.

– Да, чудно получилось. Словно улетела, – ответил Федюшка. – Расказать – не поверят.

И правда – мать не поверила нам.

– Не могли так потерять рукавицу, – сказала она твёрдо. – Наверно, где-нибудь оставили.

– Да нет же, мама, мы и к берегу-то не приставали, – убеждал её Федюшка.

– Ну тогда ищите её в своих вещах, в лодке. Рыбы-то хоть добыли? Батюшки, совсем мало! А щука большая и какая пузатая! Чай, икрюная. Сейчас уху сварим.

Мать сложила рыбу в мешок и пошла домой, захватив с собой вёсла. Во дворе мы принялись развешивать сети для просушки. Этого нельзя было откладывать. Вдруг на крыльцо выбегает мать с засученными рукавами, в переднике и с радостно-изумлённым лицом.

– Дети, рукавицу-то ведь я нашла! – весело воскликнула она.

Мы с братом молча переглянулись и продолжали работать. Тогда мать окликнула нас громче:

– Слышите, ребята? Вот потерянная-то рукавица! Смотрите!

Мы оглянулись, и верно – мать показывает рукавицу.

– Откуда она взялась? – произнес я с изумлением.

– Да у щуки в животе нашла, – объяснила мать сквозь смех.

– Как у щуки? – закричали мы и побежали в дом.

Оказывается, мать распоролла щуке живот и вместо икры увидела туго набитый чем-то тёмный желудок. А когда разрешила его, от удивления ахнула – рукавица!

– Ишь, воровка, – ткнул пальцем в щуку Федюшка. – И как она съела рукавицу?

Старый дед объяснил:

– Видно, плыла близко, увидела на воде рукавицу, приняла за утёнка и – хват. Прожорливы они, щуки-то. Помню, мы однажды в желудке у щуки подпилоч обнаружили.

– Какой подпилоч? – удивился я.

– Обыкновенный, с деревянным черенком. Наверное, кто-то выронил, он и поплыл торчком, а щука увидела и схватила.

Я долго рассматривал рукавицу, не повредила ли её щука зубами, но рукавица была целая, только мокрая.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Якуб ЗАНКИЕВ ЛЮБОВЬ, ОБЪЯТАЯ ПЛАМЕНЕМ

Глава из романа

Забота о школе, давно не видевшей ремонта, после отъезда Зиннура легла на плечи Гульсины. На фронт забрали лучших колхозных лошадей и непокорного школьного жеребца. Школьным завхозом вместо Ахмадуша назначили старика Хамита. Дрова и воду из Иртыша приходится перевозить на быке по кличке Пегий. Бык – упрямое животное, приучить его к упряжи – дело тысячекратной сложности. Запрямится – с места не сдвинешь. Мало-помалу старик приспособился к бычьему характеру. Самые сложные обязанности завхоза – водовозные. Берега Иртыша высокие, крутые. Сколько раз рогатое животное подводило именно здесь! Старик ласково гладил быка, угощал сеном, в конце концов, махнув рукой, решил выпрячь быка и самому тащить тяжелую повозку вверх. Рука не поднималась взять хворостину и проучить упрямца, смотревшего на него большими печальными глазами. Старый Хамит утирал собственные слезы: «Проклятая война! Не только людей, а животных заставила маяться. Наступят ли мирные дни, Всевышний?» Непосильная работа в зимнюю стужу дала о себе знать. У старика усилился кашель, возвращалась старая болезнь. Нурия жалела его: «Отец, может, оставишь работу? Может, на твое место найдутся те, кто помоложе?» Но тот не соглашался:

– Нет, дочка, все мужчины на фронте кровь проливают, как я буду спокойно отсиживаться дома за печкой? Опять же паек дают, хоть и маленький. Какая-никакая добавка к домашней похлёбке. Пока есть силы, хочу немного помочь.

Нурия тоже не могла похвастаться своим положением. После тех памятных событий в наказание за непокорность Хайруш дал самую трудную работу: заготавливать дрова для колхоза. Брели на месяц, пришлось провести в лесу целую зиму. Долгие недели жили в таежной землянке, не видя бани. Приходилось работать в больших залатанных мужских валенках, холщовых штанах навыпуск, по грудь в снегу. В школе места не было: учительница родного языка Фаузия апа вернулась на свою должность. Хайруш старался согнуть её в дугу, поручая самые тяжёлые участки работы в колхозе.

Все терпели ради победы. Школьники тоже трудились в колхозе. Положение учителей было не из лучших. Особенно трудно приходилось без топлива. Остались только приятные воспоминания о том времени, когда Зиннур абый организовывал коллективную заготовку дров. Да, тогда не было войны. А сейчас? Душа переворачивается при виде замерзших, свернувшихся в комочек учащихся. В классах холодно. Чернила, приготовленные из сажи на водной основе, замерзают – дети вынуждены держать чернильницы подмышкой. Учителя начальных классов Фарида и Амина ходят по домам тех учащихся, у которых нет одежды и валенок, закутывают их в тряпье, приносят и уносят из школы. Тетрадей нет, пишут в старых учебниках между строк. Как бы там ни было, но школа ни на один день не закрывалась на замок. Учителя добросовестно выполняли свои обязанности. Они всегда были на посту, даже в те дни, когда из-за стужи дети не приходили в школу.

Сталинские законы коснулись и школы. Опоздание на двадцать минут независимо от причины каралось – лишали пайка на муку, сажали в тюрьму. Молодая учительница Амина чуть было не попала под статью этого закона. Как всегда, утром она отправилась в школу. По дороге её внимание привлек дом Гаян апа, из которого доносился плач ребёнка. Подошла к двери – закрыто. Пока сходила к соседям, нашла ключ, прошло достаточно много времени.

В доме Гаян апа сидел и плакал тот самый мальчик, что родился в самом начале войны. Старшие сестрички в школе, мать на работе. Ребёнок, увидев Амину, протянул тоненькие ручонки, пролепетал «мям-мям». Девушка, схватив ребёнка, побежала к бабушке Барисе, живущей по соседству. По дороге забежала к себе домой, дала мальчонке кусочек лепёшки, немного молока. Пока возилась с малышом, опоздала на урок. Туйбика моментально донесла директору школы. В ответ директор школы Гульсина произносит святую ложь: «Ой, совсем забыла, она ведь просила меня...» С этими словами направляется в класс Амины. Завидев в окно бегущую Амину, выходит в школьный коридор. Та пытается объяснить, но Гульсина ладошкой закрывает ей рот: «Скорее в класс! Об опоздании – никому ни слова!» Это событие надолго запомнилось Амине. Голодный плачущий ребенок, стрелки часов, показывающие тридцать минут... Сколько раз видела один и тот же сон: бежит, бежит, никак не может добежать к началу школьного урока... Сколько раз просыпалась она в холодном поту...

Ребята старшего школьного возраста с началом учебного года не оставили работу в колхозе. Уроки сокращены, дети, учителя все на зернотоку. Нетрудно понять, что было на уме у детишек в старых отцовских телогрейках, подпоясанных веревками. Все они мечтали о скорейшем окончании войны, проклинали ненавистного Гитлера.

Рустам, сын Наубахар, заснул во время работы на молотилке, упал с лошади. Несколько суток мальчик пролежал без сознания. Туктабика всё время находилась рядом с больным, не уходила к себе даже ночевать. У ребёнка оказалось сотрясение мозга. Придя в сознание, побледневший и исхудавший мальчик посмотрел в окно, тяжело вздохнул, затем произнёс:

– Эх, тётя Туктабика, если бы не этот кривоглазый Гитлер, я бы тоже играл на улице.

Девушка крепко обняла его, со слезами прижала к груди. Она была рада, что больной пришёл в сознание:

– Да, да, мой маленький, этот злодей всех нас сделал несчастными.

Беда одна не ходит. После Рустама несчастье случилось с братом Тансылу Речапом. Когда он подавал сноп в молотилку, зацепило рваный рукав и всю левую руку. На душераздирающий крик сбежались люди. Рука была оторвана, висела в рукаве, а сам подросток без сознания лежал на земле. После этого вся работа на току легла на плечи слепого Малика, Хасан-ака и Хусаин-ака.

Нурия, отлучившаяся на несколько дней помыться в бане и сменить одежду, навести молодых учительниц, подруг Камиллю и Туктабику. Письма с фронта зачитаны до дыр, но их перечитывают вновь и вновь. Амина сочинила для мужа песню:

Тверда земля на бреге Иртыша,
Где я пшеницу сею.
Тебе я письма всё пишу,
С надеждой в даль чужую.

Муж тоже в каждом письме отправляет Амине стихотворные песенные строчки.

На небесах облака синие
Бегут, полны снегами.
Вдали от родины в чужбине
Тоскую, сердцем с вами.

Через некоторое время после этого письма пришло известие: «Пропал без вести». Она не поверила. «Наверно, перепутали. Он и во сне мне часто снится, жив, здоров, даст Аллах, вернётся», – успокаивала она сама себя.

От Зиннура письма приходили редко. В каждом письме он писал о скорой победе, о своем возвращении домой. Нурия прочитала очередное письмо и побежала порадовать родителей Зиннура.

Чёрная копоть войны
Затмила зарю моего счастья.
Разум мутится во мне,
Чуть вспомню об этом несчастье –
Военный угар отойдёт,
Рассвета лучи станут алые.
Радость и счастье вас ждёт
За то что дождались, любимые.

Девушка почувствовала нестерпимую тоску по своему Зиннуру, читая незатейливые строчки его стихотворения. «Пусть будет проклят этот враг, скольких людей он сделал несчастными!»

Долгими зимними вечерами женщины собираются вместе, вяжут носки, рукавицы, штопают прохудившуюся одежду. Вместе горе легче пережить. Они старались не оставить без внимания семьи, получившие чёрные бумаги. Бабушка Ымсынай проводила на войну четверых сыновей, а потом получила четыре похоронки. Когда шли мимо её дома, обязательно заходили, узнавали, как она живёт. Амина решила сегодня после уроков зайти к бабуле. Не обращая никакого внимания на вошедшую, бабушка продолжала своё дело. Надела наволочку на подушку, потом прижала её к груди, называя имя то одного сына, то другого. Потом положила в колыбельку и стала качать: «Спи, мой маленький, усни, глазки закрывай, спи, моя звездочка, бай, бай...» Видимо, сердце матери, потерявшей четырёх красавцев-молодцев, не выдержало. Она тронулась рассудком. Амина стояла, кусая губы, глотая слезы, не знала, что сказать сошедшей с ума старой женщине. А Ымсынай-эби, оставив люльку, быстрым шагом подошла к kazanу, налила воду, спохватившись, начала искать спички, которых нет. «Мой Басыйр, мой Шакир скоро придут, а у меня обед не готов», – приговаривала она. Затем, не зная, что делать, в замешательстве остановилась. В этот миг, кажется, к ней вернулся разум, она прошла к саке, присела на краешек и заплакала: «Милая Аминакай, мои кровиночки, мои деточки ведь погибли...» Амина не нашла слов утешения. Мать снова взяла на руки подушку, чтобы покормить грудью «ребенка». Молодая женщина побежала прочь из хаты. Плача, она добежала до медички и привела её с собой. Ни одно лекарство не помогло горю матери. Свалившееся на плечи несчастной женщины неподъемное горе свело её в могилу.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Юлия ЕЛИНА

Переводы с совьего делают для синиц –
Правят пару артиклей присвистом и нитьём.
У песочных (ча)Сов нет времени, только струится ниц
Белый песок, выскользывая в проём.

Катится солнце морозной твоей зимы,
Крошкой алмазной скрипит под ногами лёд.
Не замерзай, быть может, проснёмся мы
В новой судьбе, продолжившими полёт.

Птица подлунная вылупила глаза
И глядит подозрительно, голову наклонив.
Будто просит о чём, вот только понять нельзя –
Переводы с совьего делают для синиц.

Памяти Стругацких

Главные герои не умирают
Только в голливудских прокатных фильмах.
Довези, извозчик, до арканара
Где всё так же крутится дым в «коптильнях».

Серым капюшоном скрывают лица,
Отдают в залог дорогие перстни.
Это сон, я сплю, мне всё это снится,
Лезут в уши странные чьи-то песни.

Мир уже не сдвинется ни на йоту.
Думаешь, что дёрнется или хрустнет?
Белый пепел сыплется с вертолёта,
Ветер бьётся, бьётся в фальшивый рустик.

Дерево, бредущее по воде...

Дерево, бредущее по воде
В никуда из своего убежищного нигде.
Дерево, куда же ты, погоди,
Чей топор торчит из твоей груди?
Дерево, как река тебя не взяла?
На спине огонь. На ресницах слеза-смола.
Безголосое? Молчаливое? Не тревожь...
У него три сотни годичных слоёных кож.
Но зато в реке совсем не видны следы.
Как захочешь пить, так вдоволь её, воды.
Впереди волна, позади кильватерный след.
Вот оно бредёт,
Вот едва видно,
Вот его и нет.

Детские игры. Штандер-стоп

1. Штандер-стоп! (6 лет)

Штандер-стоп. Вот и головы задраны кверху.
Двор меж старых хрущёвок июльское солнце впитал.
Пусть знакома игра, но она нелегка на поверку.
Моё мягкое имя последним ведущий назвал.

Ничего не вернуть, ничего из того, что случится.
Почтальон опускает нам в ящик какой-то конверт.
И беспомощно бьётся о ребра «бескрылая птица».
Там в конверте – «развод», мама позже сказала: «разъезд».

Мяч летит, я бегу, запинаясь, стираю колени
Мне шесть лет. Я ещё постигаю значения слов.
Не бросайте детей, это худшее из преступлений.
(На моё «почему» был у мамы ответ не готов).

Да, аптечка на кухне. Зелёнкой залитая кожа.
Слёзы щиплют глаза, чертят две полосы на щеках.
Осознать,
что вот с этой минуты и я «безотцовщина» тоже
Не придётся. Мне шесть. И моя голова – в облаках.
Штандер-стоп!

Shoah

Не приведи
в шеренге «на шестерых»
в холодные «душевые»
молча идти.
Живые
оставят телесный жмых.

Не приведи
рабочим зондеркоманд,
ежедневно
стирая пепел с опухших век,
обернуться назад:
«Кто человек?»

Не приведи,
покупая паспорт,
фамилию, имя, адрес,
ретушировать память.
Прокручивать
старый фильм,
очерчивать
белый абрис.

Мост последней надежды

Ухо Бога открыто меж верхних опор моста.
Припади к перилам грудью и животом,
Глубоко вдохни, потом под эхо подставь
Боль и отчаяние, усиленные мостом.

Так стоишь, не зная, о чём попросить Творца.
Маячишь внизу, мелким зудишь жучком.
Люди глухи к тебе? Тогда начинай с конца.
Мост. Закат. Заходи за край и лети ничком.

Нет, не так. Оторви от нёба язык, размыкай уста.
Выше только Бог, бликами в очах Его фонари.
Снова делай вдох и прямее, прямее встань,
Говори теперь, говори, как есть, говори...

Ксения ЯКИМОВА

ДЕВОЧКА С КРАСНЫМИ РУКАМИ

Дождь лил не переставая. Вторую неделю чёрные тучи, полные воды, застилали небо над городом. Лишь время от времени в образовавшееся оконце на пару минут из-за туч выглядывали жалкие два-три лучика и исчезали снова. Город был сырой и мокрый.

– Что за бредовая погода! – ворчали прохожие, с раздражением расправляя зонты. Но вскоре замолкали и мелькали серыми тенями, замкнутые в своем мирке. Кто на работу, кто в школу, кто забирать детей из детского сада. Самая красивая аллея, где раньше прогуливались счастливые мамы с колясками, где малыши с визгом ныряли в фонтан, а девчухи сосредоточенно рисовали мелками на аккуратной асфальтовой дорожке, находилась в центре города, в тихом уютном местечке. Теперь зелёные июньские листья на деревьях приобрели серовато-грязный оттенок, и никто больше не прогуливался по дорожкам и не сидел на скамейках. Рядом с бульваром находилась маленькая церквушка святой Троицы, уютно спрятавшаяся в зелени сирени и тополей, которые уже не цвели и не пахли. Люди шли, не обращая внимания на нескольких нищих у паперти.

Оля стояла, сунув окоченевшие пальцы в карманы старого пальто, серого и короткого. Одной рукой она держала стакан с двумя-тремя жалкими копейками, брошенными прохожими. Девочка с тоской смотрела на серое небо и вытирала глаза, не то от слёз, не то от капель дождя. Она думала о том, что дома лежит на кровати вся в жару и бредит больная мать, что запасы еды и оставшиеся на «чёрный день» деньги кончаются, что уже два дня она просит милостыню, как нищенка. Она ужасно стыдилась этого и потому стояла, натянув лёгкую шапку почти на глаза.

Проходя с понурым видом по подземным переходам и площадям, Оля не раз замечала, как зарабатывают музыканты, играя на гитаре, скрипке или флейте. И зарабатывают неплохо, иногда бродячим музыкантам кидают не только монеты большого достоинства, но даже сотенные купюры. Умей она тоже играть на скрипке, может, заработала бы на лекарства маме. А так ей ничего другого не оставалось, кроме как стоять под небольшим навесом и просить милостыню.

Подруг у Оли не было. Одноклассники не дружили с нищей, и на переменах девочка грустно смотрела в окно, разглядывая голубей на школьной крыше. Она не завидовала одноклассницам, щеголявшим в модных джинсах, ярких футболках и кофтах, но глядя на них, остро ощущала свою бедность, отводила глаза и молчала.

Сейчас они, должно быть, сидят в своих тёплых уютных квартирах, смотрят сериал или читают книжку, попивая горячий шоколад и прислушиваясь к стуку дождя по карнизу, наслаждаются каникулами. Только у Оли каникулы будут неинтересными и серыми. Она вынуждена просить милостыню и лечить мать.

«Детей повели. Уже примерно шесть часов», – подумала Оля, провожая взглядом детишек с родителями. Детский сад находился рядом, за углом. Малыши проходили, смеясь и лопоча что-то мамам, бабушкам и дедушкам. «Наверно, только дети в этом городе не забыли, что такое смех и радость», – пришла мысль. Вдруг Оля вздрогнула, услышав разговор о ней.

– Кто это, мама? – спросил детский голосок.

– Девочка. Неужели не видишь? – последовал недовольный ответ.

– Почему она не идёт домой? – недоумённо спросил детский голосок. Оля густо покраснела. Ещё чего не хватало! Длинная пауза, видно, мама молчит, понимает, что девочка нищая.

– Холодно, мамочка. И сыро. Она кого-то ждёт?

Оля увидела женщину, держащую за руку маленькую девочку лет шести. Проходя мимо, женщина бросила в стаканчик пятидесятирублевку. Чем закончился разговор, Оля не узнала.

– Мамочка, зачем ты ей деньги дала? На подарки? – Ангелина заглянула матери в лицо.

– Эта девочка – нищая. У неё денег нет, вот она и стоит со стаканчиком в руках и просит милостыню.

– Что такое милостыня?

– Милостыня происходит от слова «милость». У нищей девочки нет денег, проблемы у неё, понимаешь? Милосердный человек, то есть человек с «милым» сердцем, подаёт милостыню.

– Мамочка, так значит, у тебя милое сердце? – глаза девчужки загорелись от восторга.

Женщина молчала. Они шли к автобусной остановке. По-прежнему накрапывал дождик.

– Мамочка, там ещё стояли люди со стаканчиками. Они тоже нищие?

– Да.

– Почему же они все стоят у церкви?

– В церкви молятся православные люди. Бог учит их быть милостивыми, и они не должны пройти мимо просящего.

Ангелина замолчала. Сели в автобус. Девочка сидела, прислонившись лобиком к запотевшему стеклу, и думала. Вдруг она сказала:

– Ей холодно.

Она провела пальчиком по окну. Сквозь образовавшуюся полоску были видны мелькающие дома, машины, магазины и торговые центры. И люди. Только люди выглядели серыми расплывчатыми пятнами.

Каково стоять девочке со стаканчиком под дождём? Руки у неё были красными, это малышка заметила хорошо. Значит, она замёрзла.

Мама легонько дёрнула Ангелину за куртку – выходим, и они вышли на своей остановке.

– Мама, почему так долго идёт дождь?

Молчание.

– Мама, почему...

– Не знаю, – резко остановила ее мама, и чуть смягчившись, пояснила: – Это ты у дождика спроси. Кроме него, это никому неизвестно.

Дошли до подъезда. Знакомый подъезд, аккуратная, красивая парадная дверь, лифты. Мама подошла к почтовым ящикам и вынула связку ключей с дюжиной брелоков.

– Тебе письмо, – сказала она Ангелине, – от бабушки.

Продолговатый конверт лёг на ладошки девочки. Настроение тут же поднялось. Бабушка из далёкой деревни часто присылала письма Ангелине, или, как она ласково называла внучку, Ангелочку, а к праздникам – посылки с подарками.

– Мама, бежим домой, – тут же затеребила мамину руку малышка, – я очень хочу прочитать письмо!

Сама писать Ангелинка пока не умела, и ответы писала мама под её диктовку. Девочка сочиняла письмо, рассказывала, как проводит дни в саду, и воображала, что они скоро приедут к ней в гости.

Забежав домой и скинув мокрые сапоги, Ангелина кинулась открывать письмо. Разорвав конверт, она аккуратно вытащила исписанный лист. Оказалось, что бабушка прислала два письма – второе, очевидно, маме.

– Мама, мамочка, прочитай! – девочка запрыгала на одной ножке.

– Мой руки и садись за стол, – строго послышалось из прихожей.

Когда Ангелина уселась за стол, мама раскрыла листок.

«Милая моя Ангелина! Ангелочек мой. Как я по тебе соскучилась! Надеюсь, ты слушаешься маму, папу? Если так, то ты большая умница. Ты уже большая девочка. Я немножко приболела и приехать к вам уже не смогу. Помню, как ты мне писала, что тебя обижает в садике мальчик Владька. Помирилась с ним?..»

Ангелина улыбнулась. Приятно тронуло сердце лёгкое воспоминание о случае, когда Владька дергал Ангелинку за косички и обзывал зазнайкой. Она написала об этом бабушке, и бабушка посоветовала внучке в ответ не драться и не кусаться, а улыбаться. И этот метод помог! Владька сперва растерялся, а теперь они стали лучшими друзьями.

«...Я рада, если мой совет тебе помог. В конце хочу тебе сказать: оставайся, внученька, светлой и доброй. Будь скромной и милосердной. С любовью, бабушка».

Впервые бабушка писала так странно. Ангелина так и застыла, когда мама прочитала «будь милосердной». Будь милосердной.

Бабушка писала, словно она уезжала далеко. Далеко, туда, где Ангелина никогда не была. И говорит вслед, чтобы Ангелина была милосердной.

Она вошла в свою комнату. Весёлое настроение, что появилось возле почтового ящика, куда-то улетучилось. Ангелина села на диван и задумалась. Не выходила из головы та девочка с дрожащими красными руками. Почему-то Ангелина заметила лишь красные руки. От холода, от сырости луж. Наверняка она стоит у ограды церкви долго. Ангелина почувствовала в своём маленьком детском сердце боль. Щемящую и тяжёлую. Никогда Ангелина не ощущала на себе такого и потому удивилась. И тут у девочки созрел план.

Она решительно открыла шкаф. Покопавшись среди вешалок с одеждой, Ангелинка нашла и вытащила небольшого размера сумку с голубыми цветами. Туда она сложила шоколадку, подаренную ей маминной подругой, и свою тёплую беленькую шапочку. И задумалась. Шапка была самой её любимой. Ангелине нравилось, что шапочка была белоснежной и что в ней она похожа на маленькую принцессу, как сказал папа. Вспомнила красные руки. «Перчатки!»

Ангелина побежала в прихожую и принялась рыться в перчатках и варежках. Отыскав свои, Ангелина остановилась снова. Её перчатки были явно малы для «девочки с красными руками», как она окрестила нищую. А старые мамыны? Они хоть и старые, но тёплые и даже имеют вполне приличный вид. Она взяла в руки мамыны перчатки и положила их в сумку. Теперь последнее. Ангелина встала на стул и сняла с полки копилку. Не раздумывая она разбила её. В комнату заглянула мама и недоумённо взглянула на дочь.

– Что у тебя за шум?

– Ничего, мамочка, это я копилку разбила.

Мама снова скрылась за дверью, и Ангелина принялась пересчитывать деньги, которые находила и складывала в копилку целый год. Несмотря на свой возраст, девочка прекрасно считала. Набралось очень много. Так много, что хватило бы на пушистую пони из магазина игрушек. Проходя

мимо магазина, Ангелина всегда с замиранием сердца смотрела на прекрасную лошадку. Подходя к магазину, с беспокойством думала: вдруг уже купили? Замечая вдалеке розовую гриву игрушки, облегчённо вздыхала: «Накоплю и попрошу маму купить». Накопила.

Ангелина осознала, что целый год ждала этого момента, и теперь не знает, как поступить. Она любила пони, воображала, как ложится с ней спать, как кормит её с ложечки и доверяет свои секреты. Целый год она копила, и теперь отдаст накопленное богатство незнакомой девочке. Мама эту пони не покупала, говорила, что у Ангелины и без неё полно игрушек.

Ангелина это прекрасно понимала, но все эти игрушки стали ей скучны, и хотелось именно пони. «Может, не отдавать?» – шевельнулась мыслишка.

От размышлений у Ангелины разболелась голова. Она расстелила постель и легла.

Ей снился страшный сон. Как будто Ангелина стоит у церкви в одном легком домашнем платье. Со стаканчиком в руке. В стакане лежат две жалкие монетки. Идет дождь, и Ангелина босая, стоит на мокром асфальте. Ноги и руки покраснели от холода. Девочка хочет домой, но не может сдвинуться с места. Она словно застыла на месте, руки и ноги не шевелятся. Вдруг мимо проходит девочка... с пони в руках! Странная девочка. Да и не поймешь, не то девочка, не то мальчик. Невысокого роста, темная шапка, черная куртка. Смотрит на Ангелину странным, страшным взглядом. Улыбается. А улыбка недобрая, если не сказать хищная. Медленно проходит мимо. И вдруг резко останавливается и бросает в Ангелину игрушечной пони!

Ангелина резко проснулась вся в холодном поту. Ей обидно и горько. Ангелинка вытерла красные глаза ладошкой и улеглась на другой бок, спрятавшись под одеялом. И ей приснилась бабушка. Она стояла рядом. Случистыми глазами, доброй и нежной улыбкой. Она утёрла Ангелине слезы и поцеловала в лоб. А ещё сказала: «Будь милосердной, Ангелочек». И всё.

Утром, когда мама разбудила Ангелинку, чтобы идти в сад, девочка положила накопленные двести семьдесят три рубля в игрушечный кошелек и убрала в сумку.

– Куда тебе такая сумка в садик? – раздражённо спросила мама.

– Надо, мама, – коротко ответила Ангелина.

В садике она ни с кем не разговаривала, а с грустью смотрела в окно и рисовала. На её картинке с листа бумаги грустно смотрела девочка с красными руками, держащими стакан. К Ангелинке подседа непоседа Алиса с рыжими косичками.

– Чего ты такая грустная сегодня? То в окно пялишься, то рисуешь что-то. Покажи, – она отодвинула Ангелинину руку с листа.

– Кто это? Бомжиха, что ли? – вдруг засмеялась она.

Ангелина опешила.

– Какая бомжиха? Это девочка с красными руками.

– Какими руками? – Алиса смотрела на Ангелину с насмешкой. – Я видела девочку-бомжиху у храма, когда домой ехала из сада. Мама говорит, что это бомжиха. Бомжи противные и вонючие, а ты их рисуешь.

– Что ты такое говоришь? – Ангелина рассердилась. – Это бедная девочка, у неё нет денег. Она не бомжиха.

Алиса повела бровкой.

– Мама говорит, что у них есть деньги, и подавать ничего этим попрошайкам не надо.

Она развернулась и побежала к подружкам.

Ангелина прикусила губу. Оказалось, что девочка ещё и бомжиха, и попрошайка. Но нет. Бомжиха звучит оскорбительно. Наверно, это какое-то взрослое ругательство, но так нельзя называть бедную девочку с красными руками. Попрошайка! Какая же она попрошайка? Почему Алиска говорит, что у неё есть деньги? И так видно, что у неё их нет, зачем ей тогда мёрзнуть под дождём и ждать, когда милосердный человек подаст копейку?

Ангелина сложила рисунок вдвое и положила его в шкафчик, прямо на сумку.

Вернувшись домой, Оля тихо сняла сапоги и на цыпочках прошла в комнату. Рядом с мамой, лежащей на диване и накрытой пледом, сидела соседка и мерила маме давление. Оля любила добрую соседку тётю Клаву. Пожилая женщина каждый день помогала Оле с мамой с продуктами, хотя сама еле сводила концы с концами.

– Здравствуй, Оленька, – тётя Клава увидела в дверях Олю, и по ее озабоченному лицу Оля поняла, что дело плохо. Она подошла к тётё Клаве.

– Плохо маме, – наконец сказала соседка, – бредила. Я сегодня участкового врача вызывала, приходил, маме срочно нужен антибиотик. Вот, – она показала на тумбочку, где непонятным почерком врача был написан рецепт.

Оля закусила губу. Она представляла, сколько стоят лекарства с такими мудрёными названиями. Что делать? Тётё Клаве самой бы на хлеб наскрести. А у них из денег совсем ничего не осталось. На пятьдесят рублей, которые подала та самая женщина с девочкой, она купила хлеба и пакет молока.

Ночью Оля не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок. Что делать? Что делать? Продать что-нибудь? Но что? У Оли ничего и не было. Был рюкзак, с которым она ходила в школу. Но он старый, с дыркой на боку. Больше продать было нечего. Снова пришло острое сожаление, что она ничего не умеет. Хотя... раньше Оля очень любила рисовать. И рисовала много. Да и получалось у неё неплохо. Но теперь рисовать было не на чем и нечем. Олина семья стала беднеть после ухода отца. Оля не любила думать на эту тему и потому повернулась на другой бок, стараясь переключить мысли в другое русло.

Оля посмотрела в окно. Чёрное от туч небо. Завтра ждет новый день, со стоянием у паперти храма, со стаканом в руках. Девочка закуталась в одеяло и взмолилась: «Господи, помоги!»

Закрыла глаза и почти сразу уснула под стук дождя по карнизу.

Когда мама пришла за Ангелиной в садик, девочка поняла, что что-то случилось. У мамы были сжатые губы, она отводила взгляд.

– Мапочка, что такое? – Ангелина подбежала к маме.

– Одевайся, деточка. Вот курточка. Зонтик. Давай, шевелись, – скороговоркой твердила мама. Обычно голос у неё был такой, когда она нервничала.

Ангелинка не стала расспрашивать маму, а стала молча одеваться. Она решила сегодня точно совершить задуманное с вечера. Бабушка говорила быть милосердной. И сегодня Ангелина ею станет.

К автобусной остановке они шли так же молча. Подойдя к церкви, Ангелина тут же увидела девочку с красными руками. Она стояла, так же натянув серую шапочку до бровей, в стоптанных сапогах. Красные дрожащие пальцы сжимали знакомый стакан, в котором ничего не было.

Сегодня она стояла одна. Никого из вчерашних нищих не было. Ангелинка вырвала ручку из маминой руки и бросилась к девочке.

– Ангелина! – крикнула вслед мама, но Ангелина уже бежала к нищенке, ничего не сказала, просто протянула сумку с голубыми цветами. Недоумевая, Оля взяла сумку в руки, и сглотнув, спросила:

– Что это?

Девчушка молча открыла ее. Внутри... лежало целое богатство! Потрясённая Оля с ужасом взглянула на шестилетнюю девочку, которая была готова отдать своё маленькое приданое ей, нищенке.

Когда мама увидела, что дочка напрямик побежала к нищей девочке, поняла, зачем она тащила тяжёлую сумку в садик и куда вдруг подевалась шапочка и старые перчатки. И копилку разбила, и наверняка все деньги из неё сложила в сумку. Мама знала, что Ангелина копила на пони. Всегда, проходя мимо того игрушечного магазина, Ангелина просила маму остановиться, и долго смотрела на розовую пони за толстым стеклом.

Мама ясно поняла, что и она должна помочь нищей. Просто обязана. Она должна быть примером для маленькой дочки, хотя сейчас примером для мамы была дочка. Быстрым шагом мама подошла к Ангелине и Оле.

– Деточка, как тебя зовут? – спросила она нищую.

Оля с испугом взглянула на Ангелинину маму. А вдруг мама сейчас запретит своей дочке отдавать сумку какой-то нищенке?

– Оля, – коротко ответила она и обречённо опустила глаза. Будь что будет.

– Скажи, Оля, у тебя есть семья?

Оля закусил губу.

– Мама. Но она болеет. Сильно болеет, а лекарств нет, – сказала она.

– Нет лекарств? А какие именно нужны?

Оля вытащила из кармана рецепт и протянула женщине.

– Та-ак, – протянула она и взяла Олю за руку, – пойдём со мной.

И три фигурки – мамина, Олина и Ангелинина скрылись за дверью с надписью «Аптека».

Домой ехали молча. Но и мама, и Ангелина чувствовали себя счастливыми. И вправду было счастьем видеть, как нищая девочка, прижимая к груди пакетик с лекарствами, бежит к серому домику за аллеей.

– Мамочка, теперь у нас милое сердце?

– Думаю, да, доченька.

Ангелина провела пальчиком по запотевшему стеклу и замерла.

– Мама! – закричала она на весь автобус. – Солнце!

Солнце выглянуло, и всё расцвело. Люди разом заулыбались, и золотые солнечные пятна заискрились на окнах автобуса.

– Мамочка, я обязательно напишу бабушке, что теперь у нас всё хорошо! И теперь у нас милое сердце, мы милосердные!

Автобус ехал в потоке машин, а солнце согревало лужи и светило на крышах высоких домов. На небе расцвела радуга.

Александр КАРПОВ

Маме

На тарелке, стопкой золотистой,
То, во что все с детства влюблены –
С грацией народного артиста
Мамочка моя печёт блины.
Пальцами берёт со сковородки,
Не боясь ни жара, ни огня...
До чего же век такой короткий:
– Мамочка моя, прости меня!
Может, я с тобою был не ласков,
Уезжая, связь терял, как нить,
В даль глухую, за красивой сказкой,
Забывал неделями звонить.
Иногда я слов твоих не слушал –
Делал всё совсем наоборот.
Жаркий ветер землю быстро сушит
У тесовых стареньких ворот.
Гонит пыль просёлочной дорогой.
Снова я приехал в отчий край:
– Музыканты, тише, ради Бога.
Ветер, польку-бабочку сыграй!

Смысл жизни

Смысл жизни не в стихах, а в прозе, В той повседневной и простой, Когда, продрогнув на морозе, Ты пьёшь горячий чай густой. Смысл жизни – в трудную минуту Увидеть правильный ответ. И самому помочь кому-то, Неправде, злу – ответить нет!	Познать и радость, и разлуку, Не бить наотмашь сгоряча, А протянуть на помощь руку И твёрдость ощутить плеча. Смысл жизни – в звонком детском смехе, Чтобы жила, рождаясь вновь, Сквозь все преграды и помехи, Простая чистая Любовь!
---	---

* * *

Разорвав объятия Вселенной,
Ухожу в глубины бытия.
Никогда ещё такую брэнной
Не была любимая Земля.
Голубой сверкающей крупинкой
Затерялась в тесноте миров.
В шлемофоне – русская «Калинка»,
А ещё – мычание коров.

Апрель

Что ты злишься, мороз-старичок?
Соберутся же в трубочку уши!
Я повесил пимы на крючок,
Словно спелые желтые груши.
На неделе опять холода –
Кошка жмётся моя к батарее,
Только дышит зима на ладан,
Белый флаг поднимая на рее.
Солнце, ярко почистив лучи,
Жарит снег на большой сковородке,
И хозяйки пекут куличи,
Угощая стряпнёю и водкой.

Май

Мне от взгляда её горячо,
Время будто бы вспять развернули,
Город – как растревоженный улей.
Задеваю за чьё-то плечо.
И сиреневый ласковый май
Раскрывает радушно объятья,
И весеннее солнце, как сватья.
На Софии звонит пономарь,
Возвещая, что время пришло,
И что надо бы снова влюбиться,
А Любовь, как из сказки Жар-птица,
Над землёй расправляет крыло!

Осень

Лучится солнечный денёк,
Хотя уже совсем не лето,
И золотые эполеты
Надел вихрастый паренёк,
Наш клён. Шутя. Какие годы?
Живут на свете много лет,
Пока не щёлкнет пистолет,
И что отпущено природой,
Не оборвётся. Тонка нить,
Что держит нас, как пуповина,
И в чреве жаркого камина
Судьбы, увы, не изменить.
А в облаках летят мечты
Навстречу призрачным надеждам,
И в золотых кострах одежды
Моя Земля, и я, и ты!

Октябрь

Сыплет дождь.	Березняк разноцветная осень
Под подошвою глина	Лишь коснулась
Норовит убежать, размазня.	чуть-чуть невзначай,
Да фуражка топорщится клином,	Но калины кровавые грозди,
Своим видом прохожих дразня.	Горько-сладкие, словно печаль.
И бросаются лужи на приступ	Улетает с пичугами лето.
Под колёса тяжёлых машин.	Слышен в небе волнующий гул.
Остановка автобуса «Пристань».	И деревья стоят в эполетах,
Здесь, в далёкой сибирской глуши,	Словно взявшие на караул.
Где стоят золотые оборки	Я кричу лету вслед: «До свиданья!
Полусонных российских полей,	Возвращайся обратно скорей!»
Были здесь зерновые уборки,	А зима для особых заданий
А сейчас здесь осот да пырей.	Присылает своих снегирей.

Сибирь

Вспыхнувшее зарево рассвета
Озарило звонницу кремля.
Говорят, Сибирь – уже край света.
Для кого-то, но не для меня.
Я люблю трескучие морозы,
Средь зимы – охапки алых роз,
Ширь полей, тайгу, озёра, грозы,
Хоровод невенчаных берёз.
Я люблю старинный этот город,
Кремль Тобольский на одной из круч.
Каждый камень здесь до боли дорог,
Купола, простёртые до туч.
Величава медленная плавность
Тёмных вод Тобола, Иртыша.
И во всём спокойствие и главность...
Мать Сибирь! О как ты хороша!

* * *

Изучаю английский в глубинке.
До Британии тысячи вёрст.
Жемчугами на солнышке льдинки
Подражают мерцанию звёзд.
Мне зубрить незнакомые фразы,
Что встречаться с чужими людьми...
Вместо мамы – какое-то «мазе»,
«Ай лавью» – вместо вечной любви.
Упражненья, артикли, дифтонги,
Чтоб унять безрассудный свой бзик.
До чего же красивый и звонкий,
Ты любимый наш, русский язык!

* * *

Подари мне этот вечер –
Одиночества хочу.
В темноте мерцают свечи,
Атрибут ночных лачуг.
Со стола сметаю крошки,
Из ладони прямо в рот.
Всё вокруг как понарошку –
И вино, и бутерброд.

Поутру в пустой квартире
Здесь друзья найдут меня.
Воздух в комнате застиран,
Как ночная простыня.
По мишеням тёмных окон
Бьёт шрапнелями метель.
И стекают свечи соком
На бумажную постель.

Крест

По лицу хлестнула больно ветка.
Снег, попав за шиворот, не тает.
Третий Белорусский. Мы – разведка.
В часть идём с задания. Светает.

Край передний. Светятся ракеты,
Чётки – строчки пулёмётных трасс.
Там вдали, за горизонтом где-то,
Ждут и верят, молятся за нас.

Ничего со мною не случится.
Знаю точно. На разливе рек,
Где-то в Польше, прямо на границе,
Я нашёл вот этот берег.

Чей он, этот деревянный крестик,
Что мне дался в сполохах огня?
Я не знаю. Только этот крестник
Уж не раз в бою спасал меня.

Под бомбёжкой и в ночной атаке
От стальных осколков и брони
В этой страшной и суровой драке
Ты меня, мой Крест, оборони!

Скоро весна

Не торопится зима – уходить не хочет,
То прижмёт до сорока, то завьюжит снег.
Но за домом на плетне деревенский кочет
Горло радостно дерёт – стало быть, к весне!
В огородах ребятня баб из снега лепит.
Так рождается она среди бела дня...
И несмелый солнца луч, словно детский лепет,
Показавшись из-за туч, вдруг согрел меня.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Зуля СТАДНИК

Сказки из переулка Строителей

Прогуляться всем приятно

– Ну как? Все готовы? – раздался глухой голос в переулке Строителей.
– Нет ещё, – ответил ему другой, – у меня Матраскины не спят.
– А у меня, – продолжил третий, – Тянучкины и Жевачкины. У Карамелькиных тоже свет горит.

Если бы по переулку Строителей расхаживал какой-нибудь поздний гуляка и если бы он пригляделся к одному из домов, то заметил бы, что его крыша как будто недовольно поморщилась. Конечно, при этом он бы подумал: «Пора идти спать, а то уже невесть что мерещится – крыши морщатся!»

Но в переулке было пусто, и крыша могла незаметно морщиться сколько угодно.

– Ты, Восемь Дробь Один, вечно дольше всех собираешься! – проворчал дом с недовольно сморщенной крышей.

– А я-то при чём? Я виноват, что эти Карамелькины готовы до пяти утра резаться в компьютерные игры и читать книги про попаданцев?

Стекла у противоположного старенького дома добродушно блеснули:

– А ты покачайся слегка: туда-сюда, может, это их утомонит.

– Лучше электричество отключи, – посоветовал дом номер Четыре.
– Вернейшее средство!

Пока дома препирались между собой, их жители успели заснуть: и Тянучкины, и Жевачкины, и даже Карамелькины.

– Теперь точно все готовы!

– Давайте сегодня, как и в прошлый раз – к морю!

– Хорошо, давайте отчаливать, – согласился дом номер Четыре. – Держимся рядом, летим косяком, понятно? Снизу, если заметят, за крупных птиц примут, ничего страшного. Так, на соседней улице вроде пусто. Раз, два, три!

Хорошо все-таки, что в переулке Строителей не было позднего гуляки. Потому что он навряд ли смог бы заснуть в эту ночь, увидев, как в небо взмывают двухэтажные дома, выстраиваясь в ровный треугольник, и направляются в южную сторону со скоростью реактивных самолетов.

Через некоторое время они стояли на песке, вдыхая прохладный морской воздух.

– Хорошо-то как, – сказал Девятый дом, который прежде недовольно морщил крышу. – Ещё бы в воду зайти, хоть слегка подвальчик помочь, а?

– Нет, тебе точно нельзя, – предостерёг его дом номер Четыре, который считался за главного. – Знаем мы ваш подвальчик! А потом твои с первого этажа опять жалобы начнут строчить, что соседи топят. Нет уж!

– А ты встань вот здесь, – посоветовал старенький дом. – Брызги прямо до окон достают!

Утром все дома переулка Строителей стояли на своих местах, выпускающая жителей на работу, в школу и детские садики. Внутри них варилось

несколько кастрюлек с какао и делались бутерброды с маслом и сыром.

– Опять, что ли, ночью дождь был? – спросил Тянучкин, делая приседания с гантелями. – Все окна мокрые.

– Дак наверное, – ответила Тянучкина, помешивая какао. – Скорей бы лето! К морю поедем. Мне опять сегодня море снилось, представь, до сих пор в ушах шумит.

Если бы прохожие не спешили так сильно по переулку Строителей, то обязательно заметили бы, что окна в доме Восемь Дробь Один как будто немного подмигивают.

Разгуделся

В старом доме номер Два каждую ночь гудели провода на крыше. Это ужасно мешало спать Матраскину с последнего этажа. Он ворочался с боку на бок и кричал, а утром ходил, как варёное яйцо всмятку.

Один раз он не выдержал, взял большие ножницы, поднялся на крышу и перерезал кое-какие провода. В доме тут же сломались все телевизоры. А провода всё так же гудели.

Тогда Матраскин перерезал другие провода. В доме тут же сломались все холодильники. Но провода гудели все равно.

Тогда Матраскин перерезал все провода, что были на крыше, и в доме сломались мультиварки и чайники, порвались носки, съелись конфеты, задержали зарплату и отключился Интернет.

Матраскин быстренько побежал прятать ножницы под клумбой во дворе вместе с запиской «Это не я! Честно-престно!»

– Вот при чём здесь провода? – проворчал старенький дом с отрезанными проводами.

– А чего ты тогда разгуделся? – спросили другие дома с переулка Строителей.

– Да я не разгуделся, я разболелся. Каждую ночь мне в бок северо-восточный ветер задувает, ой, опять, ууууууу!

– Надо тебе мастику прописать, – решил дом номер Четыре.

Вскоре приехал никакой не доктор, а промышленный альпинист. Он свесился с крыши на веревках, как человек-паук, и залатал мастикой щели на северо-восточной стене.

И старенький дом номер Два почувствовал себя здоровым и юным, каким он был, когда его только-только построили.

– Охохо! – сказал он. – Эгегей!

У него тут же сами собой заработали все телевизоры и холодильники, заштопались носки, починились трубы, заплатились все счета за электричество, а вместо холодной воды потёк лимонад.

Матраскин напился лимонада и залез в кровать – отсыпаться.

Открытое сердце

Во дворе дома номер Шесть стояли самые лучшие качели. Поэтому туда прибегали дети со всего переулка.

Но однажды вокруг дома поставили забор – высокий-превысокий, да ещё с острыми спицами наверху.

– Ты чего это, Шестой, – удивился дом номер Четыре, – ты от нас отгородился, что ли?

– Он зазнался, – зароптали другие дома. – Думает, если классные качели, то лучше всех!

– А я при чём? – виновато зачастил дом номер Шесть. – Я, что ли, забор поставил? Я, что ли, калитку запер?

– Это не калитка у тебя запертая! Это сердце у тебя закрытое! Вот что!

– Закрытое сердце? – растерянно замигал окнами дом за забором.

– А какие ключи к нему подходят? Длинные с дырочками или короткие с зазубринками?

– Эх ты, плоскокрыший, – пожурил его старенький дом. – Сердце открывают любовью.

Закатилось солнце, зажглись фонари. Дом номер Шесть думал.

Сначала он подумал, что любит всех жителей своего дома, даже хулигана Бомбочкина из тринадцатой квартиры, который все время корябает стены в подъезде.

Потом – что любит всех жителей переулка Строителей, соседних улиц, города. Да что там! Он любит население дома всех домов, большого и круглого, по имени Земля.

И даже обитателей других планет, которые живут в пупырчатых домах с присосками.

– Я вас люблю! – загудели батареи центрального отопления и сделались такими горячими, что об них можно было обжечься.

В доме распахнулись окна, раскрылись двери, разблокировались компьютерные пароли, слетели крышки от банок с джемом, вскрылись все упаковки с быстрозавариваемыми хлопьями и, со всей силы лязгнув о прутья, растворилась калитка высокого забора.

Жители проснулись, выскочили из постелей, захлопнули окна и двери, заварили хлопья, съели джем и пошли закрывать калитку.

– Не поддаётся, – почесал в затылке Кружкин-Стаканчиков. – А ну: раз-два – взяли!

Но даже те, кто съел по две порции хлопьев с джемом, не могли отодвинуть калитку даже на пару сантиметров.

– А ну её! – махнул рукой Кружкин-Стаканчиков. – Пойдёмте спать, что ли?

Наутро дети со всего переулка снова прибежали во двор дома номер Шесть. Хорошо, когда у тебя есть классные качели и открытое сердце!

Дом Осени

По переулку Строителей носились листья, перелетая со двора на двор вместе с осенним ветром.

– Бррр, – вздрогнул дом номер Три, и несколько мокрых листьев отлипло от стёкол и плавно закружилось вниз.

– Да, холодно, – подхватил дом номер Четыре. – Когда отопление дадут, не знаешь?

– Завтра. На листке ведь написано.

Дом номер Четыре в недоумении всмотрелся в ворох листьев на асфальте.

– Да не там. Вон у тебя над входом в подъезд объявление висит.

– Далось вам это отопление, – скучающим тоном отозвался дом номер Девять. – Как будто вы в самом деле мёрзнете!

– А может, у меня внутри жильцы дрожат, и мне вибрация передаётся? – сверкнул стёклами Четвёртый.

– У нас хотя бы жители все на месте, – встрял в беседу Восьмой дом. – А вот дом Осени опять опустел...

– Ты о чём? Какой ещё дом Осени? – удивились все дома переулка Строителей.

– Есть такой.

– Кха-кха-кха! – затряслись стены. – Ты что сочиняешь?

– Я не сочиняю, – процедил сквозь щели дом номер Восемь.

– Ну-ну, – запереглядывались окна, – знаем-знаем. Крыша у него такая из дождевых тучек, ага? А стеночки-то у него из сухих листочков? А окна у него из льдинок, верно?

– Нет, он обычный, вроде нас с вами. Только в это время года у него унылый вид. А все оттого, что по хозяйке тоскует – ну, по своей Осени.

– Мда, – фыркнул дом номер Девять. – Может, ты, Восьмой, еще расскажешь о доме, где живут вторники? Или о доме для... ммм... без пятнадцати шесть?

Дом номер Восемь промолчал.

Когда заснули все жильцы переулка Строителей, он мягко оттолкнулся от асфальта, взлетел и направился в сторону севера. Через некоторое время отыскал небольшой дом на лужайке посреди леса и опустился к нему.

– Скучаешь, да? – спросил дом номер Восемь.

– Скучаю, – вздохнул дом на лужайке. – Ну как она там?

– Ничего. Как обычно, хозяйничает, – неопределённо покачалась крыша. – Что-нибудь передать ей, может?

– Скажи, пусть заглянет хоть на пару дней. А лучше – на неделю. Передашь?

– Конечно! – живо отозвался дом номер Восемь. – Как вернусь, тут же ей о тебе скажу. Ты не волнуйся!

На следующий день всё население переулка Строителей вышло гулять в шортах и панамках.

– Ну и жара! – заметила Мармеладкина, со всей силы обмахивая себя папкой с документами. – Ещё и отопление дали, дома вообще задохнуться можно.

– Да, – подхватила её соседка Карамелькина и вытерла пот со лба, – бабье лето, оно такое неожиданное. Вроде только вчера была осень, а сейчас куда-то подевалась.

ПУБЛИЦИСТИКА

Станислав ЛОМАКИН ДИАЛОГ С САМИМ СОБОЙ

В окно пятистенного деревянного дома, стоявшего на конце деревни Сергеевки, подул свежий ветерок, облака сгустились и заслонили собой месяц. Деревья зашелестели, зашумели: заколыхались рябины, черёмуха, дождём посыпались лепестки цветущей яблони. Птицы уже устроились на ночлег. Издалека доносится лай собак и неясный разговор припозднившихся мужчины и женщины, идущих за телегой. На противоположном краю деревни слышен одинокий звук гитары, расстоянием смягчённый, он томительно грустно звенит в чистом прозрачном воздухе.

Василий Ефимович Чернявский, пенсионер, хозяин дома, не спал уже трое суток, он слушал радиостанцию «Маяк» и ловил через каждые полчаса сообщения из Москвы. Причина этой бессонницы для него важнейшая. Василий Ефимович всё ещё надеялся, что президент страны Владимир Путин не подпишет закон о продаже земли. Как бывший тракторист и комбайнёр, он очень переживал, когда часть депутатов Государственной Думы и Совета Федерации одобрила этот закон и теперь оставалась одна надежда – президент. Бывший механизатор, всю свою жизнь связанный с землёй, Василий Ефимович понимал, что если землякормилица станет товаром, то это последнее, что нас связывает с Россией.

Мысленно он костерил либералов-демократов, называл их пятой колонной, космополитами, которым недорого Отечество, голосовавшим за данный закон. Они, по мнению пенсионера, не думают о последствиях и будущих поколениях людей. Мысли его часто возвращались к началу перестройки, когда руководители-разрушители страны и продажные журналисты говорили и писали об инвестициях, которые будут направлены во все сферы производства и особенно в сельское хозяйство. Что из этого получилось, сегодня каждый школьник знает.

А что говорили о приватизации, какие частная собственность даёт преимущества перед государственной собственностью? Словом, развивали производство, восемьдесят процентов населения осталось за чертой бедности. Продолжается тотальное разграбление России.

Василий Ефимович, выйдя на пенсию, много читал: стал постоянным читателем библиотеки, слушал радио и смотрел телевидение, хотя и плевался, слушал декорированную ложь, льющуюся с телеэкрана. Думы, думы днём и ночью не покидали старика.

Он поднялся с кровати и подошел к открытому окну. Ночь была светлая, мягкая, осыпанная цветами яблони. Молочно-дымчатые облака несутся по бледно-голубому небу, скрывая полупрозрачными покровами месяц и слабо мерцающие звёзды. Облака иногда разрывались и освобождали месяц; тихо плывёт он по небосводу, рассеивая всё более ночные тени, чуть видимый через дорогу лес. Засеребрилась трава, распутившаяся листва, нежная, прозрачная, как кружево, засияла роса, унизывающая крупными слезинками благоуханные чашечки цветов. Воздух, отягощённый сладким ароматом черёмухи, смородины, среди которого как бы издалека проносится тонкий, едва уловимый запах яблонева цвета, словно манит, тянет под стройно воздушную колоннаду белоснежных берёз, под

пахучую сень цветущей яблони.

Близится рассвет, уже первые деревенские петухи возвестили о приходе будущего дня. Боже мой, как прекрасен мир природы! Сколько лет Василий Ефимович наслаждался этим миром и не может насладиться до сих пор. Почему-то вспомнились стихи Василия Белова, он любил писателей-«деревенщиков», но особенно близок ему Василий Иванович Белов:

...Прощаю вам всё: отчужденье столицы
И светлого Севера чёрную ночь,
Но хлеб из чужой, из заморской пшеницы,
Поверьте, жевать не хочу и невмочь.
Я всех накормлю...
Но оставьте в покое
На древней Земле, у травы молодой!
Не трогайте избу мою над рекою
И белую церковь над синей водой!

Мысли снова и снова возвращались к земле. Что ждет крестьянство? Страну наводняют эмигранты из разных стран... Кто будет работать на земле, если деревни уже опустели, страна вымирает, почти миллион в год. Землю, которую выделили части крестьян, после уничтожения колхозов нечем обрабатывать. Бывшая сельхозтехника растащена и пришла в негодность, купить новую не по карману даже удачливым фермерам. Где оно, счастье, и есть ли оно? – размышлял Василий Ефимович и пришёл к выводу, что счастье подобно часам: чем проще механизмы, тем реже оно портится.

От таких дум легче не становилось. В последних известиях по радио сообщали, что в ряде европейских стран приняты законы о регистрации брака людей одного пола. Неужели в нашем Отечестве дойдёт до того, что распутство, которому придали благообразие, не будет оскорблять честных людей? Наступал рассвет. Солнце поднималось всё выше и выше, оно пробиралось сквозь деревья и заливало лучами всю деревню.

Василий Ефимович продолжал стоять у раскрытого окна, а радио продолжало вещать. Сообщали: японцы изобрели миниатюрный компьютер, который равен ручным часам. Не будучи силен в такой миниатюрной технике, Василий Ефимович подумал: электронная свалка превращается в компьютерную шизофрению, файловую проституцию, девальвирующую мышление человека. Люди перестали читать книги. Надо жить не только разумом, но прежде всего чувствами, чтобы память была на побегушках у сердца, размышлял старик, вглядываясь в начавшийся жаркий день.

Наивный человек, Василий Ефимович считал: если делать добрые дела и они становятся известными, то умный, нравственный человек чувствует себя не вознаграждённым, а наказанным. Только такие люди могут возродить Россию. А что сегодня происходит? Правительство делает непотребные дела для народа и даже не стыдится их. Старик ещё некоторое время слушал радиоприёмник и, не дождавшись информации о том, о чём думал постоянно последнее время, решил пойти в поле. Он пошёл просёлочной дорогой через редкий лесок, в деревне его называют околкой.

Солнце уже припекало, ветра почти не было. Деревья, залитые горячим светом, будто оцепенели от жары. Только птицы неутомимо пели свои песни, и всё вокруг в безмолвии внимало этим песням любви. Василий

Ефимович снова перебирал в уме прочитанные за последнее время статьи о земле и, погружаясь в политику, перестал любоваться природой.

Политикой он интересовался всегда, и у него был свой взгляд на события, происходившие в мире. После прочтения какой-либо мудрой статьи у него возникали понятия, которые он переносил на Россию. Как-то незаметно, не вдруг возник лучезарный, неземной образ Отечества и стал принимать определенные, осязаемые черты, то есть какой должна быть Россия.

Он стал проповедником в деревне. Со всем своим бескорытием, младенческой чистотой сердца, восторженно безумной любовью к Родине, он заставил задуматься друзей и близких о том, как мы живём. Почему нас не уважают в мире, почему мы сами не уважаем и не являемся могучим потоком, стремящимся к одной цели – искреннему служению Отчизне?

Зной становился нестерпимым. На пшеничном поле после леса Василию Ефимовичу показалось ещё жарче. В поле всё спряталось, притаилось, задремало, словно остановило свой бег. Только иногда ветерок вздымал волны молодой, плотно стоящей пшеницы.

Вечером Василия Ефимовича Чернявского, участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза, нашли на пшеничном поле, которое он убирал на комбайне не один десяток лет. Колосья пшеницы, примятые при падении, и васильки склонились к лицу ветерана, словно оплакивали великого труженика, защитника земли. Он не дождался решения президента о продаже земли, может, и к лучшему, который всё-таки как глава государства подписал закон, не сообразуясь с мнением народа, не проведя референдум по важнейшему вопросу для России...

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

«Каждый ребёнок, буквально каждый, по натуре своей – художник. Огромный и неведомый мир, расстилающийся перед ним, он познаёт в начальную пору своей жизни не столько при помощи ещё малоразвитых у него логических понятий, сколько образным мышлением, художественными представлениями, в игре с окружающими и с самим собой».

А. Каменский

В прошлом году в рамках празднования 430-летия г. Тюмени был дан старт региональной детской выставке-конкурсу «Азбука Тюмени. Город глазами юных художников». На конкурс поступило более 500 работ, выполненных детьми в возрасте от 6 до 17 лет. Среди авторов – учащиеся детских художественных школ, школ искусств, изостудий, центров эстетического воспитания, а также кружков ИЗО общеобразовательных школ и лицеев города. Конкурс посвящён был знаменательной дате – юбилею Тюмени. Это событие определило как выбор конкурсной тематики, так и структуры детского альбома, презентация которого состоялась 1 июня 2017 года в День защиты детей. На его страницах представлено более ста лучших работ юных художников Тюмени – лауреатов и дипломантов региональной детской выставки-конкурса. Концепция альбома проста: увидеть Тюмень глазами юных художников – её прошлое, настоящее и будущее. А реализована эта идея тоже, на первый взгляд, просто: «портрет» города, его поэтический образ складывается из разнообразных сюжетов и тем. Книжка задумана и выстроена как некое единое целое: от начала и до конца она сделана почти без текста, лишь с короткими комментариями юных авторов.

В рисунках юных художников, объединённых темой «Окно в прошлое», как бы оживают яркие страницы из истории Тюмени. Ты словно попадаешь в мир героев, удивительных сюжетов, судеб, приключений и подвигов. Здесь можно увидеть портреты знаменитых и легендарных персонажей, «рассказывающих» о себе и своём времени: покорителя Сибири Ермака Тимофеевича, святителя Филофея Лещинского – митрополита Тобольского и Всея Сибири, изображенного на фоне ансамбля Троицкого монастыря, безмянных строителей первого русского города в Сибири...

Тюмень купеческая, торговая, ремесленная предстаёт во многих работах юных художников. Вслед за авторами можно перенестись в XIX век и совершить прогулку по уютным живописным улочкам города, заглянуть в торговую чайную лавку или купеческую гостиную, побывать в гостях у мастеров-ремесленников: ковровщиц, кузнецов, бондарей... Самое удивительное, что юным художникам удалось уловить и выразить в красках колорит и ритм купеческого города и его обитателей.

А какую удивительно яркую, выразительную портретную галерею удалось создать юным художникам! Перед нами проходит вереница портретов почётных граждан Тюмени, именитых купцов-меценатов Шешукова, Иконникова, Текутьева, а также известных путешественников, учёных, писателей, в силу разных обстоятельств оказавшихся в Тюмени: Радищева, Чехова, Макарова.

Дети особенно чутко слышат звуки города, чувствуют его ритмы, воспринимают его формы и краски. Живая реакция на происходящие события и впечатления находит отражение в их высказываниях и рисунках. Здесь здания и улицы, площади и парки, отражение мостов в реке, фасады

разноцветных домов и плывущие по небу облака. Юных художников завораживает ночная Тюмень, золотая пышность осенних парков, ажурная графика зимнего города. Удивление, восторг, восхищение, которые окрашивают их рисунки в мажорные, яркие тона, возникает тогда, когда они изображают городскую набережную или мост Влюблённых, пространство Цветного бульвара с его фонтанами, аттракционами с колесом обозрения, цирком, а также парки, сады, городские дворцовые площадки.

При создании этих работ юных художников с альбомами в руках или мольбертами часто можно было встретить на улицах города. Именно здесь они черпали живые наблюдения и впечатления. Перелистывая страницу за страницей альбома, можно увидеть улицы и дома в старой части города с удивительными нарядными крылечками, с затейливой резьбой оконных наличников и ажуром дымоходов. Часто в работах юных художников можно встретить также изображение ансамбля Троицкого монастыря, Знаменской и Спасской церквей под куполами, отразившими все цвета радуги. Однако прелесть старого города невозможно представить без новизны, без живописного сочетания истории и современности, старого и нового. Юных художников привлекает возможность представить старину в тесном единстве с живой, сегодняшней реальностью. Какими средствами они пользуются? Уличную сценку, дом или церковь они рисуют не отдельно, не изолированно, а среди окружающих их людей, городского транспорта, птиц и животных, которые разноцветными пятнышками расцветивают улицы Тюмени.

Особенно интересны автопортреты юных художников на фоне города. Это рисунки-размышления о себе самих, родившихся в Тюмени, с изображениями наиболее близких и дорогих авторам мест в городе. Дети гуляют по городу с родителями и друзьями, постигая красоту и ритмы старого и современного города. Эти работы наполнены ощущением праздничности, шумного, веселого праздника, яркости происходящих событий... В каждом из них есть что-то лукавое, озорное, доброе, сердечное или насмешливое, ироничное.

В серии работ «Фантазии на тему города» юные художники сумели заглянуть в будущее Тюмени, создать портрет города XXI века. Через колорит, внутреннюю динамику, сюжетную трактовку выражается личное отношение юных авторов к изображаемому. Восторг и сочувствие, нежное умиление и озорной юмор, удивление и решительное утверждение собственного знания – всё побуждает ребенка к быстрому и точному воплощению увиденного и придуманного. Поэтому так неожиданны и оригинальны находки детей в средствах художественного выражения. Для осуществления своих замыслов юные художники используют самые разнообразные техники и материалы. Свободно обращаются к технике гуаши, акварели, работают тушью, графитным и цветными карандашами, максимально используя их фактурные, колористические, экспрессивные эффекты.

В альбоме «Азбука Тюмени» много рассказов в картинках. Рисунки юных художников, объединённые на его страницах, образуют удивительный портрет города, помогают по-новому его узнать, понять, почувствовать. В них словно в зеркале отражается то, что они увидели и узнали. Из этого художественного многообразия, детских мечтаний и представлений и рождается образ города. В результате мы имеем необычную книгу, по страницам которой можно путешествовать, открывая для себя много нового, неожиданного.

Выставочный проект и издание альбома «Азбука Тюмени. Город глазами юных художников» осуществлено при финансовой поддержке руководителя фракции «Единая Россия» Тюменской областной Думы Андрея Викторовича Артюхова.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

«ЛЕОНАРДО, ТЫ КУДА?»

Большой русский художник Никас Сафронов – человек явно привередливый, нередко капризный, себе на уме, мало кому подчиняется и куда хочешь – не полетит. Но в последние годы его всё чаще замечают в замечательном старинном сибирском городе Ишиме, на родине Петра Ершова. Юбилейный для Ершова год для Никаса Степановича не стал исключением.

Омельчук: Главный вопрос современной эстетической действительности: как Сафронов, великий Никас, «запал» именно на Ишим?

Сафронов: Мой большой друг Сергей Павлович Козубенко пригласил меня на праздник Ершова. Четыре года назад. Одна из моих любимых детских книг – именно «Конёк-Горбунок». Мама его читала, когда мне ещё не было пяти лет. Книга стала для меня настольной. С «Конька» началась и моя большая коллекция сказок. Сейчас у меня более тысячи книг различных сказок мира.

Омельчук: До сих пор читаете сказки?

Сафронов: Читаю сказки. Они мне помогают в работе. Скажем, в манере сюрреализма работать, в фантастической метафоре. Сказка мудра, между строк всегда найдёшь глубокий смысл. Сказка апробирована временем, эпохами, цивилизациями. Ходжа Насреддин как-то зашёл в город, там тонет человек, все орут: «Дай руку». Он не даёт. Один протягивает: «На руку». Тот сразу дал. Оказался ростовщик... Глубокие понятия. В России, конечно, добро всегда побеждает зло. Сказка учит тебя с детства понятиям чистоты, доброты, христианским заповедям. За сказкой, думаю, кроется огромный труд людей, которые создавали, создавали, строили. Сказка даёт оправдание всем нашим мучениям. Она всегда позитивна, она всегда добра: жили-были дед и баба, ели кашу с молоком.

Омельчук: Ваш любимый зверь?

Сафронов: Мой любимый? Думаю, лев. Медведь. Ещё люблю жирных, толстых, ленивых котов. В противовес сам очень много работаю, мало сплю. Хочу завести себе кота на полцентнера. У меня есть даже автопортрет в образе кота. Чтобы он лежал, и я иногда приходил, запускал руку в его шерсть, получал какой-то импульс настроения и позитива, и снова за работу.

Ещё лошадь. Лошадь вообще большая умница. Был недавно в Абу-Даби, и шейх, ужиная со мной, спросил: «Чего бы вы хотели?» Я говорю: «Я бы хотел казы». Спрашивает: «Что это такое?» Ему перевели. Он говорит: «Не дай Бог, не дай Бог». Как это можно – из лошади делать колбасу? У каждой нации есть свои любимые животные: у китайцев панда, слоны у индусов, коровы священные в Индии, а у нас они вполне съедобны. Животные, населяя нашу планету, создают человеку особый комфорт и уют. Они более беззащитные, но живут в свободном мире, как люди искусства. Я, к сожалению, не могу себе позволить быть абсолютно свободным. Мы все зависим от обстоятельств, заказов, клиентов...

Любовь к мистическим единорогам у меня, конечно, внутренняя. Сказка даёт нам подсказку, что мир когда-нибудь всё-таки образумится, начнёт жить ладно и хорошо.

Омельчук: Возвращаясь к Петру Ершову и его «Коньку-Горбунку». Скажите, Никас Степанович, «Конёк-Горбунок» – это такая проходная сибирская сказка юного сибиряка или всё-таки национальный русский эпос?

Сафронов: Я думаю, мировая история. Сказка очень глубокая. Удивительно, что Ершов написал сказку, она была им придумана, но тем не менее она воистину народная. Там есть всё: обряды, традиции, любовь, там есть

ненависть, зависть, подлоги, измены, предательства. Смирение. Прощение. Не хуже, чем «Слово о полку Игореве», автор которого неизвестен.

Я недавно нашёл сказки Горького, но они совершенно другие. Чиновник какой-то. Не та сказка. А здесь сермяжная правда, собирательность очень глубокая, очень серьёзная. Читается вкусно, легко, её можно читать и в 5 лет, можно читать в 40, в 50, если доживёшь – в 150 лет, она всегда удобоварима, всегда находишь и открываешь что-то новое. Когда представилась возможность поехать в Ишим, я не задумываясь отложил все дела. Меня пригласил президент Алиев на Европейские игры в Баку... Предпочёл Ишим. Для меня это душевнее и важнее, для творчества полезнее.

Омельчук: Художник Сафронов наконец-то наберётся мужества и проиллюстрирует национальный русский эпос «Конёк-Горбунок»? Или пока созревает?

Сафронов: Думаю, это очень серьёзный заказ. Это, знаете, как переделывать музыку Бетховена. Здесь уже сложившиеся традиции, надо быть уровня Густава Доре, чтобы иллюстрировать сказку Ершова. К примеру, Дали оформлял Библию. Он просто бросал как бы пятна красочные, и всё, что из этого получалось, творил и создавал. Мне так легче. Может быть, так и будет, я буду бросать краски, а всё, что будет создаваться вокруг, буду дополнять, привязывая к Ершову, естественно, обозначая его неслучайными героями.

Омельчук: Нерв уже бьётся?

Сафронов: Да, на 100 процентов. Но иллюстратор – это особая глава... Иллюстратор – всё-таки театральный художник. Простым иллюстратору нельзя быть, надо быть очень хорошим иллюстратором. Ты должен быть и классическим, и фантазийным. Вот Доре наиболее близок мне в иллюстрации. Если бы он вдруг взялся за Ершова да сделал – это, конечно, фантастика. Но Доре давно умер.

Омельчук: Он оставил это Сафронову?

Сафронов: Наверное, да. А что делать? Придётся взяться и сделать. Вы знаете, Анатолий Константинович, я не думаю, что сделаю лучше, чем кто-либо из тех, кто уже делал. Но это может привлечь внимание к Ершову ещё раз. Если делать, то должны все известные художники мира делать, чтобы привлечь внимание к персоне Ершова, к его герою, к этой сказке.

Омельчук: Что вас привлекает именно в сибирской провинции?

Сафронов: Во-первых, у меня здесь идут серии выставок, прошла в Тобольске, была в Сургуте, Нефтеюганске. В Тюмени была в 2010 году в музее современного искусства, нынче в июле в художественном музее. Представляю совершенно новые работы, ни одна не будет повторяться. Будет представлен дринбижен, то, что я сам придумал и создал как некое направление в стиле экспрессионистов, будут портреты представлены, мой символизм, мой кубизм. Несколько направлений. Думаю, буду иметь успех. Я очень люблю ваш край. Здесь люди другие совершенно. Недоступные женщины. Это большое достоинство своего рода. Это некая патриархальность, русскость, христианская истина, преданность. Есть какая-то глубина. И красивые женщины. Они природно красивые. В них замес такой русский, татарский, украинский, белорусский, то есть всё, что когда-то мешалось с местным, создало особый симбиоз. Это очень привлекает художника.

Омельчук: Ваш великий друг Александр Тихонов (он, кстати, очень интересный эстет и критик почище Белинского) включил вас в сотню великих художников всех времен и народов. Вы с ним согласились?

Сафронов: Нет. Это было лет 10 назад. Была энциклопедия такая мировая британская. Сейчас всё изменилось. Нас стало ещё меньше. Есть такой рейтинг – «Самые известные люди России» – 100 человек, я в него вошёл. Потом в 2008 году – 20 человек. Ну есть и есть. Как данность.

Я посмотрел самого известного американского художника. Этот живописец для меня совершенно примитивный художник. Сегодня нет ярких художников. Я могу не обольщаться на свой счет, что я самый известный в мире или один из самых, но нет и художников ярких. Был Дали, был Пикассо, были личности...

Завидую Леонардо да Винчи, Питеру Брейгелю, Мемлингу, Ван Дейку, может быть, даже Дюреру. Это художники, которые переворачивали историю мира. Может быть, даже Рембрандту. Я изучал всех, корпел в музеях, копировал в Бельгии, Голландии, Италии и Франции. Последний, кого я боялся трогать, был Тёрнер, английский художник. Он лил масляные краски, как акварель, а ля-прима. А когда отходишь от его полотна, видишь там море, корабли, пароходы, идущие поезда. Подходишь – ничего не видно, всё размыто. Вот гениальность! Ремесло ты можешь освоить, ты делаешь-делаешь копию, потом ближе-ближе-ближе, узнаешь, как работал старый мастер, и приближаешься к его технике. Эль Греко или Франсиско Гойя. А вот когда просто кидаешь краску, но так, чтобы она разливалась вкусно, при этом что-то неизведанное добавляешь, это может далеко не каждый. Это уже искусство.

Омельчук: Эль Греко из тех, кому можно завидовать?

Сафронов: Я был маленьким, когда увидел фильм про Эль Греко, испанский фильм и, конечно, был покорен. Позже, конечно, Гойя. Над Гойей я работал с Донатасом Банионисом, служил в Паневежском театре. Он был моим руководителем.

Омельчук: А кем работал?...

Сафронов: Художником в театре Паневежиса. До этого в ТЮЗе в Ростове-на-Дону художником-бутафором. У меня достаточно большой живописный театральный опыт.

Омельчук: А из родных, из наших русских – есть кто-то, к кому честно, как маэстро маэстру, позавидовал?

Сафронов: Это, скажем, Серов. Наверно, Борисов-Мусатов, может быть, Врубель. Я бы, понятно, не хотел уподобляться им, но работаю, как они, в этой же технике. Мне интересно всё в русском мировом пространстве, от Сурикова до Шишкина. Шишкина у нас в институте вообще ругали, что он четкий фотограф. Думаю, он великий художник. Как Шишкин, наверно, я бы не смог, могу работать в гиперреализме, только повторить. У Шишкина воздух, прозрачность, как и у Левитана, свойственны только ему. У Саврасова...

Эти художники, конечно, гении, тут нечего даже спорить, хотя и они могут нравиться или не нравиться. Люди часто ради красного словца упрекают кого угодно. И меня задевают: «модный художник». Но модным были Леонардо, Микеланджело и Рафаэль, и Саврасов был очень модным, и Айвазовский. Это не повод не остаться в истории человечества, в культуре человечества великими художниками. И гениальный Василий Пужкирев, который написал одну стоящую картину «Неравный брак». Их часто ругают, но это художники, внесшие огромный вклад в мировую культуру.

Омельчук: А отметим нашего земляка, урожденного тоболяка Василия Григорьевича Перова?

Сафронов: Перов потрясающий. Его дети тянут эту тяжеленную бочку зимой. Я представляю, помню, как зимой было холодно, да ещё и бочку катить куда-то... Перов прекрасный, великий художник.

Омельчук: Мы по Анне Ахматовой знаем, из какого сора растут стихи. А вот скажите, Никас, из какого сора растут художники?

Сафронов: Из бараков, из опыта, из мореходного училища Одесского,

из поездок по миру, изучения старых мастеров, жизненного опыта строительства храма, благотворительности, огромного труда, работоспособности колоссальной, которую по природе дали родители. Я однажды изучал энергию моей руки. Оказалось, что оттуда идёт сильный зелёный наполненный свет. Спрашиваю: «А что это значит?» Мне говорят: «Ну если по-простому, такое чувство, что у вас не один ангел, а три или четыре». Настолько сильная идёт аура. Думаю, это от природы, от родителей. Вспомнил, что когда молюсь, прошу всегда, чтобы ангел-хранитель мамы, папы, брата Саши, которого нет, чтобы они помогли моему живому ангелу и давали силы для работы. Когда художник художнику завидует – это, во-первых, грустно, во-вторых, он даже сам не понимает часто, что за этим стоит огромный труд. Огромная работа.

Омельчук: Когда для себя Никас определился: я художник, хороший художник, мне дано. Был такой момент?

Сафронов: Не могу сказать, что я хороший художник или лучший художник, могу сказать, что работаю, иногда смотрю на свои работы через несколько лет как на посторонние и вижу, что они неплохи. Но я всегда чувствовал, что-то недоделано. Состоялся я как художник, учась на четвёртом курсе института. До этого даже хотел сменить профессию, хотя хорошо рисовал. Но не видел себя во сне художником, видел себя лётчиком, вагоновожатым, космонавтом, пиратом. И однажды увидел сон: гуляю по галерее, где висят мои картины. Во сне, в реальности я их не написал. Со мной ходит какой-то дед и всё время делает замечания. Я соглашаюсь, где-то спорю, он поощряет меня. В какой-то миг оборачиваюсь – деда нет. Смотрю вверх и вдруг вижу: это Леонардо да Винчи улетает. Кричу: «Леонардо, куда ты?» Он бросает мне какой-то странный переплетённый шар, и я его ловлю. Проснулся и понял, что я художник. Вот настал такой менделеевский момент. Я вдруг понял, что состоялся. Уехал в Загорск изучать иконопись. Потом мои работы стали покупать. Переехал в Москву, поменял квартиру, женился случайно на француженке. Это был 1984 год.

Омельчук: Случайно женился и случайно на француженке?

Сафронов: Вот именно случайно. У меня не было желания использовать её для передвижения на Запад. Я влюбился, она красивая, необычная, полугославка. Но у меня действительно появилась возможность выезжать. Но вместо того чтобы использовать фамилию её богатой семьи, я поехал изучать старых мастеров. Очень много работал в Италии, Голландии.

Омельчук: Хочу задать вопрос, Никас: живопись бессмертна или каждому искусству своё время, и мы в живописи, может быть, на излёте?

Сафронов: Нет. Если взять вообще историю искусств – живопись одна из самых долгих. Конечно, и музыка, если её расшифруют за две тысячи лет. Конечно, и архитектура, но живопись стоит на первом месте. К тому же живопись на первом месте стоит и по прибылям, вокруг неё крутится огромное количество аферистов, которые зарабатывают миллиарды долларов.

Омельчук: И это подчёркивает, что живопись бессмертна?

Сафронов: Это ничего не подчёркивает, но...

Омельчук: Просто аферисты в мелких делах не вертятся?

Сафронов: Как-то ко мне пришли люди, сказали: «Никас, сколько вы получаете за картину?» Называю суммы в 100 тысяч, в 150. «А хотите получать несколько миллионов?» – «А что нужно делать?» – «Просто копировать или делать, скажем, в стиле голландцев. Мы давно наблюдаем за вами. Мы дадим вам краски старые, холсты старые, кисточки старые, скипидар эпохи Ренессанса. А вы делаете». Спрашиваю: «А как вы продаёте это всё?» – «Ну мы выставляем на каком-нибудь норвежском маленьком

аукционе. Там не очень придираются. Потом в Бельгии, где-нибудь в Брюсселе, потом во Франции в Париже, а потом уже в Лондоне на «Сотбис». Картина уже имеет историю, никто её не проверяет». Я заявляю: «Не, ребята, я так долго зарабатывал своё доброе имя, что не хотел бы рисковать и вообще заниматься подобным».

Омельчук: А Сафронова подделывают?

Сафронов: Подделывают и очень много. Уже давно. Я боролся с этим, даже вылавливал людей. У меня были и какие-то неприятные истории, я выигрывал. Однажды, года три назад, ко мне пришли молодые юристы и сказали: «Никас, мы знаем, что есть люди, которые утверждают – это авторская работа от Никаса». Я сказал, что не имею к этому никакого отношения, что было правдой. «А можно мы с ними будем судиться?» Я говорю: «Хорошо, пожалуйста». Они закупили картину с моей подписью, со всеми моими печатями, всё подготовили. Но самое смешное: они проиграли, мои юристы, молодые выпускники юридического. Мне было удивительно... Подделывают всё. Была водка «Никас Сафронов», деньги шли на художественный музей в Ульяновске. Её стали подделывать. Я закрыл производство: денег всё равно не вижу и не хочу, чтобы водкой «Никас Сафронов» травили. Было пиво «Никас», тоже закрыл. Также стали подделывать. Всё популярное подделывают.

Омельчук: В глубине души льстит: нас с Рембрандтом подделывают?

Сафронов: Не льстит. Я переживаю каждый раз, хотя состояние двойное: должно быть гордо и радостно, что тебя подделывают...

Когда-то про меня говорили в 90-х годах – «Русский Дали». Тогда мне чуть-чуть льстило. И всё-таки ты не Дали, тебя привязывают. Был и Брейгель, был и Босх, огромное количество мастеров, которые работали в сюрреалистическом или символическом стиле. Люди пытаются тебя куда-то втащить, чтобы им было удобно. Сальвадор Дали сам по себе. У меня даже есть несколько реплик по поводу Дали и самого себя. Дали большой и чёрно-белый, я маленький такой, но цветной, а он уже ушедший.

Омельчук: И всё-таки, Никас, о бессмертии живописи. Рано или поздно живописи придётся уйти с большой сцены. Что её устранил? Скажем, великое прошлое великой живописи, визуальное новое искусство или вообще философия отстранит живопись?

Сафронов: Когда возникла фотография, художники попали в некое состояние дискомфорта, в депрессию, в протрацию. Они не знали, что делать. Но они искали другие техники, нашли символизм, экспрессионизм, кубизм, абстракцию. Пошли новые тенденции. Искусство никогда не исчезнет. Будет и компьютерная графика, но будет и реальная живопись, масло, холст. Берёшь айпад, перелистываешь страницы, как в книге, там всё читается. Но всё равно собираю только старые книжки. В Ишиме мне дали старые, я им купил поновее. Именно затёртые, перелистанные, подчёркнутые, сказки, какие-то старые книги, которые уже на выброс идут. Люблю книжки с историей.

Недавно купил книгу в Англии, во Франции подарили «Озорные рассказы» Бальзака, прижизненные издания.

Когда берёшь книгу с гравюрами Доре, с его правками, возникает лёгкий трепет: он, наверно, касался этих книг, эту гравюру трогал и подписывал. В ней особая прелесть. Недавно мне прислали несколько гравюр Дюрера, фантастических, я бы сказал, сюрреалистических, хочу скорей их увидеть. Я не книжник, который собирает книжки, как больной. Но когда попадают книжки зачитанные, с удовольствием их беру, если деньги позволяют. Прижизненное издание Гоголя мне продали в Ярославле. Не знаю, видел ли Гоголь эту книгу, но она издана при его жизни.

Омельчук: Догадываетесь, за что вас так яростно любят ваши критики и оппоненты?

Сафронов: По незнанию, по незнанию. Часто по глупости. Бывает, я зацикливаюсь, начинаю отвечать, доказывать. Никогда нельзя с кондачка осуждать человека, который состоялся. Его надо знать всего. Возьмём Леонардо, у него всего 12 картин, они далеко несовершенные, но зато есть «Джоконда». Хотя до 1911 года «Джоконда» даже не входила в 100 шедевров Лувра, пока её не украли. И тогда к ней пошёл народ, она стала символом Франции, стала действительно шедевром. Нельзя судить о художнике, не изучив его творчество. Возьмем Микеланджело, у него огромное количество скульптур бракованных. Гоголь сжёг второй том «Мёртвых душ», чтобы его не критиковали и не смеялись над ним. Как Саврасов, как Пукирев, которые делали очень много брака или неудачных работ, но возьмите их лучшее, скажите: «Мы были не правы». Если человек заставил говорить о себе, наверно, что-то всё-таки у него есть, интересное для тех, кто покупает, приобретает.

Омельчук: Свежий портрет Петра Ершова с точки зрения самого автора удался?

Сафронов: Он удался только потому, что была уже использованная историческая фотография. Это нельзя менять, люди не должны не узнавать его. Ты просто перерисовываешь, добавляешь Конька-Горбунка, добавляешь Жар-птицу и создаешь некий близкий символ. Я попытался создать такой образ.

У меня начало картины – это молитва и конец – молитва. Я сажусь как ремесленник, а заканчиваю как художник. Люди на выставках наполняются энергетикой. Когда картина попадает в точку, она уже несёт энергетику.

Я занимаюсь благотворительностью, занимаюсь творчеством позитивным, вкладываю энергию и знания, работаю много. Если мою жизнь разделить на 100 человек, каждому из этих ста будет тяжело. Я сплю по два часа, по часу, куда-то лечу в то время, когда они спокойно ждут вдохновения и лежат на печи. Я всё время в действии, работе, производстве, всё время в каком-то энергетическом вареве...

Омельчук: Имя у вас необычное для России.

Сафронов: Мама имя дала. Никас по метрикам, по паспорту – Николай. Николай Степанович Сафронов. Русский художник.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ЯРКОВ, Анатолий ЗВЕЗДИН

А был ли 117-летний Павел Толстогузов «участником Бородинского сражения»?

События более чем столетней давности могут оказаться и «уроком» для тех наших современников, кто «не дружит» ни с историей, ни с собственной головой!

Что имеем на старте? В доме-музее декабриста М.И. Муравьева-Апостола в г. Ялуторовске среди экспонатов есть портрет с подписью: «П.Я. Толстогузов. Гренадёр 38-го Тобольского пехотного полка. Худ. Ю.Н. Ермаков, г. Ялуторовск, 2012 г. Копия с фото Левина, г. Тобольск, 1912 г.». Сама фотография хранилась в деле «О праздновании столетней годовщины Отечественной войны 1812 года, в 1912 году» с надписью: «Павел Яковлевич Толстогузов, 117-летний старик, сравнительно бодрый, глуховат и плохо видит. Рядом с ним его супруга 80 лет. Любитель-фотограф А. Левин» [1]. Ссылку на эту фотографию разместил и журнал «Родина» [2], как и многие авторы статей, появившихся к двухсотлетнему юбилею [3]. Гордятся этой фотографией в ялуторовском музее. Фигурировала фотография и в документальном фильме, снятом в 2012 г. и посвящённом 38-му Тобольскому пехотному полку. Полк-то легендарный: ему даже Л.Н. Толстой посвятил «Севастопольские рассказы».

Никто не сомневался накануне 200-летнего юбилея в правдивости сюжета. Наоборот, иные авторы прибавили от себя «славы» герою: «38-й Тобольский полк принимал участие в героической обороне Смоленска. Именно в этом полку воевал гренадёр (отборный пехотинец) Толстогузов. Вместе с полком он после Бородина, Тарутина и Малоярославца дошёл с боями до Парижа, участвовал во взятии столицы Франции – бился при Монмартре». Интересна и гордая (за земляка) журналистская фраза: «Ялуторовская земля породила чудо-богатыря, который 17-летним воином плечом к плечу с будущими декабристами под предводительством фельдмаршала М.И. Кутузова стоял, поливаемый картечью неприятеля, на Бородинском поле, пережил четырёх императоров и закончил свой земной путь при последнем российском царе – Николае II».

Появились серьёзные сомнения. Главное: в то время брали в рекруты с 21 года... Соответственно, «герой Бородинского сражения» должен быть старше. Возник вопрос: сколько же лет на самом деле было Павлу Яковлевичу Толстогузову в 1912 году, когда в Ялуторовск специально приехал фотограф, чтобы сделать этот снимок?

Между тем известно, что после этого отставной гренадёр от оказанного к нему внимания слег и умер. Он соответственно не смог поехать на торжества на Бородинское поле, где Николаю II всё-таки представили нескольких ветеранов и свидетелей событий.

Но смерть должна была фиксироваться в метрических книгах церковей Ялуторовска за 1912 год. И в Вознесенской церкви нашлась такая запись: «2 умер, 4 августа погребён города Тюмени мещанин Павел Иаковлев Толстогузов, 87 лет, от дряхлости» [4].

Дряхлость дряхлостью, но не «успевал» родившийся в 1825 году побывать на Бородино в 1812-м... Возраст умершего (разница – 30 лет) определил непричастность Павла Яковлевича к Бородинскому сражению. Всего одна

запись о смерти разрушила легенду, которая просуществовала 103 года.

Поиски истоков легенды привели к интересным находкам. Получив из Петербурга задание разыскать ветеранов и свидетелей событий, помощник ялutorовского исправника Кремер 7 июля донёс телеграммой в Тобольск: «Ветеранов и бывших в сознательном возрасте современников, очевидцев Отечественной войны 1812 года, в городе Ялutorовске и уезде не оказалось».

Но через два дня появилось два документа. Первый – из Ялutorовска: «Прямых потомков мужской линии генералов, адмиралов штабс- и обер-офицеров, участников Отечественной войны, нет». На телеграфе этот документ чуть не столкнулся с другим: «Ялutorовск, исправнику. Не помнит ли Павел Толстогузов Отечественной войны. Сообщите всё, что узнаете. Губернатор Станкевич».

Очевидно, исчез «промежуточный» документ – о «живой находке». Но с того момента история завертелась с необычайной скоростью: 10 июля губернатору пришла депеша из Ялutorовска: «Павел Толстогузов находится в бессознательном состоянии. За исправника Кремер»^[1]. В тот же день губернатор Станкевич посылает в департамент общих дел Министерства внутренних дел донесение «Современник Отечественной войны нашёлся один, 117-летний старец по состоянию сил ехать не может».

В течение последующей недели в Ялutorовск отправили фотографа, сделали «исторический снимок», но не удосужились заглянуть в документы.

Тот же самый помощник исправника Кремер 18 августа 1912 года донёс губернатору, что «Павел Яковлев Толстогузов умер 31 июля», а управляющий губернией Гаврилов телеграммой известил об этом Министерство внутренних дел империи^[1].

Смерть «простого крестьянина» озаботила много чиновников, поскольку найти живого участника событий в далёкой Сибири не так просто и можно было получить не только похвалу, но и какое-то вознаграждение. Не случилось...

Между тем ни сто лет назад, ни у наших современников не возникало желания проверить историю. Давайте рассуждать: если П.Я. Толстогузов был гренадёром, то его должны были записывать для счёта в списки отставных солдат в ревизиях, как и их родственников.

Заглянули в описи. Есть! В ревизской сказке 1858 года по селу Юргинскому Ялutorовского уезда среди крестьян указано: «№ 44/39. Павел Яковлев Толстогузов 32 л 6 мес – 40 л 5 дней. Павла Яковлева жена Прасковья Семёнова 36 л. Павла Яковлева сыновья: Семён 6 л – 13 л 5 мес 20 дней. Андрей 5 л 7 мес. Дмитрий 4 л – 11 л 5 мес 20 дней. Антон 2 л 10 мес. Его же дочь Агафья 11 л»^[5].

Указанное там сословие – крестьяне и возраст ещё раз опровергли факт «боевых походов гренадёра». Одновременно определилось и место жительства семьи Толстогузовых. В остальных шести ревизиях уже легче было искать волости и деревни, куда переселялись Толстогузовы.

Пошли дальше. Просмотрены на сайте архивов метрические книги Троицкой церкви села Юргинского с 1804 по 1862 год, которые хранятся в Тобольском городском архиве, как и документы с 1900 по 1918 год, которые находятся в Тюменском областном архиве.

И что в итоге? В совокупности (по ревизским сказкам, метрическим книгам) составила поколенная роспись крестьянина, а затем (на склоне лет) мецанина Павла Яковлевича Толстогузова. Выяснилось, что происходил его род из ямщиков. Вот такая канва:

Ревизская сказка. 1782 года, Юргинский погост. Ямщики.

«Демид Артамоннов сын Толстогузов 50 – умре в 1779 году. У него жена Анна Андреева 49 – умре в 1770 году. У них сын, написанный в последней ревизии

«Дмитрий 22 – 41. У него жена Ульяна Васильева 22 – 41. Рожденные после ревизии дети: Матвей 17, Харитон 14, Козма 11, Клементий 8».^[6]

Ревизская сказка 1795 года села Юргинского о ямщиках.

«Дмитрий Демидов сын Толстогузов 41 – 54. У него жена Ульяна Васильева 41 – 54.

У них дети, написанные в последнюю пред сим ревизию: 1. Матвей 17 – 30. 2. Харитон 14 – 27. У него жена Лукерья Яковлева 24. 3. Козма 11 – 24. 4. Клементий 8 – отдан в рекруты в 1794 году. У Харитона Дмитриева рожденный после ревизии сын Яков 1»^[7].

В 1802 году у Харитона Дмитриева и Лукерьи Яковлевой родился сын Тимофей, но через три года случилось несчастье: «21.02.1805. У ямщика Харитона Толстогузова умерла жена Гликерия Яковлева – 32 лет».

Судя по документам, горевал ямщик недолго, да и детям нужна женская забота и ласка: «25.09.1805. Ямщик Харитон Дмитриев Толстогузов венчался вторым браком того же села с крестьянской девицей Стефанидой Страфиловой Еремеевой».

Сложилась новая семья, в которой рождались дети, но многие умерли во младенчестве: Соломия (01.08.1808 – 08.06.1811), Иван (07.01.1810 – 06.04.1812), Евдокия (02.03.1816 – 24.06.1816), Марфа (06.07.1817 – 03.08.1817). Выжили: Фёдор (17.02.1807) и Агафья (05.02.1813). Харитон Дмитриев Толстогузов умер 18 января 1818 г. в возрасте 49 лет, так и не увидев рождения «последыша» – Максима (к сожалению, также рано умершего – 13.08.1818 – 06.09.1818).

Ещё более любопытна ревизская сказка за 1812 год по тому же селению, где среди ямщиков указан за № 44 Дмитрий Демидов Толстогузов и его дети: Матвей, Харитон, Козма. Есть там и дети Харитона: Яков, Тимофей, Фёдор^[8]. Таким образом, ещё не рождённый Павел, согласно выдуманной чиновниками легенде, уже шёл в направлении Бородинского поля...

Ревизская сказка 1816 года также не упоминает о рождении Павла у кого-либо из династии ямщиков Толстогузовых^[9].

Но он всё-таки появился на свет, хотя и не сразу стал Толстогузовым. О том запись в метрической книге за 5 ноября 1817 года повествует строго: «Села у девки Матрёны (дочери) пономаря Николая Попова сын Павел родился»^[10].

Что произошло и кто был биологическим отцом Павла? Сказать о том за давностью лет невозможно. Но «девичий грех» (так его оценивала церковь и крестьянская мораль) прикрыт 8 мая 1821 года, когда венчался «Юргинского села ямщик Яков Харитонов Толстогузов того же села пономаря Николая Попова с дочерью его девицей Матрёной первым браком»^[11].

Вот и объяснение «чудесного рождения из пены морской» Павла, которого записали первым ребёнком (после венчания Яков и Матрена усыновили вне брака рождённого мальчика). Уже на законных основаниях у Якова Харитонина и Матрёны Николаевой родились Алексей (12.02.1822), Митрей (11.02.1824 – 01.10.1849), Пётр (29.06.1827 – 08.02.1835), Марфа (31.08.1830 – 18.11.1849), Анна (09.09.1833 – 20.11.1849).

Ревизская сказка 1834 года зафиксировала Павла, который рос-рос и вырос в жениха^[12]. 19 января 1840 года он венчался «первым браком, 22 лет, с девицей Параскевой Симеоновой, дочерью самого села крестьянина Симеона Иванова Крестьянинова, 18 лет»^[13]. У молодых жизнь наладилась, пошли дети: Семён (01.02.1841), Иоанн (23.05.1842 – 23.07.1842), Павел (24.06.1843 – 21.10.1843), Димитрий (21.10.1844), Агафья (15.02.1847), Пётр (15.01.1850 – 01.08.1850). И когда бы при таком «раскладе» успел вообще послужить «царю и Отечеству» Павел Яковлевич Толстогузов? В Париже, он, естественно, не был. И о подвигах 38-го Тобольского стрелкового

полка он, полагаем, не знал. Тем более (пора развенчать и этот миф, которым питаются иные наши современники), что уроженцы Тобольской губернии там служили крайне редко.

Метрических книг церкви с 1863 до 1900 года нет. Но вот по переписи населения 1897 года в селе Юргинском жило уже шесть семей Толстогузовых. Три из них – племянники Павла Яковлевича. И выписки из метрических книг на них есть – с 1900 до 1918 года.

А сам Тостогузов жил в 1897 году в городе Тюмени (ул. Архангельская, дом 14, квартира 4). Указано в документах: «Павел Яковлев Толстогузов – хозяин – 77 лет – вдовой – тюменский мещанин – Ялуторовского округа, Юргинской волости – приписан здесь – проживает здесь – не читает – караульным уличным. При нём проживала девица – кухаркой Александра Фёдоровна Фёдорова»^[14]. Известен и сын – «Толстогузов Антон Павлов – 49 лет – холост – мещанин – Тобольской губ., г. Ялуторовск – в приходском училище – чернорабочий, грузчик»^[15].

Таким образом, поколенная (малая) роспись Толстогузовых такова:

1. Артамон
2. Демид Артамонов *1712. / +1779.
3. Дмитрий Демидов *1740. / +14.01.1809. (67)
4. Харитон Дмитриев *1768. / +18.01.1818. (49)
4. Клементий Дмитриев *1773. – отдан в рекруты в 1794 году.
5. Яков Харитонов *1794. / +24.09.1849 (53).
6. Павел Яковлев *05.11.1817 / +02.08.1912. /94/.
7. Антон Павлов *09.07.1855. / +1910.

Итак, к столетнему юбилею Бородинского сражения имелись:

а) вдовый мещанин Павел Яковлев Толстогузов, к которому для красоты или убедительности приставили на фото «супругу»;

б) миф о сибирском долгожителе – гренадёре из легендарного полка, широко разошедшийся по стране (его и попытались развенчать авторы этой публикацией).

Самые главные выводы из этой истории

Есть чиновники. Их психология, увы, не меняется и в XXI веке. Иные стремятся «подсуетиться перед начальством». Потому и выдали престарелого крестьянина, в армии не служившего, за участника Бородинского сражения, «поженив» его в дополнение с 38-м Тобольским полком. Очевидно, понадеялись: «Авось никто не проверит».

И если бы не трогали те чиновники Павла Яковлевича, он, может быть, дожил бы и до ста лет... Живы же сейчас у нас в области 100-летние участники Великой Отечественной войны. Желаем им и дальше жить, но не надо их беспокоить, если здоровье слабое. Мы их и так любим и ценим!

Источники и литература

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 36. Д. 436; Ф. 52. Л. 44.
2. Эрлихман В. Минута славы 1812 года // Родина. 2016. № 316 (3).
3. Публикации 2012 г.: А. Болотова (альманах «Явлутур-городок»), И. Мурзина (альманах «Тобольск и вся Сибирь»), М. Белова (газета «Тюменская область сегодня»), Л. Шорохова (газета «Тюменская область сегодня»), П. Белоглазов (журнал «Сибирское богатство»).
4. ГБУТО ГАТО. Ф. И-255. Оп. 3. Д. 209а. Л. 220об-221.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 947.
6. Там же. Д. 22. Л. 980об.
7. Там же. Д. 192. 22об-23.
8. Там же. Д. 316. Л. 477.

9. Там же. Д. 370. Л. 642об-643.
10. Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 1161. Л. 71.
11. Там же. Д. 1165. Л. 74.
12. Там же. Ф. И-154. Оп. 8. Д. 490. Л. 94об-95.
13. Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 1185. Л. 360об-361.
14. Там же. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 3289. Л. 11.
15. Там же. Д. 3303. Л. 27.

У НАС В ГОСТЯХ

Войислав КАРАДЖИЧ

Электрическая лампочка

Бездельничает днём слеза,
А в третью смену
Лучами прорастает и смеётся
Нам девственной белизной.
Как булавка, приколовшая
К потолку поток небесный,
Ждёт, чтоб палец указательный
Ей нащупал пульс,
Вдохнул бы в неё полную луну.

Дым из дымовой трубы

Как ходок на ходулях,
Усиками взлетает,
Иногда обхитрит его ветер
И талию его взвивает.
Как сухое прочистится,
трубы горлышко,
Из чёрных лёгких
Потекут в небо чистые гласные,
Дым в лазурь провожая
Косынкою невозврата.
Делают нас слепыми,
Предлагают нам стать слепыми

За крошечную подённую плату.
Мерзости нам готовят,
В бездну толкают нас,
Грозят нам зимой колючей,
Чтоб обнажить под
голыми небесами.
Единодушия нашего шум укротить,
Задать нам шаг Голгофы
И сбросить нас с креста.
Но пусть же мы дадим
Нашего рода спасения!
Без альтернативы!

Не подавляй шаг мой

Не подавляй шаг мой,
Чтобы стезя не позабыла меня,
Не кроши кругозор мой,
Чтоб не укоротился белок дня.
Руки мне не протягивай,
Если к добру не приведёт,
Боль мою не трогай –
Она меня греет.
Не наступай ногою на семя моё –
Чей-то голод его ищет.
Межи мои не разбирай.
Обнимаю с ними новые утра!

Путину

*«Средь больших народов
Вьются гнёзда гениям великим».*

П.П. Негош

В час роковой отозвался на вопль родины,
Темноте измерил жало намерений
И запечатал ей коварный рот.
Из орудий взял посох,
Раскаты сердца и гул веков.
Матушке России расправил крылья,
Вдохнул в неё несокрушимость,
Напоил её белыми ночами,
Стужу отогнал руками целителя – оттаяла.
Настежь распахнул ворота,
Чтоб народ стекался.
Купол православия дорисовал,
День омолодил и земледельцу,
И дровосеку, и учителю, и шахтёру, и солдату,
И пастушке, которой снятся солнечные ягнята.

Сигарета

Звездой роза искрится,
Жажду лёгких утоляя стыдливо,
С губами поцелуями обменивается,
Ведь в фокусе её кипит моложавое солнце.

Горят книги

Задаю себе вопрос:
Что бледную зарю так освещает?
Соседка в одеяле кучу книг
 выносит на пылающую свалку.
Смотрю я невооружённым глазом:
Пылают современников тома,
 и нобелевских лауреатов, в них
Искрятся буквы посвящений.
И дым над всем взвивается клубами,
Что птица бедная с надломленным крылом.
Пока ножи меня тупые режут,
Она берёт мобильный – заказать
 Сапожки из бутика и сафари –
 Грядёт неотвратимо ночь любви!

Стул

Пахнет лесом и шелестом листьев.
Соскучился по росной тишине
В корне солнца.
Господские ноги поджал под себя,
В осени окостенелой последние дни считая,
Крыло нам расправив покорно!

Тень

Плотно прижатая к моей поле,
Облизывает меня охранительница.
Встрепенусь –
 И оживёт в разгуле.
 Переступив же порог,
Присматривает за моей одинокой палкой,
Которой я на песке когда-то
Вырисовывал бесконечные знаки.
Ожидая меня, чтобы вновь нам взлететь
Голубками после дождя.
Но как только грянут зимы аккорды,
 Завянут её полотнища
 В засаде до первых отливов солнца.

Лидия ДОВЫДЕНКО

Праздник мудрецов

Повесть

«Среди высоких гор в прекрасной зелёной долине лежит город лекарей Сударшана, а в нём – дворец из пяти видов драгоценностей. Ими устраняются болезни, усмиряется восемьдесят тысяч напастей, исполняются потребности и желания, приличествующие уму», – читал Анатолий Семёнович Гордеев и не мог оторваться от пожелтевших листков, на которых на пишущей машинке был набран текст, трудно разбираемый в местах сгибов вчетверо сложенных листов бумаги. Днём, когда он вместе со своим другом Арсаланом Валерьяновичем Шелехаевым расчищал снег возле санузла лагеря, тот, оказавшись рядом, тайком сунул эти листы Анатолию под расстёгнутый ворот фуфайки. «Исполнение всех потребностей и желаний, приличествующих уму», – повторил Анатолий про себя и понял, что главной его потребностью, мощнейшим желанием, занимающим весь его ум и душу, является возвращение домой, в родное село Петрово в Черниговской области. Прошло уже два месяца, как Анатолий отправил письмо в Киев профессору Сергею Михайловичу Безродному, у которого были многочисленные связи благодаря тому, что пациенты его занимали высокие посты не только в Киеве, но и в Москве. Он просил, умолял помочь выйти из заключения.

В самом начале войны, когда фашисты взяли Киев, Анатолий Гордеев был контужен и ранен в запястье правой руки. Госпиталь его был разбит немецкими бомбардировщиками, и он попал в оккупационную зону. Лежащим у железнодорожных рельсов без сознания его нашла путевая обходчица Екатерина Ивановна Симонова на мокрой после дождя, холодной земле. Ему удалось остаться в живых, а руку разработать не получилось. Кисть не сгибалась, но при желании в неё можно было вставить стакан или черенок лопаты. Когда он пришёл в сознание в одиноком домике обходчицы, понял, что заболел воспалением лёгких. Он попросил Екатерину Ивановну съездить в занятый немцами Киев к профессору Безродному, своему преподавателю по военно-медицинскому училищу. Екатерина Ивановна вернулась с лекарствами, которые вместе с добротой спасительницы вернули к жизни Анатолия. Остаться у Екатерины Ивановны было опасно. Анатолий пробился за линию фронта и попал в эвакуационный госпиталь, следовавший в Узбекистан. В 1944 году органы НКВД выявили, что он был в оккупации, хотя и недолго, и его отправили в лагерь в Коми АССР, в Локчимлии. Здесь он познакомился с бурятом, рассудительным пожилым человеком, с которым подружился. Звали его Арсаланом.

В лагерном госпитале он работал санитаром, а хирург Гордеев, хотя и не мог больше оперировать, был хорошим диагностиком. Его увлечением была нетрадиционная медицина. Анатолия интересовали методы исцеления колдунов, бабушек-ворожеек, шаманов. И он обожал книги: чем старше книга, тем больший трепет испытывал Анатолий.

Однажды, учась ещё в военно-медицинском училище в Киеве, он забрёл в библиотеку Академии наук, где проводилась выставка редких книг. Это

были манускрипты из собрания библиотеки белорусско-литовского магната Хрептовича, собирателя книг, по завещанию которого тысячи томов должны были вернуться в Беларусь, как только там откроется университет, но по каким-то проволочкам библиотека Хрептовича всё ещё находилась в Киеве.

Выросший в украинском селе Черниговской области, Анатолий очень любил старые книги. Выставка Хрептовича совершенно потрясла его, особенно рукописные книги из Индии, Китая и Японии. Когда он вернулся в своё общежитие, не мог даже спать, всю ночь проговорил о Востоке, его загадках, вековой мудрости и тайных знаниях со своим другом Аркадием Корпецким. На следующий день они уже вдвоём пошли смотреть выставку книг. С неё началась страсть Анатолия Гордеева к собирательству книг и интерес к Востоку. И вот в его руки от Арсалана попадает переведённый на русский язык отрывок древнего медицинского трактата на семи машинописных листах. Где взял Арсалан эти листы и почему отдал ему, Анатолию, было неясно. Арсалан уклонялся от ответа.

«С северной стороны Сударшана, – читал Анатолий, задержавшись в своём кабинете, – на Снежной горе Кайласа, обладающей силами луны, расположены заросли сандала, камфары, орлиного дерева и других лекарственных растений, устраняющих жар, со вкусом горьким, сладким и вяжущим и силами охлаждающими и притупляющими. Лекарственные растения с корнями, стволами, ветвями, листьями, цветами и плодами пахучи, прекрасны на вид, приятны уму, и там, куда проникает их целебный запах, не возникают болезни жара».

Анатолий снова и снова спрашивал у Арсалана, где он взял эти листы с переводом древнего текста, но тот не отвечал, говорил: «Если тебе интересно, читай».

Древний текст завораживал Анатолия тайным смыслом, скрытой между строк поэзией. Он хотел писать стихи после чтения этих листков, благодарил Господа, что тот послал ему наслаждение чтением древнего автора.

* * *

День Победы в лагере отмечали втроём. Кроме Арсалана, у Анатолия был ещё один друг – Альберт Сонин из Вологодчины, который сидел за антисталинские стихи. Его посылали на самые тяжёлые работы, и когда с нервным и физическим истощением он попал на больничную койку, тогда Анатолий с ним и познакомился.

Арсалан, Альберт и Анатолий, которых в шутку называли «А в кубе», стали сочинять эпиграмму на Сталина. Потом вспоминали свои деревни, речки, рыбалку, охоту, завели речь о птицах, какие водятся в их краях.

– У меня в детстве жил в доме ёжик, – рассказывал Анатолий. – Он страдал бессонницей и нас будил. Отец просыпался и начинал кашлять. Мама велела отнести ёжика в рощу за селом. Я положил его в шапку, зашёл за своим другом Василием. У него недавно умерла мать. Мы сидели под деревом, и Вася сказал, что скучает без неё. А ёжика выпустили из шапки на траву, он свернулся в клубок и не хотел уходить.

Альберт вспоминал крыльцо своего дома, на котором между старыми досками произрастали подорожник и одуванчики, первыми расцветавшие под тёплым весенним солнцем. Он рассказывал, как ездил с отцом в лес с бочками, в которые стекал холодный берёзовый сок, о сладком запахе мёда и скошенной травы, о синих полях цветущего льна.

Арсалан не рассказывал, он, можно сказать, пел песнь на манер древнего Баяна о Байкале, саранках, мешках кедровых орехов, мягкой рыбе омуле, которая водится лишь в Байкале.

– А какая она? – расспрашивал Альберт.

– Похожа на селёдку, только нежнее, – отвечал Арсалан.

А на рассвете Арсалан разбудил Анатолия. Вид у него был соответствующий фразе: «С вещами на выход». Он сунул в руки Анатолия объёмистую книгу в замшевом переплёте со словами: «Прощай, друг!»

Анатолий почувствовал, что больше они никогда не увидятся, и крепко обнял Арсалана, не находя слов. Вместе с Альбертом они напряглись и приготовились к худшему, стихи ведь сочиняли вместе. Но дни шли, их никто не трогал, не вызывал на допросы. Куда исчез Арсалан, они не знали, а на вопрос «почему?» предполагали с надеждой, что кому-то из начальства понадобилась нетрадиционная медицинская помощь.

* * *

Начальник колонии в Локчимлии, Николай Никифорович Романов, прибыл сюда недавно. Как и везде, куда бы его ни направляли по службе, в последние пять лет он первым делом интересовался медперсоналом: какие врачи есть среди осуждённых и по каким специальностям. Перебирая дела, он наткнулся на имя Арсалана Валерьяновича Шелехаева.

Сын начальника лагеря, пятилетний мальчик, болел неизвестной болезнью. В своём возрасте он достиг уже полутораметрового роста, оставаясь всё время в постели, испытывая боли, плача по ночам. И пока не мог найти исстрадавшийся отец медицинской помощи для своего мальчика. Узнав о неких способностях Арсалана, ночью Романов вызывал его к себе домой и просил помочь его сыну.

Арсалан готовил настои трав, поил ими и растирал ребёнка, и тот затихал, успокаиваясь до утра. Отцу же пытался объяснить, что ребёнок несёт на себе вину отца, что тому нужно оставить службу, поселиться в деревне на Алтае, завести козу и пасеку. Романову было непонятно объяснение Арсалана о трёх потоках движения энергии по каналам и сбое в организме ребёнка, чакрах и карме, невыносима была мысль оставить карьеру.

* * *

Анатолий терялся в догадках, почему атлас тибетской медицины оказался в руках Арсалана и почему он пришёл к нему? Он знал, что такие книги просто так к человеку не приходят и они могут покинуть своего хозяина тогда, когда это будет нужно. Анатолий рассматривал атлас так, как пьют самое прекрасное вино. Слегка кружилась голова и захватывало дух, как будто ты стоишь на краю пропасти, а перед тобой открываются бесконечные дали невиданной красоты...

Когда заканчивался 1945 год, Анатолия выпустили из лагеря благодаря хлопотам профессора Безродного.

Анатолий Семёнович приехал в начале 1946 года в своё село, разорённое, в глубоком упадке. Ему навстречу шла девушка с двумя тёмными косами до бёдер. Она несла тяжёлые ведра воды в руках и, осторожно пройдя в калитку, скрылась в глубине двора. Встретить человека с полными ведрами воды – добрый знак. Девушка была дочерью отца Евлампия (в миру – Николая Николаевича Колесникова), Галина, которую чурались все в селе, потому что отец её был расстрелян партизанами, которые перепутали его со старостой деревни, сотрудничавшим с полицией, но кому теперь что объяснишь.

Когда Анатолий зашёл в дом, где жила Галя, её старший женатый брат Мирон сидел у стола и срывал кожу с переплёта старинной церковной книги. Кожа шла на рукавицы, а книгой разжигался огонь. И казалось Анатолию, что в этом огне горит его душа, он сам заживо сгорает от этого

вандализма, от этой жестокой демонстрации чуждости к культуре.

– Что же ты делаешь? Как ты можешь? – закричал Анатолий Мирону, предававшему дело своего отца, собиравшего книги.

– Тебе надо, бери вон, – показал Мирон на шкаф, в котором ещё оставались книги в старинном переплёте из белой свиной кожи. Это были книги неизвестного Анатолию, а тем более Мирону, великого мистика Якова Бёме.

Галя плакала, глядя на безумство брата, понимая, что творится нечто жестокое. Анатолий подошёл к ней, увидел в глазах настоящее горе, и ему захотелось сделать что-то, только бы не было этой боли в глазах девушки.

– Пойдёшь за меня замуж? – спросил он.

Галя вопросительно смотрела в глаза Анатолию и ничего не понимала, думая, что это вопрос не к ней, хотя других девушек в комнате не было.

– Давай поженимся, – сказал Анатолий и увидел, что девушка задумчиво кивнула головой, соглашаясь. А для Анатолия это были «потребность и желание, приличествующие уму».

* * *

Гордеев был единственным сыном у своих родителей. Война не тронула дом и подворье. Отец его, Семён Викторович, умер накануне войны. Свой дом он построил сам, посадил небольшой садик, со временем пристроил к дому веранду. Дворовые постройки для скота тоже отличались чистотой и добротностью. Работал отец почтальоном, носил каждый день почту в село, проходя по двенадцать километров до железнодорожной станции. Однажды в жаркий день, испытывая жажду, напился воды в лесном озере. К вечеру у него подскочила высокая температура, а к утру его не стало. Именно тогда у сына появилась мечта стать доктором и спасти людей от преждевременной смерти. Мать Анатолия Марфа Игнатьевна работала в колхозе на полевых работах. Однажды она взяла с собой девятилетнего Толю на прополку свёклы, вручив ему тяпку полегче. В тот день мальчик получил урок на всю жизнь. Когда у него позже, уже взрослого человека, спрашивали, как он всё успевает, он не мог это объяснить, но действительно умел справляться с хозяйственными делами очень быстро.

Тогда, в поле, он взял тяпку и стал медленно сгребать и разгребать землю вокруг маленького ростка свёклы. Мама приказала смотреть, как делает она. Марфа Игнатьевна замерла, сосредоточившись, потом начала ударять тяпкой по земле, слегка её сгребая на себя, войдя в какой-то ритм, который равен дыханию, и в этом ритме двигалась вперёд довольно быстро, а за ней оставалась возделанная земля с зеленеющими ровным рядом ростками. Не сразу это получилось у Толи, но позже он всегда использовал этот материнский метод: задавать темп или ритм своей работе, и работа была как музыка, и результаты её приносили удовлетворение. Хотя дело было даже не в результатах, которые часто носили и отдалённый характер, а в наслаждении самим процессом работы.

Анатолий привёл в свой дом Галю, хотя мать не одобрила торопливость сына в выборе жены. Галя была бесконечно благодарна Анатолию за то, что ушла из семьи брата, и радостно переживала свою роль молодой жены. 22 декабря у них родился сын Миша, и Галя обрушила на него всю свою любовь. С Анатолием они разговаривали мало. Он работал сельским доктором и искал возможность ещё подзаработать; в выходные дни отправлялся на рыбалку и приносил пару больших щук. Его тянуло в большой город, привлекала возможность ходить в театр, в библиотеки. Атлас он хранил на сеновале. Там же был его пистолет. Ему не спалось в короткие летние ночи, и он отправлялся в сарай, чтобы, скрываясь, открыть атлас и насладиться рисунками неведомого художника.

Он давно перестал задавать себе вопрос, почему именно ему дали на сохранение атлас тибетской медицины. Не знал он и о том, что этот рукописный фолиант – один из двух существующих мире: в Китае и Улан-Удэ. Но ему было понятно, что хранить у себя эту книгу опасно для жизни: кто-то должен был искать её. С волнением рассматривал он каждый рисунок в пять цветов, контуры человеческого тела и точки на нём. Анатолий вглядывался в рисунки атласа и представлял гору Гандхамадана, о которой читал в листках, данных Арсаланом, заросли миробалана, корнями которого излечивают болезни костей, корой – кожи, листьями – половых органов, цветами – органов чувств. Ему чудился запах прекрасных плодов миробалана.

Там, куда он проникает, вспоминал он текст листков, не возникает 404 болезни. Анатолий видел горные долины с шафраном, скалы, на которых полно целебных камней и разного рода солей. В зарослях целебных растений среди ветвей сидели неведомые птицы, а у подножия деревьев обитали животные. И не было ничего, что бы не являлось лекарством.

С Галей отношения не ладились. Он не мог открыться ей, боясь, что она не поймёт его. С другой стороны, она была для него слишком простой и понятной, во всяком случае, он так думал, а хотелось чего-то возвышенного, даже таинственного. Ему виделась нектарная Дэви среди других богов и богинь, а суровая жизнь возвращала его в украинское село на берегу речки Узенькой.

* * *

– Аркаша! Я хочу тебе кое-что показать, а ты обещаешь молчать об этом, – говорил, волнуясь, Анатолий Семёнович Гордеев Аркадию Сергеевичу Корпецкому, приехавшему к нему в гости, в город Светлый, из Калининграда.

Два друга, однокашники по Киевскому военно-медицинскому училищу, которое они окончили накануне войны, сидели в небольшом, старом и запущенном саду у маленького, построенного ещё немцами домика, в котором проживал Анатолий Семёнович в одиночестве. Темнело. Оба молодых человека устали сидеть на узких деревянных, плохо оструганных досках скамейки за таким же неказистым столом. Пора было перебираться в помещение и зажигать свет. Прикрыв газетой, а сверху старой скатертью не убранный после нехитрого ужина стол, Анатолий Семёнович двинулся вперёд. Он не был уверен в правильности того, что решил показать Аркаше атлас тибетской медицины, который он скрывал, прятал, за который столько всего натерпелся. Из-за атласа он уехал из родного села на край страны, в Калининградскую область. Он долго не давал о себе известий оставшейся в селе жене, выжидал, не выследили ли его, чтобы отнять его любимое сокровище – атлас. Это были иллюстрации к «Белому бериллу» – эзотерическому трактату сокровенных наставлений, составляющих сущность эликсира бессмертия.

Аркадий Сергеевич насторожился. Своей чуткой душой он уловил волнение в голосе друга и терпеливо ждал, молчал, понимая, что неосторожным словом может испугнуть, как птицу, намерение Анатолия. В поношенном костюме и клетчатой рубашке без галстука, высокий и худой мужчина с тёмными глазами на смуглом, обрамлённом седыми короткими волосами лице с высоким лбом и расслабленным ртом, Анатолий Семёнович медлил, как бы сомневаясь в правильности своего решения, и в то же время понимал, что, сказав «А», должен произнести «Б».

Хозяин дома медленно вытащил из шкафа большую православную икону Божьей Матери с искусственными цветами из фольги по периметру за стеклом.

Аркадий Сергеевич в тёплом бежевом свитере без воротника и светлой рубашке, в коричневых брюках, элегантный и подтянутый, всегда интересовавшийся модой и стилем, эстет и тонкий психолог, молча ждал.

Лик Богоматери на иконе был цветной фотографией, несколько даже поблёкшей. Анатолий Семёнович раскрыл деревянный оклад и вытащил обтянутый бархатом фолиант. Он бережно подержал его в руках в полной тишине, а потом решительно протянул Аркадию Сергеевичу.

– Как?.. Откуда?.. – заволновался, лишь увидев книгу, эрудированный и опытный врач и человек, положил книгу на стол, раздвинув лежавшие на нём газеты, и раскрыл её.

Он увидел анатомические плакаты, схемы биологически активных точек для рефлексотерапии, рисунки лекарственных средств и инструментов. И с каким талантом сделал это неизвестный художник! Никогда ничего не производило на него такого яркого зрелищного эффекта! Композиционные и колористические приёмы завораживали! С какой выразительностью в позах и движениях предстают персонажи книги! С каким мастерством исполнено декоративное оформление второстепенных деталей, как великолепны вставки небольших пейзажных и бытовых зарисовок. Чувства и мысли Аркадия Сергеевича были полны благоговейного восторга, исполнены восхищения и любви к открывшемуся перед ним сокровищу.

* * *

Ночью в горах выпал снег. Он часто выпадал в новом 1703 году. Паку не спалось, а к утру в чуткой тишине он слегка лишь забылся. Проснулся с мыслью о том, что слишком увлёкся работой, и надо было бы пройтись по свежему снегу. Сегодня он медитировал в движении. Среди монахов-художников монастыря Сэр тог-Манбо в Восточном Тибете Дэсрид Санчжай-Чжамцо выделил Пака и Тена и велел им изготовить свод иллюстраций к своему медицинскому трактату. Сегодня Паку предстояло приступить к изготовлению сорок четвёртого листа. Вместе с Теном они приближались к завершению работы, всего предстояло изготовить семьдесят семь листов с десятью тысячами рисунков. Окунувшись на воздухе в белое безмолвие, он представлял себе яркую картину иллюстраций на 44-м листе. Из центра дхарма, чакры сердца, обрамлённой лепестками лотоса, вперёд и назад, вправо и влево отходит пять сосудов – токов, пять «врат сознания», пять органов чувств, интуиции, омрачённого сознания, прекрасного сознания и наставительного сознания.

Но возвратившись в мастерскую, ища вдохновения, Пак снова открыл трактат Санчжая, перелистал описание взрослых болезней, детских, болезней злых духов, разделы, как лечить ранения и травмы, отравления, старческую немощь, бесплодие. Выпив чашу травяного бодрящего настоя, он взял в руки тонкую кисть, помедлил и опустил ее в керамическую чашу. Он вновь сосредоточился на первой главе «Белого берилла»: «С южной стороны этого города на горах Виндхья, обладающих силами Солнца, расположены заросли граната, перца чёрного, длинного, красного и других устраняющих холод лекарственных растений со вкусом острым, кислым и соленым и силами согревающими и обостряющими. Лекарственные растения с корнями, стволами, ветвями, листьями, цветами и плодами благовонны, прекрасны на вид, приятны уму, и там, куда проникает их целебный запах, не возникают болезни холода».

Свод иллюстраций он построил в соответствии со структурой «Белого берилла». Первые четыре листа раскрывали содержание шести глав первого тома, содержание 31-й главы второго тома изложено на тридцати

трех листах. Материал 92 глав третьего тома распределяется на 16 листах. Остальные 24 листа раскрывают содержание четвёртого тома.

Листы иллюстраций составлены по строго выдержанной схеме: в верхней части каждого листа над рамкой – порядковый номер с указанием, к какому тому трактата, какой главе или нескольким главам относятся иллюстрации. Далее слева направо и сверху вниз идут иллюстрации и подписи к ним, в нижней части листа, в картуше, даётся резюме содержания листа.

Изготавливая очередную страницу атласа, Пак знал, что как бы много чего-то ни случилось в жизни, книга эта, если даже и покинет монастырь на какое-то время, всё равно снова вернётся сюда по закону Вселенной.

* * *

Однажды Анатолий проснулся с прочитанной где-то мыслью, что каждый небожитель жаждет жертвы. Его личной жертвой была личная жизнь. И нектарная Дэви сходила со страниц атласа и приобретала черты его Гали, по-прежнему проживавшей в селе на речке Узенькой с сыном Мишей. Анатолий понимал, что сын уже заканчивает школу, и надо наконец подумать и позаботиться о семенах и колосьях, принять и понять, что сын уже взрослый, и нужен рядом близкий человек самому Анатолию.

Миша поступил в Калининградский технический институт.

После окончания института молодой человек начал работать инженером на рыбоконсервном заводе в Светлом. Светлый принёс много света в его жизнь. Здесь он встретил девушку по имени Вера, которая стала и надеждой его, и любовью, а её родители стали его вторыми родителями, близкими ему по духу.

Через некоторое время после свадьбы Миша зашёл к отцу. Тот рассматривал атлас, но когда увидел Мишу, выдвинул ящики письменного стола, приставил книгу к задней стенке и снова вставил ящики. Миша накануне получил письмо от матери, которая жаловалась на одиночество, на слабое здоровье. Он пришёл сообщить отцу о своём решении – перевезти мать в Светлый. Анатолий Семенович вспомнил село Петрово, родительский дом, в котором жила Галя. Он приезжал в отпуск летом к жене и старался подзаработать. Он любил копать колодцы. Несмотря на увечную руку, работал с самозабвением, докапываясь до кристально чистой воды, холодной, целительной, необходимой. Он нанимался чистить колодцы, размышляя о живительной силе воды, о том, что, чистя колодец, он что-то исправляет в своей жизни, расчищает в своих мыслях, в своём уме.

Анатолий Семёнович начал сопротивляться приезду в Светлый своей жены, и Миша это тяжело воспринял. Он почувствовал, как больно защемило сердце, и оказался в кардиологическом отделении областной больницы. Его лечащим врачом был Аркадий Сергеевич Корпецкий. Он удивил Михаила своим умением описать сердечный ритм, шумы в сердце.

– Почему вы стали врачом? – спросил он Аркадия Сергеевича.

И тот ответил:

– Моя бабушка рассказывала мне, что её отец ещё при царе Александре служил в армии двадцать пять лет. Вернулся домой, женился, и было у него двенадцать детей. Когда подросли старшие шестеро детей – две девочки и четверо мальчиков, он отправился с ними в далёкую Индию, в Кашмирскую долину, на озеро Вулар, к своему другу, с которым служил в армии, обучать их искусству исцеления. Кашмирский целитель надел каждому из детей на руку по серебряному браслету. У четверых детей браслеты сияли белым серебром, а у двоих мальчиков через неделю стали чернеть. Это было признаком, что целителей из них не получится. Отец вернулся с ними в Россию.

Бабушка Аркадия была самой младшей из детей, но всё же она достаточно прониклась рассказами своих старших братьев и сестёр, и тема восточной медицины постоянно жила в разговорах членов семьи. Аркадий вырос и сформировался в условиях идеологии советской власти, он часто со скептической улыбкой выражал взгляды глубокого материалиста. Но один рассказ бабушки о медицинском трактате «Белый берилл» задел тончайшие струны его души. Когда его друг по училищу Толя Гордеев рассказал о выставке старинных манускриптов в Киевской академии наук, сердце его ёкнуло: а вдруг там есть и эта книга. Он с большим трудом дождался утра, когда они с Толей пошли на выставку. «Белого берилла» там не было, но Аркадий почувствовал, что он прикоснулся к некоей тайне, смысл которой ему ещё откроется, надо только подождать.

– А твоя фамилия, Миша Гордеев, мне знакома, – говорил Аркадий Сергеевич своему пациенту. – У меня был друг в училище с такой фамилией, только он погиб во время войны.

– Не погиб, – ответил Михаил, – и живёт он в Светлом.

Отец пришёл навещать Мишу в больницу, и таким образом однокашники и друзья встретились. Из двух выпустившихся из училища групп, которые насчитывали 48 человек, считалось, что осталось в живых четверо, но оказалось – пятеро, потому что Гордеев был жив. Такой был отсев медиков во время войны.

А друзья стали часто встречаться в Светлом. В садике у дома Анатолия обмывали кандидатскую диссертацию Аркадия.

Тот был удивительным врачом. Он обладал уникальным слухом, мог описать словами звуки сердца так, чтобы другой понял, быстро и точно ставил диагноз, и тысячи людей были спасены. Кроме того, он знал, что сердце болит у людей, не умеющих радоваться жизни. И внушал своим пациентам, что нужно изменить своё сознание, понять, как щедра к ним жизнь, даже если случаются неудачи, которые должны тебя чему-то научить.

* * *

Когда Анатолий Семёнович показал атлас тибетской медицины Аркадию Сергеевичу, тот упросил друга позволить ему сделать копию, и сразу же уехал к себе в Калининград.

Аркадий Сергеевич был человеком высокого роста, худощавый, стройный, с глазами цвета зелёного чая, с густыми, лишь наполовину седыми, несмотря на солидный возраст, волосами, которые он стриг коротко. Две его дочери и сын жили своими отдельными семьями. Жена Нелли Васильевна, маленькая, некрасивая, но умная и практичная женщина, была дома и сразу прочла на лице мужа взволнованность, которую он пытался скрыть. Родом Нелли Васильевна была из Бурятии. Её родители – музыканты. Отец руководил маленьким оркестром, а мать преподавала музыку в школе.

О её родине напоминал привезённый из Бурятии маленький шаманский бубен. Он принадлежал её деду по материнской линии и всегда исполнял маленькие желания Нелли Васильевны. Например, если в доме куда-то исчезала какая-либо вещь, Нелли Васильевна подходила к шкафу, на котором лежал бубен, тихонько ударяла одним пальцем – медные диски отзывались каким-то тонким позвякиванием, и запропастившаяся вещь тут же находилась.

Нелли Васильевна знала множество подробностей устройства гармоничного быта, которые, к её сожалению, Аркадий Сергеевич игнорировал. Он мог, например, налить себе чаю и поставить чайник так, что носик его направлялся на Нелли Васильевну, или ещё хуже, на кого-то из детей или

гостей дома, чем, с точки зрения Нелли Васильевны, разрушал добрые отношения. Жизнь с Аркадием Сергеевичем требовала от неё огромного терпения, но она знала, что так надо.

Аркадий Сергеевич почти каждый год вместе с женой ездил на её родину. Однажды, будучи в гостях у двоюродного брата Нелли Васильевны, Валерия Арсалановича Шелехаева, сотрудника музея истории Бурятии, он увидел ключ к атласу тибетской медицины.

– Атлас же исчез из музея в 1937 году, – рассказывал Валерий Арсаланович, – мой отец тогда отправился его разыскивать и не вернулся домой.

От Валерия узнал Аркадий Сергеевич о книге, которая называлась «Прекрасно сказанное внутреннее углубление величественных медицинских знаний, именуемое «Лазуритовое зеркало – праздник, радующий мудрецов». Её автор – помощник Ламы V по административным делам, историк и философ по имени Пати. Книга – ценный источник, позволяющий воссоздать во многом легендарную картину проникновения медицины из Индии в Тибет, развитие медицинской мысли в средневековом Тибете. Первые девять глав трактата посвящены истории медицины в Древней Индии. Аркадий Сергеевич начал читать об индийских врачах Кумарадживаке, Нагарджуне, Ашвагхоше. Когда дошёл до имени кашмирского врача Чандранидана, он ощутил, как в теле его начался озноб. Это имя он не раз слышал от своей бабушки.

– До наших дней, – рассказывал Валерий Арсаланович, – дошло два комплекта атласа: оригинал, который хранится в Китае, и копия, принадлежащая Бурятскому краеведческому музею им. Хангалова, но до сих пор не найденная.

* * *

Аркадий Сергеевич исчез вместе с атласом. «Я тебе верну», – были его последние слова Анатолию Семёновичу.

Анатолий названивал жене Аркадия, но она тревожно отвечала, что не знает, что делать, где искать мужа, к кому обращаться.

Таинственное и необъяснимое исчезновение друга, лишившего Анатолия книги, которой не было дороже для него на свете, подтачивали его здоровье. Рука совсем отказывалась слушаться и очень болела.

И снова Анатолий Семёнович доставал пожелтевшие листки и читал о горах, наполненных силой солнца, нектарной богине Дэви, прекрасной долине среди гор с целительными благоухающими цветами и травами и чувствовал себя лучше. Приходили Миша и Вера с детьми. Миша рассказывал о себе и о матери, которую он всё-таки перевёз в Светлый, и она жила вместе с семьёй сына.

– Всё хорошо, – говорил сын.

– «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад», – отвечал стихами Анатолий Семёнович, любивший и ценивший поэзию и сыпавший цитатами в разговоре с собеседником.

Миша тоже отвечал стихами:

*– Мы думать ленимся,
Но всё же
Прекрасна жизнь,
Хоть и сложна,
Когда несёт нас,
Непохожих,
Судьбы солёная волна.*

– Ух ты! – восхитился отец. – Это чьё? Твоё?
– Нет, Альберта Сони́на. Кочегаром у нас работает.
– Слушай, я знал одного Сони́на. Мы вместе в лагере были.
– Об этом он мне ничего не рассказывал.
– Слушай, – оживился отец, – а он не делает вот так? – и отец высоко поднял одну бровь.

Миша подтвердил и заволновался.

– А тебе не приходилось мыться с ним вместе в бане? – спросил Анатолий Семёнович.

– Приходилось, – Миша заулыбался, потому что сразу понял, о чём говорит отец.

А тот продолжал:

– Я никогда не видел, чтобы у кого-нибудь был такой огромный... – Миша согласно кивнул головой. – А ты знаешь, где живёт Альберт?

– Знаю, – отвечал Михаил.

– Пойдём.

* * *

Альберт Иванович Сонин работал истопником в котельной консервного завода, но главное, за что он себя уважал, это то, что он был поэтом. Сонин был человеком мужественным и мудрым. Из лагеря он вышел в хрущёвскую оттепель. Вернулся в свою родную деревню Першино, которая слыла в округе тем, что жителей её называли колдунами, но на самом деле они сохраняли знания духовной практики исихазма; в традиции празднования святых праздников языческие элементы сливались с христианскими.

Альберту достался талант стихотворчества. Слова легко складывались в ритмический рисунок с чёткими рифмами, создавая волшебные смыслы. Он так и говорил: «Когда пишу, я праздную». Творчество было для него священнодействием. Огромная энергия, дарованная ему от природы, тратилась им щедро на работе, дома, среди друзей и незнакомых людей. «Обречены, и это знаем сами, мы расточать, а не копить», – цитировал он Анну Ахматову. Неуёмная натура его то приводила к перелому ключицы, то он бросался тушить пожар и оказывался в больнице с ожогами. Выписывался – и вновь жил «во всю ивановскую», если можно так сказать, имея в виду его малую родину.

Прибыв в Першино после лагеря, он понял, что почти позабыл в родной деревне. К соседям приехал сын Роман в отпуск из Калининградской области. Он жил в Светлом, ходил в море ловить рыбу. Наслушавшись застольных рассказов, Альберт решил ехать в Светлый. Там он и устроился на работу в котельную рыбконсервного комбината.

Здесь он, зайдя в библиотеку, познакомился с учительницей начальных классов, приехавшей из Калининской области. Её светлые волосы, серые глаза и внутренняя сдержанность не выходили из головы. И на следующий день по дороге на работу он завернул на соседнюю улицу, чтобы пройти мимо школы.

Катя, Екатерина Евгеньевна, шла ему навстречу и так искренне улыбалась, столько было в ней душевного тепла в глазах и улыбке, что Альберт не мог не остановиться и не поцеловать смущавшуюся Катю в щёчку.

Они поженились через месяц, поселились в комнате общежития. Со временем, когда родилась дочь, получили однокомнатную квартиру...

Встреча старых друзей была волнительной для обоих. За столом, с рюмкой вина в руке, которую никак не удавалось выпить из-за разговоров, они вспоминали Арсалана. Откуда и как у него оказался атлас тибетской

медицины? Почему он его передал Анатолию? На эти вопросы они не знали ответов. Альберт с грустью выслушал рассказ о встрече с Аркадием Сергеевичем, о передаче ему атласа и исчезновении его вместе с Корпецким.

– Послушай меня, Толя, – говорил Альберт, сосредоточиваясь и стараясь смотреть в глаза другу. – Атлас должен был вернуться туда, откуда он пришёл, где был изготовлен. И я уверен, что он туда возвратился. А ты выполнил свою миссию, сохранив его, и значит, пришло то время, когда ты должен был показать атлас Аркадию, через его руки он должен был вернуться туда, куда он и должен вернуться.

Анатолию почудилось, что он ощущает еле уловимый запах плодов миробалана и лёгкий ветерок от кашемировой шали нектарной богини Дэви.

* * *

Миша Гордеев возвращался от отца к себе домой. Он застал Анатолия Семёновича за составлением родословной их семьи. Отец дал почитать сыну свои записи о его далёкой прапрабабушке Зое.

...В имении Мусиных-Пушкиных ждали ребёнка. Молодая графиня Мария Николаевна разродилась девочкой. Это произошло как раз в пасхальную ночь. А утром барину доложили, что у ворот имения нашли подкидыша, девочку, лежавшую в корзинке, с шёлковой подушечкой и шёлковым покрывалом. Это сразу исключало, что ребёнок родился у кого-то из деревенских. Слуга также рассказал, что, услышав крик ребёнка и выйдя на улицу, он уловил удаляющийся цокот копыт лошадей, увозивших коляску по дороге, ведущей на юг и проходившей мимо имения Мусиных-Пушкиных. Думали-гадали, чей это может быть ребенок, что с ним делать. Узнав о происшествии, молодая мама Мария Николаевна кормила грудью не только свою дочь, но и подкидыша. Родная дочь Мусиных-Пушкиных Натали и подкидыш Зоя подрастали, подошло время выдавать их замуж. Черноглазая, с пышными чёрными кудрями Зоя вышла замуж за кузнеца Виктора Васильевича Гордеева без одобрения приёмных родителей, по страстной любви.

Виктор был талантливым мастером своего дела. Он не только лошадей мог подковать, подправить косилку, но какие великолепные решётки ковал он сначала для имения Мусиных-Пушкиных, а потом своим мастерством стал известен далеко за пределами Черниговской губернии. У Зои и Василия было семеро детей. Отец Анатолия Семён Викторович был младшим из них. В гражданскую войну его безразличие к политике привело к тому, что он оказывался то среди белых, то среди красных. Его ударило осколком снаряда в грудь, и после тяжёлого ранения и долгого выздоравливания он вернулся в село на речке Узенькой к жене Оксане, черноглазой и чернобровой, невысокого роста, пухленькой, весёлой, с красивым голосом. Со своим гимназическим образованием он стал почтальоном. В 1919 году у них родился сын Анатолий.

* * *

Анатолий Семёнович, будучи уже на пенсии, подрабатывал в Светловской поликлинике. К хирургу очереди не иссякали. Утром, проснувшись по обыкновению рано, он начал думать о Гале. Ему хотелось с ней встретиться. И после работы он направился в дом сына. С годами его жена обрела осанку уверенного в себе человека, знающего чувство собственного достоинства. В глазах её Анатолий прочёл радость и понял, что огонь любви к нему не угас. «С огнём уйдёшь!» – однажды нагадала ему цыганка.

«Неужели она имела в виду именно этот смысл?» – спрашивал себя Анатолий Семёнович. И глаза его лучились в ответ Галиным. Она предстала перед ним красавицей, и он услышал тоненький звук флейты судьбы, мелодия которой означала благосклонность и щедрость к нему жизни, приветливость

высших сил, и приспущенный в последнее время флаг настроения взметнулся на верхушку флагштока. У него не было сил потушить свой взгляд при встрече с ней, и впервые он понял, что и не нужно скрывать свои чувства. Он свободен, чтобы признать в себе блаженство понимания и взаимности...

В выходные дни Альберт Иванович отправлялся к своему саду-огороду с крошечным домиком. Прибалтийская осень щедро зажигала золотом листву деревьев. Тёмно-красные поздние яблоки ещё висели на дереве. Ярко пестрели астры и оранжевые ноготки. С участка открывался великолепный вид на Калининградский залив, куда ходил рыбачить Альберт Иванович и не переставал удивляться изумительной синеве воды. Работая в саду, Альберт Иванович на ходу сочинял стихи или думал. Чуткий к слову, он размышлял о близости слов «лекарь» и «лектор».

Слово может так же, а может быть и лучше, врачевать, как и таблетка. Таблетка лишь на время успокоит боль, слово излечивает навсегда. Оно изменяет сознание, которому подчиняется тело. Впрочем, навсегда изменить сознание невозможно. Слово тоже может быть сильнее и слабее. Под его воздействием человек может ощутить в себе самодостаточность на какое-то время, а потом вернуться к прежней неуверенности. Если же слово в сознании засело крепко, тогда, например, та же самодостаточность при длительном характере приобретёт свойство человеческой черты.

Альберт Иванович окинул взглядом кусок земли, намеченной им для вскапывания, и задумался о границах сознания. Человеку нужно находиться в границах сознательного. Выход за его пределы чреват безумием. «Не дай мне Бог сойти с ума, нет, лучше посох и сума...» – вспомнились пушкинские строчки. Счастье часто объявляется целью человеческой жизни. И «человеки» придумали «незаконный» способ достижения счастья – употребив определённое снадобье. Фальшиво изменённое сознание, не сопровождающееся позитивными переменами в мире, губительно для «человеков».

Альберт Иванович в начале перестроечных лет получил для своего участка небольшой кусок пустыря, заросший ежевикой. Теперь у него росли яблони и груши, грецкий орех и персик, сортовые смородина и малина. Он любил этот кусочек земли, потому что мир его руками и волей на этой точке изменился к лучшему. Закончив перекопку земли, он присел на солнышке у порога домика. Стояла тишина. Поздняя бабочка доверчиво летала рядом. Наслаждалась солнечным безветрием древняя ящерица. Юный паучок повис на невидимой паутине прямо перед носом Альберта Ивановича.

Физическая причинность мира, свойственная западной философии, не может удовлетворить человека, думал Альберт Иванович. На Востоке считают: измени себя к лучшему, и мир изменится. Вот только вопрос, как понимать, что значит это «лучшее». Ведь яд отличается от лекарства только степенью концентрации.

Он сорвал цветок календулы и размял его в руках. Острый горьковатый запах приобрели его пальцы. Альберт Иванович подошел к яблоне, сорвал крупное тёмно-красное яблоко. Плод познания, подумал он, а сад мой – маленький рай. Часто можно услышать о богооставленности земли, об опустевших небесах. А на этом участочке земли можно сказать о дьяволооставленности. Царство Божие здесь восхищается силой.

Альберт Иванович, собрав две сумки и рюкзак с собственноручно выращенными овощами и фруктами и пересиливая себя, потому что не хотелось покидать этот ухоженный уголок земли, направился к остановке автобуса. Вечером они с женой ожидали приезда дочери с внуками.

Умывшись и разобрав сумки с дарами сада, Альберт Иванович включил телевизор, стоявший на кухне, и присел к столу. Заканчивались новости по каналу «Россия». И вдруг ведущая с экрана заговорила об атласе, о котором столько переговорено с его другом Анатолием. Она рассказывала о том, что сорок таблиц этого комплекта продемонстрировано в Вашингтоне на выставке «Буддийское искусство врачевания: атлас тибетской медицины из Бурятии».

Альберт Иванович начал быстро набирать номер телефона Анатолия Семёновича и, услышав его голос, громко сказал: «Включай российский канал!» – и положил трубку. На экране мелькали люди в зале выставки – и лишь несколько кадров с яркими рисунками атласа. «Структура и содержание атласа, – звучал голос за кадром, – следуют каноническому трактату тибетской медицины «Чжуд-ши» и его комментарию «Белый берилл». Однако сугубо медицинское содержание имеет лишь около половины плакатов атласа. Гораздо большую возможность для творческого самовыражения художники, создавшие атлас, находят в темах, не имеющих прямой связи с медицинской проблематикой. Они рисуют широкую панораму средневековых естественнонаучных и философских представлений о физической, духовной и социальной природе человека. В иллюстрациях атласа отражается образ жизни, материальный быт, нравы, религиозные и народные представления тибетцев XVIII века. Уровень художественного мастерства позволяет характеризовать атлас как выдающийся памятник изобразительного искусства и разносторонний источник для изучения средневековой культуры».

* * *

Михаил Анатольевич Гордеев испытывал чувство праздника в душе: он стал дедушкой. У его сына Владимира родилась дочка Дашенька. Это произошло как раз в праздник Радуницы. В этот день вместе с Владимиром они пошли на кладбище, чтобы подправить кое-что, поухаживать за могилой умершего в феврале Анатолия Семёновича. Михаил Анатольевич был очень близок с Владимиром. Он вспоминал своё детство, как мечтал, чтобы отец был рядом, с какой мукой выпил он чашу своей детской незащитности и безотцовщины. Став взрослым, он мучительно хотел дружбы с отцом, и всё же непонятным образом их роднила и в то же время разъединяла древняя и прекрасная книга. Лишь похоронив отца, он понял, что у каждого своё предназначение в этом мире: у отца – быть хранителем атласа.

Когда Михаилу не спалось, он заходил в Интернет, пытаясь как можно больше узнать об атласе тибетской медицины. Эта книга составила смысл жизни его отца. Неравнодушные к слову, к поэзии сформировались у Михаила благодаря чтению машинописных листков Арсалана, которые отец со временем вновь перепечатал на хорошей бумаге и с любовью перечитывал. Теперь Михаил хранил у себя в заветной папке записи отца о родословной семьи и отрывки из «Белого берилла», пришедшие от Арсалана. В Интернете Михаил Анатольевич прочёл, что перевод книги на русский язык сделал Пётр Бадмаев. А брат Петра Владимир после революции 1917 года в России основал центр тибетской медицины в Швейцарии. Он узнал, что книга имеет четыре уровня, ориентированных на уровни мыслительных способностей читателей. Первый – для мудрецов, второй – для талантов, третий – для посредственностей и четвёртый – для простейших. Например, в конце первой тантры (уровня, объяснения) говорится: «Эта коренная тантра является предметом изучения только обладающих интуицией и разумом. Для глупцов она непостижима».

Вот каким сокровищем обладал его отец, хотя и сам Михаил это чувствовал, когда читал машинописные листки перевода из чудной книги. Из различных источников он понял, что книга является матрицей знаний. Здесь описаны не только медицина всех времен и народов, все способы и методы лечения, но также и структура абсолютного знания. Единицы способны её понять из-за ограниченности интеллекта, поэтому в тибетской медицине нет тайн, а есть только неспособность понять знание.

И Михаил открывал папку с переводом «Белого берилла», чтобы привести свои мысли в порядок, насладиться красотой слова и забыть о своём плохом самочувствии. Инъекция слова была сильнее лекарств. Он всё больше и больше понимал, какое сокровище оставил ему отец, читать которое было равным тому, как если бы ты припал к нектару бессмертия.

Царь света берилла одарял его своим милосердием, исполнял его стремление к гармонии в душе, избавлял от страданий и навевал мысли о хорошей участи Михаила.

Царь света берилла восседал на драгоценном берилловом троне, а вокруг него четырьмя кругами располагались боги, мудрецы, внешние и внутренние слушатели.

И каждое высказывание царя света берилла каждый из четырёх кругов понимал в соответствии с методом своего наставника. Это позволяло им, искусно направив собственные тело, речь и мысль, привести в равновесие неуравновешенные пороки других.

* * *

Ночью над Светлым прошла гроза, первая весенняя гроза, похожая на тютчевскую, только не в начале, а в конце мая. Утренний Светлый сиял чистотой ярко-зелёных листьев деревьев и травы, синева залива соперничала с яркостью синевы неба, тяжёлые гроздья сирени источали лёгкий аромат. Вера Гордеева вышла на балкон их трёхкомнатной квартиры, чтобы покормить птичек печеньем. Она знала, что это приносит материальное и духовное благополучие. Гордеевы готовились к выходу в храм. В это воскресное утро всё было готово к тому, чтобы после крещения Дашеньки посидеть за столом большой семьёй. Торжественные и нарядные, они остановились у храма. Радостно взмахнув рукой, легко переступая, несмотря на возраст, к ним подходил Альберт Иванович, чтобы разделить радость семьи своего друга.

Верочка в красивом белом шарфике на голове и с кулёчком в руках, в который была завернута Даша, первой вошла в церковь, а за ней, крестясь, входили друзья сына и невестки. Михаил Анатольевич завершал процессию.

В светлом храме высоко и многоголосо звучал серебряный церковный хор, и это пение делало душу бодрее, а ум трезвее. Ярко горели свечи цвета спелой, золотистой ржи. Отец Анатолий с добрым лицом начал читать молитву. Михаил Анатольевич с благоговением слушал тёзку своего отца, встретился взглядом с Николаем Чудотворцем. «Спасись сам, и возле тебя спасутся тысячи», – вспомнил он Евангелие. И вся мука, с которой он жил, страдая от отсутствия отца в его детстве, от непонимания между матерью и отцом, от какой-то дистанции между ним и отцом уже в Светлом, вдруг отпустила его в эти торжественные минуты. Взрослеть было неопасно. «Ныне и присно и во веки веков!» – нараспев произносил молитву тёплым для уха Михаила голосом отец Анатолий. Праздник длился.

Элина ТРИДЕВЯТОВА

Хозяйка Медной горы

Мне б старый рудник заметить
И спрятаться до поры.
Авось доведётся встретить
Хозяйку Медной горы.

Проснулось бы вдохновенье,
Увидь я её хоть раз!
Но гложут меня сомненья:
Правдив ли о ней рассказ?
И вправду ль она красива,
Как все о ней говорят?
Таит ли былую силу
Лукавый зелёный взгляд?
И верить ли сказкам здешним
О щедрых её дарах?
А может обманом грешен,
Кто видел её в горах?
Но верю, в укрытьи жалком
Я дни проведу не зря.
И выйдет ко мне Хозяйка,
Усмешкой своей дразня.

Быть может, сперва обманет –
Затеи у ней хитры!
Но после кивком поманит
В хоромы внутри горы.

А там, пригубив мохито,
И став добрее на вид,
Шкатулку из малахита
Неужто мне не вручит?

Очнусь потом на пригорке,
И пыль отряхнув с колен,
Пойму, что навеки пойман
В её изумрудный плен.

О длинных её ресницах
Вздохну я ещё не раз.
И долго мне будет сниться
Холодная зелень глаз.

Час по слякоти и лужам

День святого Валентина.
Мелкий дождик... Редкий снег...
И Московский скучно-длинный,
Обезличенный проспект.

На маршрутку не хватает.
На автобус тоже нет!
Вот и мерю я шагами
Неприветливый проспект.

Обветшалые приветы
Из ушедших вдаль эпох,
Спят творенья Кёнигсберга
В зябкой ветхости веков.

Час по слякоти и лужам.
Скоро ль встретится приют,
Там, где ждёт горячий ужин,
Где накормят и нальют.

В командировку!

Страшно в полёте? – Кино смотрите!
Уши заложит – ириску в рот!
Завтра – в Москву, послезавтра – в Питер –
Вот она, лучшая из работ!

Темпы: как спринтер на стометровке.
Сроки лишают порою сна.
Благо спасают командировки,
Чтобы совсем не сойти с ума.

В иллюминатор глядишь при взлёте,
Город из вида давно исчез...
Вроде не в отпуск... Вроде работать...
Только ты счастлив впрямь до небес!

И ощущая кресло затылком,
Радуясь счастью: вот оно! Вот!
Ты благодарность выразишь пылко
Самой чудеснейшей из работ.

Виталий САВРОВ

Я забываю о тебе,
Когда смотрю за край заката.
Когда в неровной тишине,
Ворон бунтует канонада.

Когда неловко говорить
О том, что ты причастен к счастью.
Когда не можешь не любить
И рвать действительность на части.

Когда лишь в метре над землёй
Туман свою дорогу стелет,
И омываются росой
Цветы и травы еле-еле.

Когда ты солнце и луна,
Когда ты приходящий ветер.
Когда любовь твоя одна,
И всё единственно на свете.

* * *

Ты помнишь костры из листьев?
Последние листья жгли.
Горели у клёнов кисти,
И дым уходил с земли.

И ты говорил про ветер,
О том, что есть тут и там.
И что сколько жить на свете —
Решать далеко не нам.

Мне было легко и грустно.
Трещали угли в огне.
Никак не осмыслю чувство
Быть временным на Земле.

* * *

У меня для тебя ничего не осталось —
Ни мотыги, ни плуга, ни старой косы.
Где искать наше время, коль всё потерялось,
Или как положить пустоту на весы.

Я могу отдавать тебе горы тумана,
Чистый воздух и тихую песню воды.
Только это никак не приложишь на рану,
На таком не уйдёшь далеко от беды.

Слышишь, шепчут в бору незаметные ели?
Листьев ворох негромкою кучкой бредёт.
За такое не просят вставать на колени,
При такой толщине не выходят на лёд.

У меня для тебя есть лишь то, что повсюду:
Полный мир, тишина, что не помнит руки.
Что спасает внутри, но не лечит простуду,
И пустые стоят в третий ряд сундуки.

Всё, кажется, пустилось кувырком, И почвы нет и под ногами веса. Мы говорим никак и ни о ком, И я блуждаю в середине леса.	Потом молчим, второй январь без снега... И в соснах трёх себя не разглядим, Хотя в уме мы все с приставкой «мега».
Ищу дороги, кличу имена, Ору «ау» и прислоняюсь к соснам. Такая странная тоска без дна, И почему-то с ней живётся сносно. И мы с тобой подолгу говорим,	Люблю я лес, но где остался путь? Скажи скорей, как выйти на дорогу. Скажи, как есть и как себя вернуть Тому, кто лес, ему, другому – Богу.

Сто тридцать

Это утро как будто сто тридцать дней
Безмятежности. Кофе на молоке.
Улыбаюсь. Чуть-чуть открываю дверь.
Просыпаешься. Песня на языке.

Этот город. Ведущий к морям балкон.
И начало. Мне мил сигаретный дым.
Я с тобою в сто тридцать дверей рождён.
Я с тобою совсем становлюсь другим.

Мне теперь очень просто сровнять весы,
Между горем и радостью выбрать миг.
Не смотрю и не верю, что есть часы.
Я с тобою сто тридцать миров постиг.

* * *

Тысяча мыслей, и все они не о том.
О погоде, времени, зарплате.
Я полжизни, видимо, отложил на потом,
Но она проходит сейчас, и кстати –
Я уже опоздал на сотый паром,
Что идёт прямо в Питер по снежной вате.

Так теперь сейчас и не о чем горевать.
Если касса в пяти, десяти и часе.
Я совсем ненавижу свою кровать
И хочу на земле, а не на матрасе,
Просыпаться и хвойной тропой дышать.
Извини, я не первый в карьерном классе.

И я, видимо, северный из этих птиц,
Что идут к холодам, от жары им плохо.
От пустых, еле сдержанных, грустных лиц,
Где по правилам выдох идёт до вздоха.
Я с тобою, а значит, не признаю границ.
Уезжаем. У нас впереди эпоха.

Если

Так легко перепутать линии
И совсем не туда попасть.
Если море – пусть будет синее,
Если счастье – пусть хватит всласть.

Очень много сегодня левого,
Мы с собою идём вразрез.
Если любишь, то только с первого,
Если нужно, то позарез.

И навязывать суть бессмысленно,
Каждый может распутать сам.
Если слово, пусть будет истина,
Если стих, то понятный вам.

Пустырь

Между окон холодный воздух,	Всё живое, и даже камни,
Между рам паутина, пыль.	Расступились впустить репей.
Расскажи мне, как мир наш создан,	Надо помнить о самом главном
Как зацвёл под окном пустырь.	Посреди неживых зыбей.

В этих ветках такие мощи,	Между окон забился белый
Так зелён этих листьев цвет.	Одуванчиков лёгких пух.
Одуванчик прорвался тощей,	Это тело, всего лишь тело...
На квадратном нет смерти. Нет.	И сквозь боль прорастает дух.

Алина ЛЫСИКОВА

Стынет лавка под тенью фонарных столбов,
Ты вырастаешь в меня. Я к тебе не готов.
В этих чёрных ночах зимним холодом свет.
Повисает во мне на вопрос неответ.
Под ногами хрустит, ветер свистом в ушах,
Зря я вышел из дома. Ты ставишь мне шах.
Я из чёрного в белый шагаю квадрат.
Я влюбился в тебя. И ты ставишь мне мат.

* * *

У тебя опять в голове Париж и какие-то шуры-муры. Я надеюсь, ты вырастешь и простишь то, что я временами грубый. То, что я не дарю цветы, не пою серенады ночью. Что язык не может без остроты и часы ходят слишком точно. Только знай: если что-то вдруг – я всегда прибегу на помощь. Для тебя разорву самый прочный круг, если просто того захочешь. И запомни: когда я пишу стихи, то тебе посвящаю каждый. Пусть всегда говоришь, что они сухи... Может, суть ты поймёшь однажды. А пока в твоей голове сквозняк и жужжание глупых песен, я могу любить тебя просто так. Точный срок пока не известен.

* * *

Я ловила твоё дыхание
И плела из него стихи.
До короткого замыкания
Мы бывали с тобой близки.
Мы руками друг друга плавил,
Разжигая внутри пожар.
Но последствия возгорания
Не такие ты обещал...
Я поймала твоё дыхание
И сплела из него стихи.
Почему теперь вместо пламени
Только иней моей тоски?..

* * *

Давай уедем с тобой подальше,
Куда-нибудь за Урал.
А если будут звонить и спрашивать –
Скажи, что меня украл.
Давай уедем с тобой пораньше
От старых ненужных встреч.
Я полюблю все твои замашки,
Чтоб только тебя сберечь.
Давай поедem навстречу солнцу
Из тянущей темноты.
Давай сюда уже не вернёмся?
(Подписано) *прежний ты.*

Чем больше я стихи шлифую –
Тем больше хочется убрать.
Своей размазанной строфою
Я только пачкаю тетрадь.
Как ни старайся – не по силам
В слова эмоции вписать.
Я ими столько погасила
Того, что надо воспевать.
Всё говорила, говорила...
Впустую сотрясала гладь.
Слова тогда имеют силу,
Когда нельзя их промолчать.

* * *

Я полюблю вышивание крестиком,
Буду готовить овсяные кашицы,
Как от упавшего с дерева листика,
Пусть ничего от меня не останется.
Мысли свободные юности ветреной
Пусть унесет сквозняком через форточку
В мир без ответов, такой неизведанный,
Перемывающий душу по косточкам.
Я же останусь в бетонном укрытии,
Грудю замков понавешу на выходе.
С детства меня научили родители
Быть человеком, которого видели.
Вот же, мамуля, я милая девочка,
Всё проживала твоими советами.
Утром мне небо причудилось в клеточку.
Мама, ты точно хотела мне этого?

* * *

Столкновение в метро случайное
В предзакатный глухой час пик.
Ты молчишь под моё молчание.
Наша встреча зашла в тупик.
Все «приветкакдела» – из прошлого.
Все «в порядке» давно соврал.
Мы настолько с тобой изношены,
Что, пожалуй, уже пора...
Только я, как ребёнок, выросший
Из любимых своих вещей,
 Попрошу: постирай и высуши,
Если где порвалось – зашей...
Я ещё не готов к прощанию,
Но и слов мне остаться нет.
Я молчу под твоё молчание,
А на небе стихает свет.

Евгений ЖУРАВЛИ

Истоки

В русском языке слово «хорошо» происходит от старого «хорошь», а оно, вероятно, доносит до нас древнее имя забытого ныне бога солнца – Хорса (Хърсъ). То есть в древнем понимании «хорошо» – это как солнце, а уж солнце – это всегда хорошо... И как тысячи лет назад повелось в Северном полушарии, так было и в этот день – было и хорошо, и было солнце.

– Дедушка, а что мы просто так сидим? Давай лучше я плавать буду, и на следующих соревнованиях точно победу! – заявил семилетий Илья, имея в виду непочётное «третье с конца» место на недавних внутренних соревнованиях его плавательной секции.

Обстановка располагала к плаванию. Дед с внуком сидели на песчаном берегу местной речки, чьё неторопливое течение не представляло никакой опасности для ребёнка. Вокруг носились ласточки, и уже с неделю стояло уверенное июньское тепло. Природа налилась зелёным соком и спешила разрастаться и жить. Рядом лежали три удочки, однако дед не испытывал желания расставлять их, предпочтя рыбалке молчаливое созерцание.

– Нет такого слова в русском языке. Нельзя сказать «победу».

– А как сказать? «Побеждю» что ли?

– И такого слова нет. Никак не сказать.

– Это почему? Давай придумаем такое слово...

– Не надо придумывать. Не нужны эти слова. Нет ни «побеждю», ни «победу», потому что неизвестно ещё – победишь ты или нет. Так уж в Россиюшке уложено – не загадывать победу. Бедово это.

– Мммм... ну ясно... А почему тогда есть слово «победим»?

– Ну так когда нас много – мы всегда победим, – усмехнулся дед. – Вместе – сила, известно ведь!

Дед в семье слыл чудаковатым. Сторонился людей и всё больше замыкался в себе. Трепетно относился к словам, сердился иногда ни с того ни с сего. Любил чистоту, но органический мусор раскидывал по палисаднику, а иногда и вовсе за забор. С годами странновато стал произносить слова – медленно и веско, чётко выговаривая буквы и делая необычные ударения или акценты. Из-за этого его речь стала попахивать какой-то брутальной патриархальностью и даже язычеством. «В каком-то своём мире живёт, параллельное гражданство себе на небесах оформил», – шутил сын.

– Ну так можно поплавать или нет? – переспросил Илья.

– Давай поплаваем. Так оно лучше.

– Спасибо, дедуль. Мама в жизни бы не разрешила.

– И тебя спаси Бог, внуче. Спаси и сохрани... А мать... на то и мать.

Матери возводят стену перед своими детьми, чтоб их защитить. На пользу ли это? Дед вспоминал сейчас и свою мать, и в общем затушёванном уже калейдоскопе воспоминаний она не потеряла ни остроты, ни яркости. Как наяву. Мать – первое существо для человека и первое слово в любом языке... Всё ли они делают правильно? Нет. Но они делают всё, что могут. Мама – священно.

– От меня и полево, внуче. И далеко не плавай.

– Против течения что ль?

– По течению каждый может.

– Ну ладно.

«Ладно – суть лад – порядок, устой, согласованность, равновесие», – думал себе дед. Почему согласие выражается этим словом? В противоречии мироустройству согласие не имеет веса? Или как согласие с законами

мироустройства? Он глянул на потомка. Потомок, фыркая и хлопая по бокам, медленно входил в воду.

– Холодная?

– Нет, деда... Ты лезь и увидишь.

– Я и так вижу. Холодна.

– И что, не поплывёшь?

– Я и так уже плыву...

– Это где ты плывёшь? – оглянулся Илья.

– По веремени, внуче, по веремени.

Время в сознании деда неизбежно растягивалось в сакральное веремие – что-то таинственное, длинное и бесконечное. Похожее на тёмное течение этой небольшой реки, оно неспешно текло из ниоткуда и исчезало в непроглядной дали. «Вервие, веретено – всё это нить», – думал дед. Но веремие, в какой-то точке которого он ощущал и себя, это нечто большее... Течение, являющееся причиной, началом и концом, порядком и строем. Непостижимое и всеобъемлющее.

– Все реки текут, внуче. Все, – резюмировал свою мысль дед.

– И почему?

– Чтобы быть. Что не движется, то умирает.

– Всё, что не движется, умирает? И я умру, если не буду двигаться?

– Точно.

– А если я всегда буду двигаться, я никогда не умру?

– Всё останавливается рано или поздно, Илюш. И умирает.

– Но почему останавливается? Просто так?

– Просто так не бывает. На всё причина.

«Как иначе?» – думал дед. Причина – это «нечто при чине». А чин – это и есть порядок, лад, способ, закон. Любая причина – следствие закона мироздания. Она не бывает просто так.

– Дед, а сколько тебе лет?

– Много, не помню уж.

– А не умирать сложно?

– Не умирать легко. Жить сложно.

– Это почему?

– Потому что сложно. Потому что сложить надо много всего, чтобы жизнь получилась. А если не слаживать, то не полная она, больная, жизнь.

– Это когда болеешь?

– Нет. И да.

– Когда бедный?

– Не так. Бедный – это просто когда беда в самом человеке. От малого ума или ещё как... Но и бедам всегда есть причина. А не когда денег нет. Бедными и с деньгами бывают.

Бедный при деньгах. Одинокий в людях... Омут воспоминаний затягивал старика. Он вспоминал себя. Успех, к которому стремился. Что это? Успех – в русском языке само это слово означает «то, что произошло поспешно». Удача – «то, что даётся». Где здесь был он сам? Но казалось, что во всём – личная заслуга. Поэтому пришла гордость. Не зря предки назвали её этим словом: «отгородиться», «ограда», «городить» – всё это слова того же значения. Гордость возводит вокруг себя стены и начинает не замечать окружающих. Поэтому за гордостью всегда приходит одиночество – состояние, сложенное в нашем языке из слов «один» и «очи». В этом пустом одиночестве, среди собственных мыслей, силась объяснить возникшую неполноценность, душу человека неизбежно наполняет разочарование – буквально «разрыв чар», владевших впечатлительной душой. И вот тогда это становится «невыносимым» – то есть тем, что невозможно вынести. Из души. Никогда.

– Дед, а я стану богатым?

– Господи спаси, ты и так богат, Илюш...

– Это как так, дед? У нас богатство есть?

– Есть у тебя лично. Да ещё прибавится, если не растеряешь. Вдумайся, богатство – это что Бог даёт. Только не замечает ты его пока. Проживёшь жизнь, поймёшь.

Какое ему богатство? Исковеркали суть всего. Думают – деньги! Достаток – это, может, и деньги, но и то лишь столько, сколько «достаточно». Но не «богатство». Деньги точно не от Бога. Никогда не было ещё ни с кем такого, чтоб деньги счастье несли. И будет ведь стремиться, добиваться... А что такое стремление? Быстрота, стрела, стремительна – всё это одно слово. А быстрота редко устойчива. «Стремнина» ведь, пропасть. А добиваться – это и вовсе бить нечто и добивать. Никак, саму жизнь... Вот жизнь нас потом и судит. А мы жалуемся на судьбу. Судьба – это и есть суд. Суд жизни. Потому этим словом и названа.

– Представь, Илюш, то есть «поставь перед собой навсегда», что есть Великий суд. Не тот, который в Писаниях сказан, а прямо сейчас происходит. И вот все твои слова и поступки судья взвешивает... Имя судьи, как есть – «судьба». И вот как ты поступаешь – так тебе и откликнется. Ложь – в дрожь. Страх – в прах. Совесть – добрая весть. Честный – чистая честь. И будет тебе и богатство, и честь, и радость.

Внук уже не слышал деда. Взбивая воду, он всеми мыслями был там – на будущих соревнованиях и в будущей взрослой жизни, чуть ли не знаменитый пловец, готовый броситься и спасти или выполнить особо важное задание... Река времени всегда шепчет нам о будущем. Но нам трудно услышать её. Может, потому, что избегаем тишины...

«Не лги ни себе, ни миру. Не разбрасывай слова, а храни их. Нет их лишних, пригодятся. Думай над всем, что делаешь. Всегда спрашивай «почему» и «что», – как молитву, медленно проговаривал дед.

Нет лжи и нет вины – наступит свобода, – размышлял он. – «Свобода» суть два слова – «своё» и «бда», то есть «бытие, бдение, пребывание». То есть это пребывание в своём, а не чужом. Получается, либо принимаешь закон и делаешь его своим, либо свой чин создаёшь, который не противу речи лада мира... Будь, Илюша. Дорога свобода да ценна.

Не так уж всё мудрено. Не такие уж они непонятные – чин, лад и мир. Из года в год род людской размышляет и открывает этот закон. Всё, что несёт веремие, неизменно. Находят люди новое – выражают его словами, складывая новое понятие из существующих, а если не находят слов, то называют так, как чувствуют... В том и мудрость вся. Всё объяснено давно. Кто не додумал ещё – у того мало слов в языке, кто понял – у того язык тяжелее. Только стали забывать смысл того, что говорим... Оттого и разлад.

– Деда, деда... – тряс его за шею Илюха. – Ты заснул что ли?

Очнувшись от своих грёз, дед опознал перед собой широко раскрытые глаза внука, увидел их тревогу и возбуждение, ощутил холод мокрых ладошек, сжимающих его шею.

– Деда, я подумал, что ты устал двигаться и умер!

– Не бойся так за деда, внуче. Когда дед перестанет двигаться и умрёт, он всё равно останется.

– А где ты останешься? Я хочу к тебе приходиться.

– Тебе не нужно будет никуда приходиться. Я останусь в тебе.

Солнце светило всё так же, ласточки живыми пулями взлетали над речкой и бросались вниз, а вода безмолвно текла... Обняв за спину мокрого внука, грея его своим теплом и чувствуя биение маленького сердца, на песке берега сидел старик. В русском языке слово «счастье» образовано из двух слов и обозначает «соединение с чем-то большим, частью чего являешься».

И так оно и было.

Игра

В то солнечное лето птицы будто не могли накричаться. Сладко и самозабвенно они надрывали свои маленькие связки из всех углов и кустов небольшой бабушкиной деревни. Они кричали о счастье и сытости, кишащей вокруг, о своих птенцах и гнёздах, о вечно благополучном прогнозе Гидрометеоцентра и об умопомрачительных деревенских закатах.

Мы, городские дети, оставленные своими родителями на летний период под стариковский присмотр, также забыв обо всём, бегали по песчаным улицам, наслаждаясь текущим моментом, даже и не пытаясь знать что-то о будущем. Жгли костры и сбивали пятки, купались в речке и воровали соседскую клубнику, играли в индейцев и пытались улизнуть от взрослых поручений. В настоящем было столько всего интересного, что будущего просто не существовало.

– Я Мороз красный нос! – ревел как медведь чуть выпивший дядя Витя.
– Кого коснусь – заморожу!

Широко расставив руки, он стоял посреди неширокого двора, пытаясь коснуться кого-либо из нас, пробежавших мимо него в обоих направлениях. Нос его, наверное, действительно был красноват, но от всего этого рычания исходило такое дружелюбное благолепие, что мы с хохотом проносились мимо, пытаясь раздражить его ещё больше.

Самый старший из нас, Саша, всячески демонстрировал, что его не очень-то забавляет игра в салочки с мелюзгой, и поэтому в момент всеобщего перебегания, нарочито не спеша, грациозно, как гепард, перемещался на противоположный край двора, самодовольно усмехаясь. Но конечно, его захватывал азарт успеха. Кроме того, он поглядывал в сторону бурно взрослеющей Ани.

– Я боюсь! Не побегу! – визжал робкий соседский Вадик, но всё равно бежал.
– Красный нос, красный нос! – дразнил, уворачиваясь от рук дяди Вити, ловкий Мишка.

Словно сквозь лопасти сказочной мельницы проносились мы между его рук. Маленькие дон-кихоты, побеждавшие каждый в своей сказке. Один за другим игроки замирали посреди двора, но радость от этого не прерывалась. Вот и я уже, хохоча, стоял «замороженный». Саша, поняв, что скоро останется единственным участником, незадолго до этого незаметно вышел из игры и уже сидел в стороне.

– Дед Мороз, ты меня сейчас сразу заморозишь! – вскричала Аня, желая утвердить первенство. – Тогда кто победил? Что это за игра, если нет победителя?

Через много лет ослепительная красавица Аня, бросив институт, скатится на самое дно. Привыкнув пользоваться своим обаянием, она пропустила момент, когда нужно было выбирать пристань, и вешалась уже на каждого, кто хоть ненадолго мог обеспечить ей существование. Говорят, она смогла найти в себе силы слезть с зависимостей и наконец выскочила то ли за француза, то ли за араба, но и там не сложилось. Вернулась. Только в возрасте далеко за тридцать она нашла простого крепкого мужчину-вдовца и смогла родить ребёнка. Говорят, что сейчас она поёт в церковном хоре. Мишка, которому на заре жизни Аня успела разбить сердце, пропал лет на двадцать, но в двухтысячных вернулся в деревню, сразу женился на местной из молодых, завёл троих детишек и построил дом на месте родительского. Каким-то образом мы однажды увиделись, и сейчас иногда я навещаю их

крепкую простую семью. Именно от него я узнал, что наш нерешительный Вадик, попав в армию, не стал уклоняться от распределения и уже в Чечне попал под новогоднюю раздачу. Вернулся он с четырьмя ранениями и орденом Мужества. Говорят, вытаскивал пацанов. Это немного стало нам известно от его матери, живущей в деревне. Сам он давно переехал в другой регион. Самый старший из той нашей вечной компании, Саша, в деревне давно уже не показывается. Ещё в девяностых он примкнул к «правильной» компании, что обеспечило ему некоторый успех, но и затребовало определённой жертвы. Ему пришлось порвать с родителями, так как фактически их разорили люди, с которыми Саша связал свою судьбу. Выбор, совершённый им, не подлежит обсуждению и разговорам. Про него просто забыли. Мне кажется, я однажды видел его за рулём неплохого автомобиля, но он отвёл глаза и проехал мимо.

– Аххаха! Потому-то и самая лучшая игра! Ну-ка беги сюда! Я Мороз красный нос, всех заморожу! – комично рычал дядя Витя под общий хохот, и игра шла своим чередом.

Игра, в которой нет победителей.

Да

Стоя здесь, в её сознании проплывали века подавления... Подчинённое положение, материальная зависимость, отсутствие права принятия решений. Физическая слабость, потребность в защите, никакого права изменить свою жизнь без чужого одобрения. Без одобрения «того, кто главнее» – сначала отца и матери, учителей, потом мужчины. А если..? Нет, иначе – изгой. Иначе – никто. Никакой возможности совершить поступок. Одни обязанности. Должна «то», должна «это». Поступать «так», быть «как надо», смотреть «чтобы не дай Бог»... А кто-нибудь вообще спрашивал? Со времён самого Эдема никого не интересовало, что хотелось ей. Но виновной в конце концов всегда назначалась она. Ввела в грех – и все объяснения... А разве спросил Парис Елену, когда выкрал её, увезя в Трою? Спросили ли её желания те, кто выкрадывал её у него позднее? Все эти войны, жертвы, падение империй – разве нужно было ей хоть что-то из этого? Нет. Покой, достоинство и сильное плечо – всё, о чём мечтала она все эти тысячелетия. Но и это – лишь ради жизни. Жизни, которая должна продолжаться наперекор этим безумным мужчинам. Вопреки им. И всегда она смирялась. Терпела, зная, что даёт жизнь. Поля, полные хлеба, детский смех и мягкий блеск очага – вот к чему стремилась она всегда. Но сказать, что этот искомый покой похож на забытый Эдем – тоже насмешка. Снова вся ответственность была на ней. За дом, чистоту, сестёр и братьев, за радость, в конце концов... Все эти «надо» и «должна». Те же боль, труд, терпение и безмолвный разговор самой с собой... Изменилось ли что-нибудь для неё сейчас?

Вроде и изменилось – теперь всё она может сама, только легче ли от этого? Легче ли стало оттого, что Одиссеев днём с огнём не сыщешь, а те, что остались, не понимают, что от них требуется? Получается, что теперь не только можно всё самой, но уже и вынуждена? Легче ли теперь дарить жизнь и хранить её росток? Хотя, может, и не всё так беспросветно. Есть ещё Македонские – завоевал, покорил, пленил и околдовал... И кажется, что с ним надёжно, как в самой большой крепости. А вдруг всё изменится? А вдруг погаснет искра? Утихнет буря в душе? Обязательно ведь утихнет. И что тогда? Холодные разговоры, вынужденность сосуществования,

равнодушие? Стоит ли начинать? Чтобы потом мучительно выслушивать, подчиняться и мечтать? О чём вообще можно мечтать, когда главный выбор в жизни сделан? Время безжалостно и не даст отыграть назад. Короткая, как цветение тюльпана, юность, а дальше – хлопоты, дети, внуки, труд, кухня, покупки, дом. Весна проходит, и за прохладной, но яркой осенью, полной плодов, наступит вечная зима, такая обычная в этих краях. Бесконечная.

Кто он, этот мужчина, чья грудь ходила ходуном при взгляде на неё? Добился. Не узнать теперь, раскрылся, каким его не знали, будто крылья обрёл. Всегда ли он будет таков? Полный планов, упрямый, молодой и сильный, мечтательный и лёгкий на подъём... Легко дающий обещания и готовый идти до конца ради их исполнения. Такой самоуверенный, но иногда беспомощный, как дитя. Точно ребёнок, не знал, что ему надеть сегодня. Ну и завоеватель!

А что, если потускнеет этот взгляд? Ноша тяжела, и ох, трудно поднять голову, взглянуть на то же небо, которое видел в синеве глаз любимой... Искал, чтоб вознестись, и находил так близко... Заботы, рутина и ответственность лягут вдруг тяжёлым бременем, придавят взгляд к земле. Станет строг, скуп на слово, а может быть, зачастую и сердит. О чём останется мечтать?

Погрубеет, станет ещё более упрям и тяжёл к переменам. И как большой матёрый зверь, будет всё неохотней покидать своё логово, лишь чтобы быстрее вернуться в него снова и опять целыми годами без слов смотреть в огонь её очага. Будто готовясь к великой зиме. Зиме своей жизни. Да, она знала, что так и будет. Все тысячелетия до них, тысячелетия после, и ничто не сможет изменить этот ход. Она видела, как мужчины её рода уходили в эту большую дрему, когда приходила их личная осень. Потихоньку, с каждым посеребренным волосом, они становились ближе к своей большой зиме, лишь вздрагивая иногда воспоминанием первого детского смеха, и конечно, первого поцелуя. И тогда сердце снова наполнялось теплотой, и лёд отступал. В открытое окно снова врывается кусочек весны, ушедшей уже будто навсегда... Но ненадолго. Она знала, что такое будет происходить и с ним, а хлопоты и заботы так же и останутся на ней, как прежде. Но разве это неправильно? Ведь у каждого различные роли, и роли эти достойны. Да, мужчины несовершенны. Они бывают неповоротливы, даже ленивы, делают много глупостей, требуют внимания, словно дети, втайне страшатся неудач, сердятся, попадая в неловкое положение, бывает, не доводят до конца начатое, любят мальчишеские игрушки, игры и регалии, искренне расстраиваются несбыточности своих заоблачных ожиданий, до конца продолжая верить в них, и вообще-то быстро теряют своё могучее здоровье. Но есть в них и ещё что-то. Ведь когда приходит большая опасность, такая, которая может угрожать ей, её детям и их будущему, эти неловкие существа без лишних слов стряхивают свою дрему, собираются и уходят умирать. Умирать за неё, за солнце над головой, за эту землю, на которой вырастут её дети. Потому что в этом всегда и состояло их истинное предназначение. И лишь за одно это испокон веков им прощается всё. Она посмотрела высоко вверх, будто пытаясь понять, когда первая снежинка приземлится и на её маленький нос, растаяв. Но вместо белого неба над ней белел сводчатый купол, на котором ярко нарисованные крылатые существа с нимбами порхали вокруг женщины с ребёнком. Женщины, так похожей на неё. «За зимой всегда новая весна», – подумала она и перевела взгляд на священника. Она знала. Она всё знала. «Да, я согласна», – сказала она.

Алина СЕРЕГИНА

Монолог яблока

Раскинута веток зелёных сеть
И так аромат от трав густ!
Я яблоко, дело моё – висеть,
Пока не наступит август.
Ты всё ещё чаешь сорвать джек-пот,
Мол, Божии мы творенья...
Мы яблоки. Участь моя – компот,
А участь твоя – варенье.
Висишь, по течению не пlying,
Тебя точит червь сомнений,
А я кислотоватое для червя
И зрелое для волнений.
Я яблоко. Долго ли до конца?
Мне скоро уж падать с древа...
Ты что-то бормочешь про праотца,
Которого съела Ева...
Я думаю, как мне спокойно тут,
Как осень, наверное, дрябла,
Как, может быть, косточки прорастут
И вырастет много яблок.
Как славно, что мы не узнаем зим
И как аромат от трав густ...
Давай просто радостно повисим,
Пока не наступит август.

2016

Русалочка об Андерсене

Я бы вовеки не знала горя
В чистой целебной морской воде...
Ганс написал: я ребёнок моря –
А до него я жила везде:

В тесном аквариуме в зверинце,
В речке и в паре больших озёр...
Ганс написал, я любила Принца –
Ганс удивительный фантазёр!

Принц ни при чём – я горела целью
Вынырнуть, выплыть – Земля, встречай!
Фея сварила мне чудо-зелье
(кстати, по вкусу как чёрный чай),

С ней напоследок успели спеть мы –
Я же на сушу пошла немой...
Ганс ей присваивал статус ведьмы,
Я говорила ей: «Ангел мой!

Люди милее, чем осьминоги!
С Принцем уютнее, чем с китом!»
Ганс написал, как болели ноги –
Если б он знал, каково с хвостом!

Принц был нахохленный и степенный,
Как-то он спел для другой романс...
Ганс написал, что я стала пеной –
Неисправимый романтик Ганс!

Он не учёл одного нюанса,
Рукопись острым пером дразня:
Господи, я полюбила Ганса
С мига, как он написал меня!

Он в облака превратился вскоре –
Видимо, там и досочинил
То, что я стала ребёнком моря –
Моря волшебных его чернил.

2013

Бабочка и океан

Говорит, не трусит – вошла, мол, в раж, но
Это всё бравада и сплошь враньё:
Перелётной бабочке очень страшно –
Ведь стихия в общем-то не её.

Так тоскливо – впору повить белугам!
Пауками волны ей сеть плетут,
А она привыкла порхать над лугом,
Там цветы и травы... А тут, а тут

Глянет вниз – и бездна, и колот лёд в ней,
Ей кричат осколки, друг друга злей,
Что они видали поперелётней,
Покрылатей знали, пожуравлей,

Пострастней мечтавших о дальней дали,
Пополней хлебнувших полёта вкус –
Да и те частично не долетали:
Выдыхались или теряли курс...

Океан под крыльями флибустьерит –
Всё ему нагуливать аппетит...
Но она, конечно, летит и верит,
И хотя, конечно, не долетит,

Океану крошкой став к обеду,
Не увидев джунглей и их лиан –
Океан заметит свою победу.
Океан расплатится. Океан

И непобедимый, и безызъянный,
И опасный другу, как и врагу,
Будет долго-долго шататься пьяный
И громить трактиры на берегу.

Но был июнь

А встретиться мы, к примеру, в ноябре –
И я взялась бы капать ядом с жала;
Бежать домой, мол, я воображала;
Искать несовершенства на бедре,
Ногах и животе; залезть под плед;
Печально щёлкать пультом; между делом
Решить, что всё! – пора заняться телом;
Доесть четвёртый маковый рулет;
Поплакать в одинокую кровать
И заключить, что гордость – это сила!..

...Но был июнь, и я его спросила:
– Не мог бы ты меня поцеловать?

И будь ноябрь, он мог бы отойти
И пальцем у виска крутнуть, нахмурясь;
Поёжиться – мол, дурость, просто дурость!
Уткнуться в телефон – мол, кто в сети?
Пророчить мне проблемы и провал;
Лечить тоску таблеткой цитрамона;
Решить, что я вконец бесцеремонна...

Но был июнь, и он поцеловал.

Наверное, мы оба это зря,
Страданий нет, что для поэтов скверно...
Придётся быть счастливыми, наверное –
Как минимум, теперь до ноября.

В защиту муз

Ты сетуешь: муза опять далеко –
Не тянет к чернилам, не тянет к гитарам...
Неужто ты думаешь, музам легко?
Недаром они улетают, недаром...
Ты думаешь, так, на минутку зашла,
Шутя, вдохновенье твоё обронила?
А знаешь, как больно стоять у стола,
Мучительно медленно тая в чернила?
Ты знаешь, что с ними бывает потом,
За гранью порывов шального поэта,
За строчкой, за кадром, за книжным листом...
Скажи, ты когда-нибудь думал про это?

Прости мне мою откровенную речь.
Сочти это сказкой, рассказывай детям,
А муза – а музу не вздумай беречь,
Она прилетает к тебе не за этим!
Не бойся, пиши. Мимолётен дуэт.
Нет времени думать – хозяин ли, раб ли...

Твоя непутёвая муза – поэт.
Она тебя тоже испишет до капли.

А я была бы крестьянской девкой...

Вот жизнь научит –
и станешь дерзкой.
Не верь, не бойся и не проси!
А я была бы крестьянской девкой,
Когда бы в старой жила Руси.

Не знала б химий да прочих физик,
Без них понятно: весна к теплу.
А если б барин меня и высек –
Дак то ж за дело, а не по злу.

И пусть бы бабьи жужжали жала,
А мне не жалко, а мне чего?
Борщи б варила, сынка рожала,
Да причащалась не в Рождество,

А так, как надо – ежевоскресно,
Безмерно веря, что Бог спасёт.

И мне бы было неинтересно,
На что родилась, жила б – и всё!

Молву гнала бы за створки ставень
Да ухажёров – парней-кутил.
Меня бы барин да не оставил,
Меня Господь бы за всё простил.

Когда там думать о произволе?
Вон печь, вон пряжа, вон решето...
А нынче – воля, сплошная воля,
Да только бабе она на что?

И борщ неясно кому наварен,
И на работе сплошной завал...
Чего глядишь-то?

Голодный, барин?
Айда-ка ночью на сеновал!

Шоколадка

Сегодня так: уже нельзя обратно!
Куда теперь, раз села у огня?
Ты стягиваешь фантик аккуратно
С подтаявшей от нежности меня –
Снаружи – яркой, под обёрткой – сладкой,
Но лучше не выбрасывал фольгу б!
Я буду самой горькой шоколадкой,
Касавшейся твоих горячих губ...
Глазами этой бездны не измеришь,
Словами не ответишь на искус!
Я знаю: ты и сам себе не веришь,
И осторожно пробуешь на вкус.
Я тоже не могла себе представить,
Что стану вдохновением творца,
И буду таять, таять, таять, таять
До срока – да, но – нет, не до конца!

Целуй меня, пока я отвечаю,
И верь в меня, покуда я не лгу...
Пока могу, горчу, не огорчая,
А после – просто спрячусь под фольгу.

Суп с котом

Он опять со своими: «А что потом?»	Кот поплакал, узнав,
Мол, летал и запомнил,	что закончит супом.
что значит оземь.	Всё он мнётся да ёрзает, колгота!
– А потом, – говорю ему,	И молчит, и толчёт себе воду в ступе!
– суп с котом!	– Не тяни, – говорю я, – за хвост кота!
Но пока не потом, так что завтра	Хвост – он тоже хорош
– в восемь!	для навару в супе!
И глазами, хитрющими,	Он снимает мой бред поцелуем с губ.
как у шкод,	Мы взлетаем над массой машин
Я ему улыбаюсь в порыве глупом,	и люда...
Мне же здравого смысла	Мне до ужаса жалко кота на суп! –
наплакал кот.	На потом у нас будет другое блюдо.

Дарья ФАО

Дезинтеграция

Позвольте зашпориться, зашториться
И шариться в самом себе.
Разржавились рессоры сердца –
Сжимают грудь грубей.
Межа дыхания схилели, ссохлися:
Хрипеть – не колыхнуть
Чертогов рёберных, крутую грудь.
Спины надтреснутой разомкнут свод,
Кнут нервов хлещет, свищет и дерёт.
На кожном полотнище нищем вязь:
Кро-во-со-чит-ся скоропись,
По жилистости рук ложась
Оттенком синевы.
Не выгноить, не выгнать злую ржавь,
И сладость слабости слепит.
Пусти, пусть будет пустота – оставь.
Окостеневший механизм – пусть спит!

13 мая 2013 г.

* * *

Шарниры закручены до хрустального хруста,
На натянутых жильных струнах играет свет.
Сегодня ... я целовал пустоту в уста,
И она ... мне молчала в ответ.

4 августа 2013 г.

* * *

В вакхическом сладострастии
вздымая свои бока,
рифма, шальная шлюха,
жметя к груди стиха.
Стопа за стопую входит слово
в содом строфы,
языческой пляской ритма
разбив тесноту графы.

29 ноября 2013 г.

К будущему

Я еду в ночь, наполненную влагой
ещё не проварившегося дня,
не веря в силу взнузданного шага
из страха, прочно вросшего в меня.
Я еду в ночь, распятую на шпильях,
в заржавленную выдохом дорог.
А мысли предрассветьем избылият
и светом солнцелучих строк.

Август 2014

Identifico

Скалозубое поднебесье чрез шершавый язык полей изливает речную влагу.
В поднебесье – весь я: воплощаюсь в земную твердь,
вторю каждому шагу.

Скороветрым движеньем губ пробегаю испуганный лик
разрушенной церкви.

Старый жилистый сруб идолических древ распустился в моей крови.

Шелкокрылый рой птиц разгнезвился в ветвях кровеносных сосудов моих.
Вешний гром, пробуждаясь, теснится в подрёберных сводах с истомой,
Яснеют соцветья созвездий на древних ладонях – от линии к линии.

Я – лишь выбеленная пустотою страница, полустих-полустрока,
А Вселенная в каждом выдохе ширится,
умещающаяся на кончике моего языка.

2 октября 2014 г.

* * *

Переменчивый ветер чужих полей,
Переменчивый облик небес – облака.
Смотрю, колени не преклонен.
И мысль моя легка.

Февраль 2015 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Апрель

Подведены итоги пятого литературного конкурса «Гришинские проталины» для детей до 18 лет. Организатором конкурса выступает Тюменская централизованная городская библиотечная система при участии Тюменского регионального отделения Союза писателей России, Тюменского отделения Союза театральных деятелей Российской Федерации.

Победителями творческого состязания в своих возрастных группах в номинации «Проза» признаны Виктория Сергиенко и Екатерина Лозова, в номинации «Поэзия» – Екатерина Карпова и Александра Евдокимова. В некоторых возрастных группах первое место жюри не присуждало за неимением высокопрофессиональных работ. Зато среди самых младших участников было по два вторых и по два третьих места.

Май

Завершило очередной, уже седьмой с момента создания, сезон областное литературное объединение «Арион», ставшее областным клубом общения любителей литературы. На заседания клуба в Тюменскую областную научную библиотеку собираются профессиональные и самодеятельные литераторы Тюмени, Ишима, Тобольска, Исетского, Викулово, Нижней Тавды, Ялуторовска, Ярково и других муниципальных образований.

В редакции газеты «Янарыш» отметили 100-летний юбилей татарского писателя и педагога Якуба Занкиева.

Июнь

В Ишиме состоялась торжественная церемония награждения победителей одиннадцатого Всероссийского литературного конкурса имени П.П. Ершова.

Лауреатами стали Анатолий Байбородин (г. Иркутск) за книгу «Небесная тропа. Сибирские сказы», Любовь Турбина (ГТРК «Регион-Тюмень») за радиоспектакль «Сузге» по мотивам произведений П.П. Ершова, Виктор Калашников (г. Москва) за рукописи книг «О русских сказках» и «Самый главный» (книга о хлебе), Елена Усачёва (г. Москва) за книгу «Сказка для Агаты». Дипломов конкурса удостоены также наши землячки Ольга Ожгибесова (г. Тюмень), Алина Валге (Иванова), Светлана Радаева (г. Ишим).

В Екатеринбурге состоялось награждение победителей литературного конкурса УФО, который проходит при поддержке полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе Игоря Холманских. Лауреатом в номинации «Проза» стал член Союза писателей России, тоболяк Вячеслав Софронов, в тройку лучших прозаиков попала также член Союза писателей России из Тюмени Ольга Ожгибесова. Её книга «Белый бог с голубыми глазами» отмечена дипломом конкурса.

В Москве на Красной площади прошла третья Всероссийская книжная выставка с участием премьер-министра России Дмитрия Медведева. На празднике книги была широко представлена научная и художественная литература Тюменской области. Издательство Тюменского государственного университета приняло участие в нескольких деловых форумах, презентовав на них совместные с крупнейшими научными издательствами страны проекты. Презентацию книги «Тюмень с улыбкой» провела ГТРК

«Регион-Тюмень», искусствовед Наталья Сезёва представила москвичам альбом детских рисунков «Азбука Тюмени». Александр Новопашин презентовал два сборника стихов – вышедшую в Тюменском издательском доме «Вещь», а также изданный в московском издательстве «Вест-Консалтинг» «Частный случай». Сразу шесть книг Леонида Иванова представили три издательства Тюмени, Екатеринбурга и Москвы.

Наша делегация приняла участие во многих деловых форумах с участием министра культуры России Владимира Мединского, руководителей ассоциации книгоиздателей, федеральных структур.

Июль

В ведущих библиотеках пяти городов Вологодской области, в том числе Вологды и Череповца, население которых превышает 300 тысяч человек, прошли презентации альманаха «Врата Сибири». В мероприятиях принимали участие известные вологодские писатели. Они отмечали большую роль тюменского альманаха в формировании утраченного единого литературного пространства России.

Подведены итоги одиннадцатого литературного конкурса «Ода Тюмени», организованного Тюменской централизованной городской библиотечной системой при участии Тюменского регионального отделения Союза писателей России. На него поступило более 300 работ от сотни авторов. Победителями в своих номинациях и возрастных группах стали Павел Андреев, Олег Астафуров, Ольга Благинина, Кристина Высоцкая, Егор Косин, Мила Романова, Пётр Сафронов, Нина Федина, Пётр Шевченко. Специальные призы учредили Тюменское региональное отделение Союза писателей России, ОАО «Тюменский издательский дом», АНО «Тюменская область сегодня», Тюменская городская централизованная библиотечная система.

В День города в Тюмени состоялся традиционный праздник «Пикник книг». На протяжении шести часов перед любителями литературы выступали известные у нас писатели Николай Коняев, Виктор Строгальщиков, Анатолий Омельчук, Александр Мищенко, Станислав Ломакин, Ольга Данилова-Пушкар, детские писатели Василий Михайлов и Григорий Кайгородов, недавно принятые в Союз писателей Ирина Андреева, Владислав Корнилов, Леонид Ткачук, Ольга Гультьева, авторы нескольких сборников Владимир Герасимов, Антонина Маркова, Елена Русанова, Татьяна Малишевская, Мила Романова, члены ассоциации «Поэты Тюменской области».

На празднике активно шла торговля литературой, которую представили сами авторы, крупнейшие книжные магазины, издательства Тюмени и Екатеринбурга. На «Пикнике книг» побывало более 15 тысяч тюменцев и гостей города.

Август

В Нижней Тавде прошёл традиционный фестиваль «Когда струна сливается со строчкой». На нём выступали поэты и барды из многих городов и районов Тюменской и Свердловской области.

Сентябрь

На очередном общем собрании Тюменского регионального отделения Союза писателей России помимо обсуждения плана работы на 2018 год

и ряда текущих вопросов писатели обсудили вопрос о снятии с учёта тех, кто практически утратил связь с организацией. Таким образом можно сказать, что в рядах тюменских писателей в ходе подготовки к пятнадцатому съезду Союза началась чистка рядов.

Подавляющим большинством голосов снят с учёта и Николай Ольков за деятельность по дискредитации авторитета писательской организации, которая выразилась в многочисленных комментариях на сайте «Российский писатель» и в соцсетях, а также публикациях в различных изданиях.

Октябрь

Литературная страница газеты «Тюменская область сегодня» помимо печатного издания стала выходить в прямой эфир через интернет-вещание. Первой новую форму общения с поклонниками литературного творчества испытала на себе член Союза писателей России Ольга Данилова-Пушкарь.

Состоялся писательский десант по восточным районам Тюменской области. Виталий Огородников, Александр Новопашин и Леонид Иванов провели шесть встреч с читателями в Сорокинском, Викуловском, Абатском районах и в городе Ишиме, причём впервые в истории писательских десантов встреча с читателями в Ишимской городской библиотеке транслировалась в прямом эфире на сайте библиотеки. Её в режиме онлайн смотрело 69 человек.

Тюменские писатели приняли участие в XX региональном фестивале музыки, поэзии и авторской песни имени Евгения Шигина «Струны осени», который состоялся в Тавде Свердловской области. Помимо членов Союза писателей в гала-концерте приняли участие известный бард Виктор Крючев и творческое объединение «Лира» Нижнетавдинского района.

Ноябрь

В Нижнем Тагиле и посёлке Висим Свердловской области состоялась восемнадцатая конференция ассоциации писателей Урала и очередная церемония вручения Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, посвящённые 165-летию писателя.

На конференции обсуждался вопрос «Преемственность и новаторство в современной российской литературе». Тюменскую писательскую организацию на конференции представляли Анатолий Омельчук, Ольга Данилова-Пушкарь и Леонид Иванов.

Коротко об авторах

ДОВЫДЕНКО Лидия Владимировна. Родилась в 1952 году в Могилёвской области БССР, окончила Гомельский государственный университет. Писатель, поэт, публицист, краевед, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, доцент кафедры экономических наук Санкт-Петербургского университета управления и экономики (Калининградский институт экономики), главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов: «Тайны Пиллау» – 18 серий, автор около тысячи теле- и радиопередач, журналистских статей, 37 научных работ. Лауреат международных и всероссийских литературных премий.

Живёт в Калининграде.

ЕЛИНА Юлия Ивановна. Лауреат и обладатель Гран-при нескольких литературных конкурсов. Участник нескольких межрегиональных поэтических семинаров. Стихи печатались в журналах «День и ночь», «Новая реальность», «Гвидеон», «Белый ворон», «Волга», «Новая юность». Избранные стихотворения переведены на немецкий язык и опубликованы в журнале «Культурваген» в Германии.

ЗВЕЗДИН Анатолий Алексеевич. Краевед, член ИРК «Туринский уезд». Живёт в Тобольске.

ЗАНКИЕВ Якуб Камалиевич. (6.04.1917 – 7.03.2003). Основоположник прозы сибирских татар, родился в г. Иркутске. Окончил Тобольский татарский педагогический техникум (1935), физ.-мат. факультет Тобольского учительского института. Участник Великой Отечественной войны. Преподавал в школах, заведовал Тобольским районо (1952–55). В 1949 году – первая публикация в журнале «Совет мәктәбе» («Советская школа») под псевдонимом Кычыткан («Крапива»). В 1994 году в Тюмени вышла первая книга рассказов для детей «Кайчыколак» («Остроушко»). Вершина творчества писателя – роман «Иртеш таннары» («Зори Иртыша»), народно-историческая эпопея. Первая книга опубликована в 1988 году в литературном журнале «Казан утлары» («Огни Казани»), вторая – в 1995 году. В 1996–97 гг. книга переведена на русский язык и опубликована. В 1999 году вышла в свет книга «Ялкында отелгээн мәхәббәт» на татарском языке («Любовь, объятая пламенем») о жизни сибирских татар, их быте и нравах, традициях, обычаях, в 2001 году переведена на русский язык и опубликована. Заслуженный учитель школы РСФСР (1957). Лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Габдулы Тукая (2002).

Награждён орденами Отечественной войны I и II степени (1944, 1985), Красной Звезды (1944), медалями. Член Союза писателей Татарстана.

ИСТОМИН Иван Григорьевич. Родился 7 февраля 1917 года в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в семье коми-рыбака.

В трехлетнем возрасте тяжело заболел, на всю жизнь остался инвалидом, в девять лет встал на костыли. В 1934 году окончил Мужевскую семилетнюю школу, переехал в г. Салехард, с отличием окончил национальное педагогическое училище в 1938 году. В стенах педучилища был одним из организаторов национального литературного кружка и рукописного журнала «Ямал тату» («Искры Ямала»). Первое стихотворение «Олень» было опубликовано в окружной газете в марте 1936 года. С тех пор стихи и рассказы, очерки

и публицистические статьи систематически печатались в окружных и областных газетах. Двенадцать лет И. Истомин преподавал русский, ненецкий языки и рисование в школах Севера. В 1950 году Ямало-Ненецкий окружком КПСС перевел его в редакцию окружной газеты «Нарьяна Нгэрм» («Красный Север») заместителем редактора по дублированию газеты на ненецком языке.

В декабре 1958 года он переезжает в г. Тюмень и работает заместителем главного редактора по национальным литературам в Тюменском книжном издательстве. В издательствах Тюменском, Средне-Уральском, «Современник», «Советский писатель», «Художественная литература» увидело свет более 20 книг И. Истомина – повести, рассказы, стихи на ненецком и русском языках, романы «Живун», «Встань-трава». Педагогическая и литературная деятельность И. Истомина отмечены орденом «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть». Член Союза писателей СССР с 1955 года. Похоронен в Тюмени.

КАРАДЖИЧ Войислав. Поэт, литературовед, переводчик. Окончил филологический факультет в Белграде (отделение русского языка и литературы). Опубликовал семь сборников стихов и две книги мыслей-афоризмов. Переводил на сербский язык стихи Бродского, Куприянова, Цветаевой, Вознесенского, Сырневой, Дударева, Газизовой, Строкиной, Шевченка, Коровина, Степанова, Шамсутдинова, Юшина, Добровой, Певцова. Печатался во многих периодических изданиях и престижных литературных журналах. Его поэзия представлена в антологиях и публикациях. Ежегодно организует фестиваль поэзии в родном краю у памятника Вуку Караджичу, реформатору и родоначальнику сербского языка. Член Союза писателей Черногории. По национальности серб. Живёт в Никшиче.

КАРПОВ Александр. Родился в 1948 году в г. Горноалтайске. Жил и учился в г. Омске. В 1975 году после окончания института (инженер-строитель) уехал на ударную комсомольско-молодёжную стройку в г. Тобольск – строительство Тобольского НХК. В настоящее время строит жильё для тоболяков. Публиковался в местных СМИ, соавтор нескольких поэтических сборников.

КОСИН Егор (ЕФИМОВИЧ Игорь Аркадьевич). Родился 27 февраля 1955 года в г. Перми. Окончил Тюменский машиностроительный техникум и Тюменский индустриальный институт. Публиковался в местных периодических изданиях и коллективных сборниках. Автор книги стихов «От тоста – к тосту».

Руководит литературным объединением при Тюменском региональном отделении Союза писателей России. Кандидат технических наук. Живёт и работает в Тюмени.

ЛОМАКИН Станислав Константинович. Родился в 1941 году в селе Къшптовке Новосибирской области. После седьмого класса окончил училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в лётном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет, аспирантуру. Более сорока лет преподавал в вузах Тюмени.

Литературным творчеством занимается с 1965 года, его рассказы печатались в журнале «Уральский следопыт», в местной периодике. Автор нескольких книг и многих научных работ по истории философии, краеведению. Член Союза писателей России с 1997 года. Живёт в Тюмени.

МАЛЬЦЕВ Станислав Владимирович. Советский российский писатель. Прозаик, драматург, журналист. Родился в Свердловске в 1929 году. В 1953 году окончил отделение журналистики Уральского государственного

университета. Работал журналистом в газете «Тюменская правда», затем с 1956-го – ответственным секретарём, а с 1964-го – заместителем редактора. В 1973-м назначен собственным корреспондентом агентства печати «Новости» (с 1991 года – РИА «Новости»), где работал до 2000 года. Пишет прозу для взрослых, автор нескольких пьес, поставленных в своё время на сценах различных театров России, но получил известность и признание как детский писатель.

Детские книжки «Зайка Петя и его друзья», «Кузя Щучкин – рыжий нос», «Приключения Умнюшкина и Хитрюшкина в стране кошек», «Мы с Митяем» и другие неоднократно издавались в Средне-Уральском книжном издательстве, издательстве «Литур» (г. Екатеринбург), Тюменском издательском доме. Член Союза писателей России с 1985 года. С 1957 года живёт в Тюмени.

НОВОПАШИН Александр Павлович. Родился в 1959 году в городе Тюмени. Выпускник Тюменского государственного университета и Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации. Кандидат социологических наук. В начале своей трудовой биографии работал плотником-бетонщиком на стройках Нижневартовска, был редактором многотиражной газеты «На ударной стройке», первым редактором нижневартовской городской газеты «Варта». Избирался депутатом Нижневартовского городского и Тюменского областного советов народных депутатов. Работал в администрации Нижневартовска, правительстве Тюменской области, представительстве президента Российской Федерации.

Автор поэтических книг «Верховой» (2004), «Новый ковчег» (2014), «Вещь» (2016), «Частный случай» (2017), публикаций в журналах «Юность», «Культ личности», альманахе «День поэзии – 2016», газете «Слово», местных периодических изданиях, поэтических альманахах и сборниках.

Живёт в Тюмени.

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович. Известный русский писатель. Журналист, краевед, автор десятков книг, документальных и телевизионных фильмов. Действительный член (академик) нескольких академий. Окончил Томский государственный университет, много лет работал на Тюменском Севере, более четверти века возглавляет ГТРК «Регион-Тюмень». Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ.

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Живёт в Тюмени.

СЕЗЁВА Наталья Ивановна. Доктор искусствоведения, член Союза художников России, член ассоциации искусствоведов РФ (АИС), зав. отделом художественной культуры и искусства края Тюменского музея изобразительных искусств ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». Живёт в Тюмени.

СТЕШЕНКО Александр Георгиевич. Доцент, кандидат технических наук. Работал заведующим кафедрой АСУ, топ-менеджером компьютерной компании, был одним из руководителей комитета связи и информатизации Тюменской областной администрации. В настоящее время занимается творчеством. Живёт в Тюмени.

Серебряный лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси – 2017» в номинации «Проза».

ФЕДОСЕЕНКОВ Михаил Алексеевич. Родился в 1957 году в Кемерово, окончил Кемеровский технологический институт пищевой

промышленности. Служил в советской армии. Прибыл в Тюмень по распределению в 1984 году. Работал инженером, литконсультантом, художником, преподавателем. В 1989 году – участник девятого всесоюзного совещания молодых писателей. Автор четырнадцати книг стихов. В разные годы печатался в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Огни Кузбасса», «Эринтур», «Чаша круговая», в антологиях «Сибирская поэзия», «Русская сибирская поэзия», в «Антологии русского верлибра», журналах «Бийский вестник», «Наш современник», «Второй Петербург», различных коллективных сборниках, столичных и региональных газетах. Пишет картины и живописью зарабатывает на жизнь. Член Союза писателей России.

ЧЕКУНОВА Маргарита. Родилась 22.07.1993 года. Детство прошло в Ялуторовске. Окончила Тюменский государственный университет по специальности «Журналистика» (2011–2015), параллельно училась на направлении «Филология» (2012–2017).

Публиковала стихотворения в литературном альманахе «Врата Сибири» (№ 3, 2012, г. Тюмень), в журнале «Наш современник» (№ 6, 2014), альманахе современной прозы и поэзии «Дорога жизни», г. Санкт-Петербург, (№ 3, 2014), общественно-политическом еженедельнике «Литературная газета», г. Москва (№ 41, 2015), журнале «День поэзии – XXI век. 2015–2016», № 10. Автор поэтического сборника «Воздушный змей», г. Тюмень, 2014.

ЯКИМОВА Ксения. Ученица 9-го класса МАОУ СОШ № 5 города Тюмени, победитель литературного конкурса «Гришинские проталины».

ЯРКОВ Александр Павлович. Доктор исторических наук, профессор Тюменского госуниверситета.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы из книги «Азбука Тюмени:
город глазами юных художников»

На обложке:

Рисунок Гадиевой Камиллы, из альбома
«Азбука Тюмени: Мир глазами юных художников».

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке правительства Тюменской области.

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, оф. 1108
тел./факс: (3452) 49-00-18
E-mail: vrata_sibiri@mail.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81.
Директор-главный редактор Александр Скорбенко.
Тел. (3452) 49-00-18

Подписано в печать 28.11.2017 г.
Дата выхода номера в свет 16.12.2017 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 750 экз. Заказ № 2887. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Вёрстка номера: Денис Новин.
Корректоры: Елена Рыжкова, Оксана Ишимцева.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если её объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.